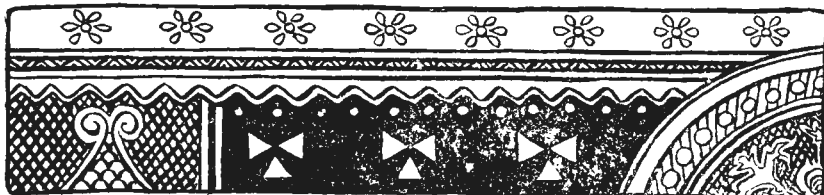

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ОКТЯБРЬ, 1904 Г.

ЧЕРЕЗЪ БУХАРУ НА ПАМИРЫ.

ВЕСНА и лѣто 1894 года въ Туркестанѣ были ознаменованы тѣмъ, что отряды подъ общимъ начальствомъ генераль-майора Іонова, распозаясь изъ Ферганы по Памирамъ, заканчивали свою боевую работу. Эта экспедиція, равно какъ и прежде бывшія подобныя ей, была направлена черезъ восточную часть Памира, Сары-Коль, имѣющую холмистый характеръ. Дорога эта была давно извѣстна, и ею пробирались уже не разъ къ Гиндукушу. Между тѣмъ, съ запада, изъ Бухары къ этому хребту было не такъ легко попасть, вѣрнѣе, даже считалось, что отсюда на Памиры пути нѣтъ по причинѣ непроходимости Дарваза, самаго восточнаго изъ бухарскихъ бекствъ, отдѣляющаго Шугнанъ и Рошанъ отъ ханства. При томъ, кромѣ Дарваза, рѣка Пянджъ представляла изъ себя вторую не менѣе серьезную преграду на пути и отбивала всякую охоту у желающихъ попытаться пробраться на Памиры съ запада.

А между тѣмъ, афганскіе отряды, тѣснимые генераломъ Іоновымъ, все болѣе и болѣе придвигались къ Дарвазу, постепенно очищая Рошанъ, Ваханъ и Шугнанъ.

Въ такомъ положеніи былъ этотъ вопросъ въ концѣ іюня, когда въ Самаркандѣ формировалась рекогноспировочная партія изъ охотничьей команды второго туркестанскаго линейнаго батальона, цѣлью которой было попытаться счастья пробраться именно черезъ бухарскія владѣнія на Памиры и тамъ соединиться съ отрядомъ генерала Іонова. Но, кромѣ того, чтобы взять съ этой экспедиціи все, что можно, со стороны высшаго начальства ей были даны еще двѣ са-

мостоятельныя задачи — изслѣдовать теченіе мало извѣстной рѣки Сангъ-Гардакъ и перерѣзать совершенно неизвѣстный районъ ханства — бассейнъ Тупалангъ-Дарьи, въ верховьяхъ которой, по предположенію, должны находиться обширные ледники.

Такъ какъ путь этой экспедиціи представляетъ изъ себя далеко не обычный маршрутъ по горнымъ дебрямъ Туркестана и захватываетъ собою Запанджскій Дарвазъ, по разграниченію 1895 года отданный Афганистану, и, значитъ, неизвѣстно, когда еще можно будетъ попасть кому либо изъ насъ европейцевъ, туда вторично, я и рѣшилъ, какъ участникъ этого похода, подѣлиться тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, съ людьми, интересующимися нашей такъ называемой Средней Азіей.

I.

4 іюля 1894 года въ лагерѣ второго баталіона была необычная суетливость. Бѣгали линейцы изъ барака въ баракъ въ то время, когда обыкновенно люди отдыхаютъ послѣ утомительной «стрѣльбы». На обозномъ дворѣ выводили и осматривали лошадей; болѣе крѣпкихъ отводили въ сторону, пригоняли имъ сѣдла и вьюки; болѣе слабыхъ возвращали въ стойла.

Возлѣ барака, гдѣ помѣщался я съ моимъ другомъ и начальникомъ предстоящей экспедиціи Н. Д., толпились охотники во главѣ со старшимъ, и между ними выглядывали изрѣдка фізіономіи денщиковъ, любопытствующихъ взглянуть на пріѣхавшаго изъ Бухары отъ эмира чиновника, долженствующаго сопровождать насъ въ дальній, гадательный путь. Чиновникъ этотъ, необычайно породистый, красивый и дипломатичный таджикъ, лѣтъ 55, степенно распивалъ у насъ нашъ незатѣйливый оберъ-офицерскій чай — обязательное, официальное угощеніе въ Туркестанѣ, и, не торопясь, чинно вель негромкій разговоръ съ Н. Д. черезъ бойкаго переводчика Подмосковнаго. Видно было, что опытному бухарцу не въ первый разъ приходилось выполнять разнаго рода отвѣтственныя порученія, и теперь онъ улыбался глазами, глядя на наши молодые лица, которыхъ, должно быть, ясно говорили, что мы рады, очень рады предстоящему походу.

На общемъ совѣщаніи за чаемъ было рѣшено двинуться завтра, пятаго, и, сдѣлавъ небольшой переходъ, остановиться недалеко отъ Самарканда съ цѣлью испытанія обуви и пригонки вьюковъ. Весь этотъ день прошелъ въ хлопотахъ и сборахъ; надо было собрать охотниковъ, себя, перековать наново лошадей, получить экспедиціонныя вещи, оружіе, патроны, деньги и нескончаемыя мелочи, отъ которыхъ часто зависитъ весь успѣхъ похода.

На утро, въ шесть часовъ, команда была выстроена. Всего 16 человѣкъ и 2 конюха; кромѣ того, я не удержался и взялъ съ собою своего вѣстового — крѣпкаго, ловкаго и честнаго пермяка Ежова, съ специальной цѣлью ходить за моимъ воронымъ, кромѣ него, никого, не исключая и меня, къ себѣ не подпускавшимъ. Н. Д. взялъ своего киргиза «Мальчика», крѣпкую, отличную, но избалованную лошадь. На этихъ коней мы взвалили все свое офицерское добро; а вещи команды уложили на 6 вьючныхъ лошадей и, кромѣ того, взяли одну арбу до Пянджикента, небольшого чрезвычайно красиваго городка, отъ котораго къ Самарканду ведетъ старыи, теперь уже брошенный почтовый трактъ.

Намъ надо было спѣшить, и хотя мы и получили указанія о томъ, что надо стараться не вступать съ афганцами въ непріязненныя дѣйствія, но приходилось скорѣе готовиться къ нимъ, нежели думать, что дѣло обойдется совершенно спокойно. Не знали мы при этомъ и тѣхъ пунктовъ, кромѣ Ша-джана, гдѣ находились въ то время наши памирскіе отряды. Впослѣдствіи же мы узнали, что и эти послѣдніе совершенно не знали о нашемъ движеніи, пока мы не вступили въ Дарвазъ. Подумали мы вдвоемъ, прикинули на карту, прочли двѣ—три статьи и рѣшили, что крѣпостца Ташъ-Курганъ въ Сѣверномъ Рошанѣ, занятая теперь казачьимъ развѣздомъ, есть тотъ пунктъ, чрезъ который мы явимся къ генералу Юнову. Въ этомъ духѣ былъ составленъ и маршрутъ пути, представленный по начальству.

Подтянули ослабшія подпруги у коней, прочитали молитву, перекрестились... и тронулись.

Шествіе открывали Н. Д., я, за нами чиновникъ, Миръ-Ахуръ, на прекрасномъ карабирѣ, покрытомъ великолѣпнымъ сплошь зашитымъ золотомъ чепракомъ; затѣмъ его слуга, взгромоздившійся на пѣгую съ сорочьимъ глазомъ лошадку, на которой былъ двухъ-аршинной высоты вьюкъ Миръ-Ахура, и за нимъ уже стройно выступала горсть линейцевъ въ бѣлыхъ рубахахъ, за которой тянулись наши вьюки и арба.

Миръ-Ахуръ ѣхалъ, улыбался глазами и, похлопывая по бархатному чепраку нагайкой, чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ: ему вѣдь все извѣстно—въ одномъ бекствѣ ему подарятъ лошадь и 200 тенегъ, въ другомъ — халатъ и лошадь, въ третьемъ еще чтонибудь, и такъ будетъ онъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ. А усталость—какая можетъ быть усталость у человѣка, съ пеленокъ ѣздящаго на конѣ, да еще такими покойными аллюрами, какъ хода да тропотъ; сиди да похлопывай нагайкой, вотъ и все. Другое дѣло, зачѣмъ русскіе идутъ туда, въ такія трущобы, куда далеко не каждый и бухарецъ проберется, но тутъ же и отвѣтъ: должно быть, дорогу желѣзную проводить. Ну, что жъ, пускай проведутъ, вѣдь все равно эмиръ не будетъ сопротивляться, значить

«майли». А майли, значить и ему, Миръ-Ахуру, майли, что тожь хорошо, или наплевать.

Совершенно незамѣтно перерѣзали мы весь Самаркандъ; захватили въ своихъ казармахъ еще кой-что изъ недостающихъ вещей, размѣняли на знаменитомъ Ригистанѣ русскіе рубли на сартовскія теньги, поругавшись при этомъ съ мѣнялами, и двинулись далѣе тѣми же безконечными садами по Пянджикентской дорогѣ къ первому нашему ночлегу въ Пейшамбе-Сіабъ.

Еще не было и двухъ часовъ, какъ мы расположились уже лагеремъ въ саду возлѣ мечети. Охотники пошли ловить рыбу въ многоводномъ арыкѣ Сіабъ, не уступающемъ по количеству воды хорошей русской рѣкѣ. Подъ котломъ затрещали сучья, лошадямъ брошенъ клеверъ, намъ и командѣ посланы кошмы—и походная жизнь завязалась, влилась въ точныя рамки и такъ осталась въ теченіе всѣхъ трехъ мѣсяцевъ похода.

Вскорѣ явился къ намъ охотникъ, завѣдывающій артелью, и доложилъ, что за собранныя въ никому не принадлежащемъ саду мечети дрова сарты требуютъ баснословныя деньги, за простыя лепешки еще болѣе и такъ далѣе въ этомъ же родѣ. Н. Д., знакомый съ подобными явленіями, выразительно ворочалъ глазами и молчалъ. Миръ-Ахуръ торжествующе улыбался и тоже молчалъ. Я удивленно смотрѣлъ и соображалъ, что при такихъ цѣнахъ отпущенныхъ намъ весьма небольшихъ суммъ не хватитъ и на одну десятую предстоящаго пути. Наконецъ Н. Д. принялъ рѣшеніе и, выдавъ расписку старшему изъ сартовъ въ томъ, что офицерами взято для команды столько-то дровъ, лепешекъ и пр., и что по причинѣ непомѣрно запрашиваемыхъ цѣнъ ничего не заплачено; на словахъ же было объяснено, что съ этой распиской надлежитъ обратиться въ Самаркандъ къ хакиму (уѣздному начальнику), который уплатитъ за все, что взято. Эффектъ этой мѣры былъ поразителенъ: моментально явился аксакалъ (старшина), палками прогнавшій галдѣвшую оборванную и праздную толпу, и пугливо объяснилъ, что за дрова ничего не слѣдуетъ платить, и что по закону съ гостей денегъ брать нельзя, а мы—гости; притомъ и дрова-то казенныя; тутъ же была прочтена сура изъ корана, гласящая о томъ, что и за глотокъ воды, данный путнику, надо искать награду не въ этой земной жизни; тѣмъ не менѣе за лепешки и прочую свѣдь земная награда была взята, и нельзя сказать, чтобы награда эта была малая: но плата была все же хоть сколько нибудь подходящая.

Весь остатокъ дня провели мы въ кейфѣ и разнаго рода мелкихъ исправленіяхъ въюковъ.

Намъ приходилось торопиться перевалить мощный Гиссарскій кряжъ и спѣшить соединиться съ Памирскимъ отрядомъ, послѣ чего можно было уже спокойно обратиться и къ выполнению дру-

гихъ порученій. Поэтому мы рѣшили дневокъ пока не дѣлать, а двинуться ускореннымъ маршемъ черезъ городокъ Пянджикентъ вверхъ по теченію рѣки Шинкъ-Дарьи и подняться на предполагаемый перевалъ Сил-Кухъ, ведущій въ бассейнъ искомой нами Тупалангъ-Дарьи; попутно рѣшено было обслѣдовать серію озеръ, носящихъ названіе Маргузарскихъ и питающихъ собою Зеравшанъ.

Въ пять часовъ утра всѣ были уже на ногахъ, а черезъ часъ отрядъ уже вытянулся по Пянджикентской дорогѣ подъ тѣнью густыхъ тополей и карагачей, длинными темными лентами убѣгающихъ вдаль вмѣстѣ съ многоводными шумящими арыками.

На полпути до ночлега, который былъ назначенъ въ кишлакъ Саразмынѣ, встрѣтилось намъ брошенное зданіе почтовой станціи «Гульба». Бѣлый, довольно большой, хорошей постройки станціонный домикъ уныло глянулъ на насъ своими черными безъ рамъ окнами; садъ заброшенъ, небольшой виноградникъ тоже—лозы или повытасканы, или поломаны, заборъ разрушенъ, конюшня скоро завалится. При видѣ этой грустной картины и на душѣ какъ-то становится грустно. Невольно задаешь себѣ вопросъ: зачѣмъ заброшенъ этотъ почтовый трактъ, какая тому причина? Неужели въ новомъ, только что оживающемъ краѣ есть уже отслужившія свою службу, успѣвшія состариться учрежденія, будто въ молодомъ, сильномъ тѣлѣ есть старыя гнилыя жилы?

Въ Саразмынѣ съ насъ опять содрали за все невѣроятныя цѣны, что возмутило даже Миръ-Ахура. Но таковы тогда были времена, что справедливо всѣмъ считалось за наказаніе ходить по глухимъ закоулкамъ русскаго Туркестана. Отношеніе къ русскимъ туземныхъ властей было подчасъ, по крайней мѣрѣ, странное; часто не только русскіе офицеры и чиновники, почему либо попадавшіе въ кишлаки изъ городовъ, не получали никакой помощи отъ старшинъ, аксакаловъ и минбашей, несмотря на предписанія администраціи, но встрѣчали явное недоброжелательство и разнаго рода препятствія. Жалобы не помогали, ибо дѣло сводилось въ концѣ концовъ ловкими баями и старшинами къ тому, что выходило, что они правы, а русскіе тюрк¹⁾ виноваты. Приходилось смириться и махнуть на это рукой. А между тѣмъ, результаты вскорѣ обнаружались, вылившись въ форму всѣмъ извѣстнаго Андиганскаго возстанія 1898 г. Но до тѣхъ поръ въ грубость и явное недоброжелательство населенія съ его аксакалами и минбашами по адресу русскихъ вѣрили только тѣ, кто непосредственно приходилъ въ близость съ ними и такъ или иначе страдалъ.

7-го іюля мы были уже въ Пянджикентѣ, а оттуда, повернувъ круто направо по рѣкѣ Шинкъ-Дарьѣ, прибыли на другой день въ кишлакъ того же имени, сдѣлавъ въ этотъ день 35 верстъ уже чисто горнаго похода.

¹⁾ Тюрк—офицеръ.

Тамъ насъ ждала все та же непріятность: волостной, не желая, должно быть, съ нами возиться, вопреки обычаю не только не встрѣтилъ насъ, но даже попросту приназаль сказать, что онъ въ отъѣздѣ. Жители, конечно, тотчасъ же поняли, въ чемъ дѣло, и сразу стали всячески препятствовать намъ въ приобрѣтении необходимыхъ продуктовъ. Дѣлать нечего, пришлось послѣ долгихъ криковъ и брани занять самимъ одну изъ сакель возлѣ базарчика, добыть за невѣроятную цѣну клевера, ячменя, лепешекъ и дровъ.

Оставалось раздобыть мяса. Подмосковный со старшимъ выбивались изъ силъ, чтобы достать на ужинъ командѣ барана. Но никто изъ жителей не хотѣлъ продать русскимъ и фунта мяса. Наконецъ, видя все это, пришлось принять рѣшительныя мѣры по розыску власть имущихъ, и явился, конечно, нехотя и съ отговорками, аксакаль. Дѣло кой-какъ уладилось послѣ получаса крика и ссоръ, и баранъ былъ купленъ. Его тутъ же зарѣзали, при чемъ бывшій его хозяинъ не преминулъ стянуть потихоньку шкуру и голову и былъ таковъ. Только послѣ ужина старшій, Осинцевъ, хватился шкуры, но было уже поздно. «Ну, ужъ и люди,—ворчалъ онъ,—просто аспиды»... Охотники молчаливо и съ недоброжелательствомъ поглядывали на сидящихъ на всѣхъ заборахъ и сакляхъ туземцевъ, безцеремонно разсматривающихъ насъ. Миръ-Ахуръ былъ внѣ себя, но держался въ сторонѣ отъ событий, чувствуя, что принять въ нихъ участіе и рискованно, и несвоевременно. Къ тому же видно было, что его сородичи (Миръ-Ахуръ оказался сыномъ наслѣдственнаго бывшего Каратюбинскаго бека) явно не питали къ нему никакого почтенія; а мы при такой обстановкѣ не могли предоставить ему никакихъ удобствъ. Да и дневной зной, доходившій до 55 градусовъ, и усталость давали себя чувствовать. Бѣдный царедворецъ снялъ съ себя свою великолѣпную бѣлоошнѣжную чалму, свой яркій шелковый халатъ, богатый серебряный поясъ съ старинной также богато украшенной шашкой и прилегъ на свой коврикъ. Его слуга снялъ съ лошади шитый золотомъ малиновый бархатный чепракъ—и вся обстановка изъ торжественной превратилась въ обыденно-походную.

Вскорѣ красные лучи заходящаго солнца перебѣжали съ нашего становища на скалу и, перебираясь все выше и выше, достигли самыхъ вершинъ, преслѣдуемые по пятамъ холоднымъ сырымъ мракомъ.

Отъ Шинка до перевала Сія-Кухъ, куда намъ надо было итти, и о которомъ во всемъ кишлакѣ знали лишь нѣсколько человекъ, насчитывалось около 40 верстъ, или, какъ считаютъ во всемъ Туркестанѣ, 5 ташей. Изъ разспросовъ пастуховъ выяснилось, что выючной дороги по самой рѣкѣ и ея озерамъ нѣтъ, а есть опасная пѣшая тропа. Поэтому вызвавшіеся въ качествѣ проводниковъ два таджика категорически совѣтовали итти верхней дорогой по хребту

горъ Маслягатъ-тепе и Ляйлякъ-гоу. На картѣ этой тропы показано не было; но прикинувъ, что высота перевала по этой тропѣ не превыситъ 11.000 футовъ, мы рѣшили вѣрнуться проводникамъ, въ чемъ впоследствии и не раскаялись.

II.

Рано утромъ 9 числа небольшой отрядецъ нашъ вытянулся по рѣкѣ Шинку, оставивъ негостеприимныхъ его обитателей въ ихъ глиняныхъ сакляхъ, возлѣ которыхъ мы только что переночевали, выглядывающими на насъ изъ-за угловъ, оконъ и заборовъ. Болѣе всѣхъ были довольны тѣмъ, что намъ не встрѣтится болѣе ни нашихъ аксакаловъ, ни волостныхъ, нашъ Миръ-Ахуръ и кашеваръ, рыжій, добродушный, съ громадными усами пермякъ Храпцовъ, которому въ эту послѣднюю стоянку досталось отъ какой-то разсвирѣпѣвшей старухи-сартянки, внезапно появившейся на нашемъ становищѣ и съ дикимъ крикомъ бросившейся колотить рыжаго усача. Долго еще послѣ этого дразнили въ командѣ Храпцова этимъ происшествіемъ.

На четвертой верстѣ караванъ нашъ, предшествуемый проводникомъ-таджикомъ, перешелъ по мосту черезъ Шинку и сталъ подниматься контрфорсами и отсыпями по направленію къ вершинѣ Ляйлякъ-гоу, оставивъ гдѣ-то внизу и влѣво бурно шумящій потокъ съ его ущельемъ и порослями. Дорога сразу стала очень тяжелою. Постоянный крутой подъемъ, зигзаги, которые выдѣлывала тропа, необычайно утомляли и людей и лошадей. Лошади начали оступаться и падать; поднимать ихъ приходилось съ большимъ трудомъ, при чемъ приходилось развьючивать. Камень и острый, какъ ножи, щебень рѣзали всѣмъ ноги, особенно въ первую половину пути, пока мы не взобрались на гребень громадной сѣдловины между вершинами Маслягатъ-тепе и Ляйлякъ-гоу. Лошади видимо стали уставать и требовали отдыха. Впереди всѣхъ коней шелъ мой красавецъ вороной съ Ежовымъ, который гордился тѣмъ, что его лошадь, какъ горный карабаиръ, такъ бойко прыгала съ камня на камень. Къ 12 часамъ дня мы были уже на высотѣ 8 тысячъ футовъ, когда сдѣлали привалъ, съ цѣлью дать собраться растянувшимся выюкамъ. Жара одолѣвала.

Но зато какіе виды открывались на каждомъ шагу! Трудно было предположить, чтобы этотъ, повидимому, голый неприглядный съ долины Зеравшана горный хребетъ былъ такъ дивно хорошъ. Уже съ первыхъ трехъ верстъ подъема стали попадаться сначала прекрасные луга съ пасущимися на нихъ стадами овецъ и барановъ, затѣмъ начались рѣдкіе кустарники жимолости, арчи и розовиднаго цвѣтущаго шиповника, потомъ все гуще и гуще; желтые

лепестки цвѣта чѣмъ выше, тѣмъ ярче пестрѣли передъ глазами. Наконецъ, арча поборола; потянулись крупныя ея заросли и перелѣски, забившіеся въ лога и ущелья. Ярко зеленая мурава стелется повсюду, наполняя медомъ воздухъ; ярко-красныя голыя вершины и скалы съ лѣпящимися у ихъ подножія рощами, густо синее небо надъ головами были дивно хороши. Начисто вымытыя росой и дождями вѣтви арчи, какъ кости, бѣлѣли и рѣяли въ дышащемъ воздухѣ. А внизу нѣтъ, нѣтъ да и засинѣетъ глубокая синева озеръ и ручьевъ, жилками перерѣзывающихъ зеленое поле безконечныхъ, падающихъ внизъ холмовъ и уваловъ. Такъ и кажется, что это не дѣйствительность, а талантливо исполненная красками рельефная карта.

За каждымъ камнемъ, за кустомъ высохшей травы слышенъ шелестъ и крикъ, своеобразный несмолкающій крикъ красногоровой горной куропатки, называемой туземцами «кекликъ». Гдѣ-то дальше и выше, со стороны сіяющихъ полей снѣга слышится выкрикъ улара ¹⁾, а вверху царятъ беззвучно бѣлоголовые орлы.

По недостаточной втянутости кой-кто изъ охотниковъ немного подбился на ноги, благодаря нашимъ російскимъ тяжелымъ сапогамъ. Гораздо тяжелѣе досталось бѣднымъ лошадямъ; кромѣ офицерскихъ, шедшихъ порожнякомъ, почти у всѣхъ коней ноги были избиты и поранены острыми камнями и щебнемъ; у многихъ изъ нихъ кровь струйками сбѣгала по ногамъ на траву. Просто жалко было видѣть непривычныхъ къ горнымъ тропамъ бѣдныхъ животныхъ, нагруженныхъ восьмипудовыми выюками. А дальше, несомнѣнно, дорога будетъ неизмѣримо хуже, или, вѣрнѣе, дороги не будетъ, по большей части, никакой, какъ справедливо объяснили проводники-таджики, которыхъ набралось уже цѣлыхъ пять человекъ, откуда-то присоединившихся къ намъ.

Передохнувши и наскоро закусивъ, тронулись дальше, неизмѣнно взбираясь все выше и выше и переползая то на лѣвый Шинкскій, то на правый Рогичскій склоны Маслягать-тепе. Останавливаться, чтобы отдохнуть отъ одышки, приходилось все чаще и чаще. Снѣжные пики все рѣзче и ярче высовывались изъ-за соседнихъ голыхъ вершинъ; нижнія Маргузарскія озера, иногда показывающіяся сквозь чащу арчи между отроговъ, казались уже маленькими чудно голубыми лужицами. У нѣкоторыхъ изъ охотниковъ показалась носомъ кровь. Лошади уставали, выюки перевьючивались—и снова движеніе. Солнце уже садилось за оставшуюся у насъ уже въ тылу вершину Ляйлякъ-гоу, когда мы по одиночкѣ потянулись по первому попавшемуся намъ балкону въ отвѣсной скалѣ, преградившей тропинкѣ дорогу. Жутко было идти, видя подъ собою пропасть на сотню сажень и чувствуя, какъ ка-

¹⁾ Породы горной индѣйки.

Спускъ съ дороги отъ перевала Чарага къ озеру Кабутакъ.

чается подъ ногами примитивно устроенное полотно дороги. Самая крупная и надежная лошадь «Сърый» легла, къ счастью, при выходѣ уже съ балкона на карнизъ. Долго пришлось съ ней провозиться, пока подняли ее; другія лошади, видя это, не шли и били; а вечеръ наступалъ, и темнота, зародившаяся гдѣ-то внизу, въ ущельяхъ, поднималась все выше и выше.

Наконецъ, повернувъ по отвратительной тропѣ налѣво въ ущелье ручейка Зиндовудъ и перейдя его вбродъ, мы стали взбираться на вершину давно ожидаемаго перевала Чарага, долженствовавшую быть нашимъ сегодняшнимъ становищемъ.

Было очень холодно, такъ какъ съ сосѣднихъ снѣжныхъ вершинъ тянулъ вѣтерокъ и обдавалъ насъ на голомъ холмистомъ перевалѣ, покрытомъ короткой травкой и залегшими въ складкахъ снѣжными полянами. Кругомъ ни куста, ни вѣтки, не было даже и обычнаго во всемъ горномъ Туркестанѣ высокаго зонтичнаго растенія, за свой отвратительный и сильный запахъ прозваннаго попросту вонючкой.

Благодаря догадливости добродушныхъ проводниковъ, захватившихъ съ собой нѣсколько вязанокъ арчи, намъ удалось развести огонь, пока охотники не принесли снизу арчевыхъ же вѣтокъ, за которыми пришлось идти версты за три внизъ въ сторону Рогича.

На утро, проснувшись чуть свѣтъ, я былъ пораженъ представившейся картиной. Мы находились подъ самой вершиной перевала, ведущаго изъ ущелья р. Рогича къ Маргузару. Передъ нами въ 3—5 верстахъ самоцвѣтными камнями искрилась своими снѣгами гора Тюльпе-тау, насчитывающая около 15 т. фут. высоты. За ней и кругомъ насъ высились то цѣлые снѣжные или скалистые хребты, то отдѣльно поднимающіеся къ небу пики: налѣво горделиво высилась громадная Акбай-Вору, впереди за Тюльпе-тау и ея отдѣльными вершинами выглядывалъ Новорусъ, а направо поднимался изъ-за темнѣющаго ущелья Рогича массивъ Хаазретъ-Султана съ ближайшею блистающею снѣгами и уже обнажающимися льдами Куги-Тархъ. Казавшаяся намъ недосыгаемой по своей высотѣ вчера Маслягаты-тепе представилась сегодня очень скромныхъ размѣровъ эллипсовидной вершиной, увѣнчанной красноватыми оголенными скалами. Кругомъ, ниже и наравнѣ съ нами, было царство горныхъ луговъ, покрытыхъ разнообразными цвѣтущими травами, съ значительными площадями зимняго снѣга; запахъ меда носился надъ холмами; чувствовалось какое-то дикое приволье. Мы находились на высотѣ 11 тысячъ футовъ, въ поясѣ короткой травы и послѣднихъ альпійскихъ луговъ, смѣнившихъ на восьми-девяти тысячахъ футъ голыя неприступныя скалы съ арчевыми перелѣсками, и въ свою очередь долженствующихъ быть смѣненными еще болѣе дикими и неприступными утесами вперемежку со снѣгами и фирномъ, граничащими на высотѣ 12.000 футъ съ царствомъ вѣчнаго блага покрова и льдовъ.

Куда мы должны сегодня прійти,—никто не зналъ; не знали и наши чумазые добродушные проводники, на всѣ разспросы твердившіе, что «юль ясманъ, бисіаръ сангъ, бисіаръ барфъ»¹⁾, и при этомъ упоминали какой-то пунктъ Туша-Пазонъ. Миръ-Ахуръ съ подведенными отъ вчерашняго перехода глазами, съ отчаяніемъ во взорѣ смотрѣлъ на скалистые отроги Тюльпе-тау и уныло покачивалъ головой; его важность исчезла; блестящія одежды давно уже были уложены во व्यюки, съ его гнѣдого карабаира снятъ драгоценный чепракъ, и бѣдный царедворецъ, попавшій въ такую неприятную передрагу, былъ только въ ситцевыхъ халатахъ, своей все же бѣлоснѣжной чалмѣ и мягкихъ красивыхъ туземныхъ сапогахъ, называемыхъ «тогоги».

Теперь намъ приходилось огибать слѣва главный массивъ Тюльпе-тау, то лѣпясь по голымъ контрфорсамъ, то углубляясь въ отдѣльныя боковыя вершины, отдѣляющія тропу отъ ущелья, на днѣ котораго иногда показывались дивнаго глубокаго синезеленаго цвѣта озера Маргузаръ и Кабутакъ. Путь весь состоялъ изъ ряда частыхъ подъемовъ и спусковъ съ преобладаніемъ все же подъема. Мы пересѣкали ручейки въ самыхъ ихъ истокахъ, пробирались между глетчерными камнями и переходили цѣлыя поляны грязнаго талаго снѣга и груды щебня отъ разрушившихся скалъ. Иногда тропа пропадала совсѣмъ, и наши вожакъ, поводя своими головами направо и налево и внимательно разсматривая каждый камень, сворачивали куда нибудь за извѣстную только имъ скалу и выходили благополучно къ подорожнымъ знакамъ²⁾. Встрѣчались опасныя и рискованныя мѣста, но мы миновали ихъ приблизительно благополучно, развѣ побьется лошадь или охотникъ, не рассчитавъ, скатится на нѣсколько шаговъ внизъ вмѣстѣ съ подавшимся подъ его ногами камнемъ.

Маргузаръ уже больше не показывался, но зато Кабутакъ все чаще и чаще ласкалъ нашъ глазъ своею дивно спокойною поверхностью. Наконецъ, ноги наши почувствовали, что дорога идетъ на спускъ, и вскорѣ мы подошли дѣйствительно къ самому спуску къ озеру Кабутакъ. Миръ-Ахуръ обернувшись, увидя такой спускъ. Съ самаго мѣста, гдѣ остановилась вся наша команда, съ рѣзко выраженной узкой сѣдловины, начиналось паденіе по уклону не менѣе 50—55 градусовъ въ долинку, сплошь заполненную зеленью.

¹⁾ «Дорога плоха, масса камней и снѣга».

²⁾ Во всемъ горномъ Туркестанѣ, Бухарѣ и на Памирахъ перевалы и всѣ болѣе или менѣе замѣтные повороты и подъемы дорогъ обозначены столбами, сложенными изъ кусковъ тутъ же валяющихся камней или гальки. Дѣло сохранения дорогъ считается у туземцевъ настолько святымъ, что почти вездѣ вошло въ обычай, чтобы каждый прохожій въ такихъ мѣстахъ бралъ хотя одинъ камень и кладъ на этотъ столбъ. Такимъ образомъ, благодаря этому обычаю, и подорожные знаки сохраняются въ удивительной исправности и; благодаря хотя и такой незначительной расчисткѣ, тропа яснее видна путнику.

Головоломная тропа буквально опрокидывалась внизъ между громадными камнями, спускаясь словно по лѣстницѣ, ступени которой достигали мѣстами двухъ аршинъ высоты, все ниже и ниже, и наконецъ терялась въ тѣхъ же камняхъ.

Мы начали спускаться. Картина была восхитительна. Подъ нами въ широкомъ ущельѣ бѣжалъ ручей Азоръ-Чашма; все ущелье, его склоны и почти отвѣсные бока были сплошь покрыты густымъ арчевымъ лѣсомъ, листовными деревьями и кустарниками разныхъ породъ. Ущелье на горизонтѣ замыкалось дѣвственно снѣжнымъ хребтомъ по всему горизонту картины. Озеро Кабутакъ, видимый нами его уголь, какъ чистымъ изумрудомъ, красовалось своей поверхностью. Въ складкахъ скалъ и горныхъ массивовъ дрожали голубыя полупрозрачныя тѣни. Сейчасъ же, по ту сторону Азоръ-Чашмы, начинался отъ самаго Кабутака скалистый покрытый арчевымъ лѣсомъ гребень, поднимающійся по направленію блистающаго своимъ ледникомъ и снѣгами Сія-Куха; намъ сверху было видно, какъ полотно тропы, по которой намъ лежалъ дальнѣйшій путь, просвѣчивая сквозь зелень перелѣсковъ, взбиралось на этотъ гребень и, дойдя до его вершины, пропадало въ ущельѣ Туша-Пазона.

Спускъ къ Кабутаку начался около двѣнадцати часовъ, и около трехъ мы были уже на берегу озера. Тяжело было въ эти часы отрядцу. Лошади не шли; ихъ пришлось развьючивать и тяжести нести на себѣ; бѣдныя животныя бились и въ ужасѣ не хотѣли дѣлать тѣхъ гигантскихъ прыжковъ по этой поистинѣ чортовой лѣстницѣ; ногайки свистѣли и безжалостно работали по ихъ крупамъ; охотники надрывались, таща лошадей за веревки. Наконецъ, кое-какъ мы спустились къ озеру и остановились на роздыхъ.

Посмотрѣть диковинныхъ путниковъ собралось челоуѣкъ пять любопытныхъ горцевъ. Изъ разспросовъ ихъ оказалось, что они попали сюда изъ Маргузара той же дорогой, что и мы, со своими стадами; что на Туша-Пазонѣ есть также нѣсколько партій барановъ, пригнанныхъ изъ того же Маргузара, но другой, правой, стороной озеръ. Всѣ пастухи единодушно утверждали, что чрезъ переваль Пянджъ-объ (названіе Сія-Кухъ они произносили рѣже) дороги теперь въ Гиссарскій край, пожалуй, нѣтъ, а что недѣли черезъ три, когда ледникъ совершенно оголится отъ покрывающаго его снѣга, можно будетъ перевалить въ долину Тупаланга, или, какъ они называли, Хованъ-Дары.

Кабутакъ оказался озеромъ безъ одного живого существа, и всѣ пастухи въ одинъ голосъ показали, что во всѣхъ Маргузарскихъ озерахъ не найти ни одной рыбы. Зато, по ихъ словамъ, въ Кабутаку водятся страшныя водяныя чудовища, подъ названіемъ «кучуку-абы», что голова у нихъ, какъ у собаки, и тѣло все, какъ у собаки, только нѣтъ лапъ; эти кучуку-абы подплываютъ къ самому берегу, гдѣ поглубже, и хватаютъ и людей, и овецъ.

Вершина перевала Ся-Кухъ (последняя снежная ступень).

— Мы поэтому и сакли строимъ повыше отъ воды,—закончилъ, вертя глазами, рассказъ одинъ изъ черномазыхъ таджиковъ.

— А ты видѣлъ ихъ когда нибудь?—спросилъ Н. Д.

— Нѣтъ, я не видалъ, и мои товарищи тоже не видѣли, а старики рассказывали въ Маргузарѣ, что одинъ мулла видѣлъ,—не хотя отвѣтилъ горецъ.

Около четырехъ часовъ поднялись мы снова въ путь и начали взбираться на лѣсистый контрфорсъ, благополучно, хотя и съ трудомъ, переваливъ черезъ него, очутились въ ущельѣ Туша-Пазонъ. Пройдя около трехъ верстъ, немного выше впаденія въ этотъ потокъ еще какого-то многоводнаго ручья, стремящагося сплошнымъ каскадомъ въ ущелье, мы остановились, застигнутые темнотой, на ночевку. Было очень холодно; отъ бурнаго многоводнаго потока вѣяло сыростью; рѣдкіе арчевые кусты не служили защитой отъ холоднаго рѣзкаго вѣтерка, тянущаго внизъ по ущелью и отъ виднѣющагося снѣжнаго контрфорса горы Новорусъ.

Совершенный путь былъ настолько труденъ, что за весь день, за 15 часовъ почти непрерывной работы было пройдено всего лишь около 14 верстъ. Я лично чувствовалъ себя также порядочно разбитымъ, такъ какъ, благодаря съемкѣ, стремленію нанести побольше набросковъ и собрать матеріалъ, я не отдыхалъ и на привалѣ.

Мы были опять уже на высотѣ, нѣсколько большей 8 тысячъ футовъ.

На слѣдующій день, 11-го іюля, въ обычное, уже установившееся само собой время, караванъ нашъ былъ въ пути. Ущелье нѣсколько поворачивало вправо и снова принимало строго южное направленіе. Когда мы прошли верстъ пять, прекратились послѣдніе кусты арчи. Снѣгъ сталъ попадаться громадными залежами, которыя мѣстами приходилось переходить. Надо было спѣшить, чтобы засвѣтло перевалить главный хребетъ, иначе мы рисковали, по крайней мѣрѣ, поморозиться.

Подойдя къ небольшому болоту, окруженному мокрыми лужайками, мы увидѣли передъ собой ущелье заваленнымъ снѣгомъ толщею въ нѣсколько сажень, изъ-подъ котораго вырывался нашъ ручей. Острые отвѣсные пики тѣснили другъ друга подъ ущельемъ. Тропа, какъ бы испугавшись, бросилась вправо на самыя отсыпи и скалы, лишь бы обойти эту громадную снѣжную поляну. Это былъ, вѣроятно, нижній конецъ ледниковой морены. Опять лошади начали спотыкаться и падать, снова посыпался лавинами щебень и камни, грозя засыпать идущихъ внизъ. Приходилось переходить зигзаги, строго выжидая, пока впереди и вверху идущіе не уйдутъ настолько, чтобы не быть какъ разъ надъ оставшими внизъ товарищами.

По небу стали прогуливаться бѣлыя облака. Было совѣмъ не жарко; только при остановкахъ солнце нѣсколько припекало.

Всѣ встрѣчающіяся ущелья были положительно забиты снѣгомъ. Темно-коричневые утесы грозно стояли кругомъ, оставляя обширную котловину, наполовину засыпанную снѣгомъ и обрушившимися съ сосѣднихъ скалъ камнями. Здѣсь, въ этой котловинѣ, пріютившись отъ солнца подъ защитой восточныхъ отроговъ, и находится часть ледника Сія-Кухъ. Нѣсколько ниже его саженъ на полтора ста скромно синѣетъ озерцо, принимающее въ себя всѣ бѣгущіе въ котловину ручейки. Берега озера забросаны большихъ и малыхъ размѣровъ камнями и цѣлыми скалами лѣвой наружной морены. Нѣтъ никакой возможности разобраться въ хаосѣ каменныхъ грудъ. Далѣе, снѣжное поле кругомъ обступило озерцо. За нимъ высится громадная огибающая съ трехъ сторонъ котловину ступень, саженъ въ 150 высоты, также засыпанная снѣгомъ, а за ней опять снѣга и снѣга, и только отдѣльными небольшими, пирамидами чернѣютъ вѣнчающіе весь хребетъ унылые пики.

Вскорѣ добрались мы до этихъ пиковъ, между которыми сложенъ дорожный столбъ, и, раскатавъ наши шинели, вѣ ближе другъ къ другу и укрываясь отъ холоднаго вѣтра, вырывающагося изъ ущелья черезъ сѣдловину, стали грызть кто сухарь, а кто уцѣлѣвшую еще отъ Шинка сартовскую лепешку. Лошади сбились въ кучу и, ставъ крупами къ вѣтру, дрожали отъ холода. Никакъ не ожидалъ я, что среди лѣта въ Туркестанѣ будетъ такъ холодно, при томъ сѣрая облака смѣнили вѣчно синее южное небо, вслѣдствіе чего весь колоритъ пейзажа былъ непохожъ на вчерашній знойный, но яркій день.

Сапоги и одежда на насъ промокли насквозь; мы начинали дрожать; вѣтеръ сталъ усиливаться. Пришлось собираться и двигаться дальше. Н. Д. командовалъ подъемъ, и отрядъ потянулся къ перевалу. Подковообразная вершина Сія-Куха вѣнчалась всюду торчащими обнаженными почти черными пиками (Сія-Кухъ—въ переводѣ значитъ черныя горы). Между этими пиками проводники насчитали намъ три перевала; лѣвый, восточный, ведущій въ бассейнъ рѣки Кштутъ-Дары, или, вѣрнѣе, въ верховья Искандеръ-Дары (правильнѣе Кара-Куль), средній—въ ущелье Тупаланга и правый тоже въ Тупалангъ, но не прямо, а къ одному изъ притоковъ этой рѣки.

Какъ на наиболѣе доступный, проводникъ указалъ намъ на средній.

Подойдя къ подорожному знаку, я увидѣлъ крутой и рѣзкій спускъ куда-то внизъ. Передъ глазами разстилался цѣлый рядъ хребтовъ, замѣтно мѣняющихъ свое направленіе на западъ и также замѣтно понижающихся. Вѣроятно, мы вышли на вер-

ховье не главнаго ручья Тупаланга, а одного изъ его правыхъ притоковъ, такъ какъ слѣва въ наше, такъ сказать, ущелье вливалось другое еще болѣе обширное ущелье, отдѣленное отъ насъ лишь однимъ громаднымъ контрфорсомъ. Вверху по направленію этого втораго ущелья проводникъ показалъ намъ сѣдловину-переваль, съ которой въ юго-западномъ направленіи, какъ можно было разобрать, спускалась едва замѣтная тропа.

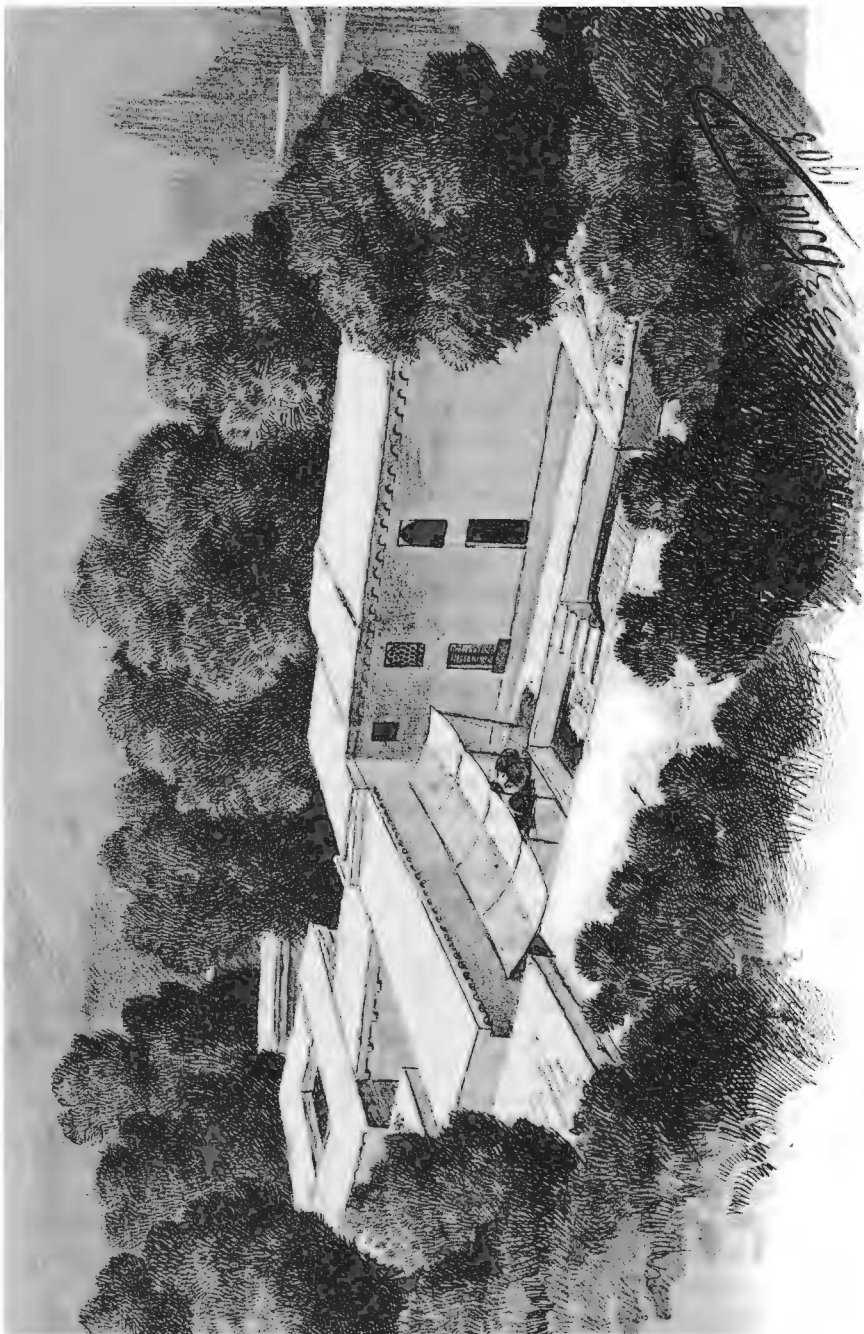
Мы были на высотѣ 15 тысячъ футовъ, на государственной границѣ, отдѣляющей Россію отъ Бухарскаго ханства. Почти всѣ хребты и отроги были ниже насъ; многія изъ вершинъ ихъ увѣнчаны снѣгами. Въ общемъ горы носили характеръ холмистыхъ громадъ съ выпятившимися, словно разорвавшимися, скалистыми вершинами, покрытыми снѣгами. Но все же рѣзко бросилось въ глаза, что южный склонъ Гиссарскаго хребта значительно круче сѣвернаго, и что запасы снѣговъ на этомъ склонѣ сравнительно невелики.

Съ какою-то радостью бросились мы внизъ, по необычайно крутымъ зигзагамъ тропинки, соскучившись за долгій и тяжелый подъемъ; казалось, что и лошади и собаки почували, что страдная пора приходитъ къ концу, и бойчѣе устремились внизъ. Такъ вотъ она, Тупалангъ-Дарья, о которой ходили только темные слухи! Проводники, указавъ намъ на сливающиеся подъ нашими ногами ручьи, назвали главный изъ нихъ Пянджъ-объ'омъ, то-есть пятирѣчьемъ.

Около двухъ верстъ шли мы снѣгомъ и наконецъ ступили на столь знакомую намъ уже травку. Внизу, какъ букашки, ползали и копошились стада. Съ нами вмѣстѣ бѣжалъ внизъ и ручей, забирая все болѣе и болѣе вправо. Попадались мочежины и мокрые луга; обиліе влаги было поразительное; вотъ если бы и осенью ледники питали такъ рѣки, какъ теперь, тогда, быть можетъ, добрая половина ихъ не терялась бы по арыкамъ въ садахъ и селеніяхъ или въ пескахъ, но доходила до Сурхана или Аму-Дарьи.

Вскорѣ повстрѣчали мы косякъ кобылицъ, затѣмъ другой, третій, и все ущелье запестрѣло стадами ишаковъ и лошадей узбековъ, перебравшихся сюда на лѣто пользоваться сочной травой обильныхъ богатыхъ луговъ верховьевъ Тупаланга. Рѣка имѣла уже до десяти шаговъ ширины и несла значительное количество воды, разливаясь по мокрымъ лугамъ довольно широкаго въ этомъ мѣстѣ ущелья. Но чѣмъ дальше, тѣмъ виднѣе, какъ ущелье это суживается, принявъ наконецъ южное направленіе.

Приблизительно на пятой верстѣ намъ встрѣтились кибитки кочевниковъ. Стая злѣйшихъ псовъ бросилась на насъ и нашихъ собакъ, видѣвшихъ, что бой будетъ неравный, и потому скромно прижавшихся къ намъ. Сдѣлали небольшой рздыхъ съ цѣлью

Карагагъ. Домъ Кунъ-Бенъ.

дать подтянуться разбившейся на кучки командѣ. Миръ-Ахуръ едва смогъ слѣзть съ сѣдла и въ изнеможеніи повалился на камень; около него засуетились проводники и его слуга.

Гурьба черныхъ полуголыхъ ребятишекъ высыпала изъ юртъ; за ними показались такіе же чумазые парни; намъ вынесли не безъ нѣкотораго замѣшательства катыку (кислое козье разбавленное водой молоко), завязался небожкій разговоръ. Оказалось, мы попали въ узбекскую кочевку, одну изъ многихъ, разбросавшихся на привольныхъ мочжинахъ верховьевъ Тупаланга. При разспросахъ узбеки называли рѣку Хованъ-Дарьей, по имени кишлака, расположеннаго въ двухъ съ половиной ташахъ отсюда; нѣкоторые произносили даже «Хобакъ».

Было пять часовъ вечера, и мы тронулись далѣе, такъ какъ Миръ-Ахуръ, вошедшій въ роль хозяина, не совѣтовалъ оставаться въ такихъ дикихъ аулахъ, находя для себя что-то неудобное.

Рѣка бурлила и въ своихъ низкихъ ярко-зеленыхъ мокрыхъ берегахъ дѣлала крутые петли и повороты. Въ нее почти на каждомъ шагу по уклону едва не въ 45° вливались спадавшіе съ обоихъ параллельныхъ рѣкѣ хребтовъ ручьи и рѣчки. Шумъ журчащей воды наполнялъ ущелье. Горы при своемъ стремленіи къ югу значительно понижались; снѣгъ на нихъ поадался все рѣже и рѣже; скалы уступали мѣсто холмистымъ отрогамъ. Арча, сначала едва видная на вершинахъ, все настойчивѣе спускалась внизъ, куда сбѣгала подъ конецъ густыми рошицами. Дорога, вѣрная разъ избранному ею направленію, вилась по правому берегу, сначала по мокрымъ лугамъ, мимо кочевокъ и довольно основательно построенныхъ мостовъ, затѣмъ среди грудъ камня, въ лѣсѣ гигантской вонючки. Въ густой травѣ и подъ камнями не разъ переползали намъ дорогу темнозеленыя толстыя змѣи.

Было уже около одиннадцати часовъ ночи, когда мы наконецъ увидѣли огни нашего ночлега, оказавшагося группой кибитокъ, разбитыхъ подъ нѣсколькими широкими вязами.

Движеніе наше съ перевала было такъ стремительно, и мы такъ всѣ устали, что, не разставляя палатокъ, повалились на разложенную подъ открытымъ небомъ кошму. Всѣ члены мои ныли отъ переутомленія, голова отказывалась работать. Даже самые крѣпкіе изъ охотниковъ просили Н. Д. разрѣшить имъ лечь, не поужинавъ. Рѣшено было подогрѣть мясные консервы, взятые въ путь, и напитокъ чай.

Въ сосѣдней кибиткѣ были слышны стоны несчастнаго Миръ-Ахура, растираемаго въ полубезсознательномъ состояніи своимъ вѣрнымъ слугой.

III.

На слѣдующій день снова движеніе по отвратительнымъ тропинкамъ. Миновали пустой кишлакъ Хованъ и послѣ двѣнадцати часовъ непрерывнаго пути по головоломнымъ балконамъ и карнизамъ надъ мощной бурной и полноводной рѣкой, послѣ ежечаснаго развьючиванія и навьючиванія измучившихся коней, падавшихъ вмѣстѣ съ помогающими охотниками, окруженные дикой, но величественной природой, среди рощицъ чернаго клена, боярышника и миндаля, мы добрались наконецъ до кишлака Заммакъ, довольно значительнаго и болѣе богатаго, нежели Хованъ, селенія.

Кромѣ Хована и Заммака, на всемъ протяженіи 16-ти верстъ пути мы видѣли нѣкоторые признаки осѣдлой жизни, въ видѣ часто попадавшихся багарныхъ полей на холмистыхъ отрогахъ горъ, а внизу, по рѣкѣ попадались урюковые ¹⁾ сады и огороды. Каково достались намъ эти шестнадцать верстъ, показываетъ то, что для прохожденія ихъ мы потратили болѣе 12-ти часовъ времени почти непрерывнаго движенія.

Расположились мы въ приближномъ урюковомъ саду, позвали черезъ Миръ-Ахура когонибудь изъ жителей; къ намъ тотчасъ же пришли человекъ десять здоровыхъ парней, съ которыми охотники не преминули сойтись на пріятельскую ногу. Купили барана, правда, очень дорого; спросили, увидя поспѣвающія довольно плохого сорта яблоки, почему стоитъ десятокъ ихъ. Парни посовѣтовались и заявили какую-то непомерную цѣну. Мы разсмѣялись, они тоже, но на цѣнѣ своей упорно стояли, и сдѣлка не состоялась. За сучки для согрѣванія чая заплатили очень дорого, и вообще все наши торги носили тотъ же характеръ, что и въ кишлакахъ Самаркандской области, съ той лишь разницей, что въ нашихъ, россійскихъ владѣніяхъ мы встрѣчали еще, кромѣ того, злобные взгляды и затаенную злобу, а здѣсь здоровый, добродушный наивный смѣхъ если не друзей, то, по крайней мѣрѣ, людей, ничего дурнаго противъ насъ не имѣющихъ.

Миръ-Ахуръ, хотя и надѣлъ два-три щеголеватыхъ ситцевыхъ халата, но скромно молчалъ и велъ себя, какъ самый застѣнчивый гость, а отнюдь не какъ хозяинъ, какъ онъ не разъ заявлялъ намъ по ту сторону Сія-Куха. Я не преминулъ обратить вниманіе Н. Д. на это обстоятельство.

На утро снова поплелись въ путь. Но едва прошли мы двѣ версты по дну уширившагося ущелья, какъ горы снова, еще съ большой настойчивостью надвинулись на рѣку и загородили намъ дорогу. Въ этомъ мѣстѣ въ Хованъ-Дарью почти подъ прямымъ

---

¹⁾ Урюкъ—абрикось.

угломъ впадаетъ едва ли не болѣе многоводная, нежели она, рѣка Ша-турутъ, стремительно несущаяся справа по довольно широкой щели. Ша-турутъ можно признать даже за главную рѣку, а Хованъ за ея притокъ по той причинѣ, что первая не только несетъ большее количество воды, но при сліяніи не мѣняетъ своего направленія, а увлекаетъ съ собою и Хованъ на протяженіи болѣе чѣмъ полуверсты, гдѣ уже по сліяніи, сдѣлавъ поворотъ къ югу, начинаетъ бурлить въ узкомъ, темномъ и глубокомъ коридорѣ.

Такъ удачно начавшійся маршъ долженъ былъ остановиться. Дойдя до этого поворота, мы очутились передъ тропой, шириной не болѣе полутора фута, въ отвѣсной стѣнѣ, поднимающейся на самую вершину ея. Лошади не шли, такъ какъ не помѣщались на ней; ихъ развьючили, думая провести порожнякомъ, но и это оказалось невозможно. Проводники, взятые въ Заммакъ, торжественно заявили, что до сихъ поръ ни одна лошадь по этой тропѣ не проходила, и они отказываются итти дальше. Охотники остановились въ нерѣшимости; всѣмъ живо представился весь только что пройденный путь съ его лишеніями. Одинъ изъ проводниковъ незамѣтно скрылся. Къ остальнымъ пришлось приставить часовыхъ. Миръ-Ахуръ сначала что-то кричалъ и шумѣлъ, а потомъ стихъ и апатично глядѣлъ на насъ, выжидая, что мы предпримемъ.

Черномазые пріатели, увидя, что изъ-подъ караула никуда не уйдешь, предложили единственное, по ихъ мнѣнію, средство попытаться переправить лошадей вплавь на правый берегъ, гдѣ какъ видно, шла довольно сносная полоска каменистой отмели. На рѣкѣ былъ островокъ, гдѣ можно было передохнуть.

Я видѣлъ, какъ безпокойно засуетился Н. Д. при этомъ предложеніи, съ какой любовью посмотрѣлъ онъ на своего необычайно любимаго имъ киргиза и наконецъ вопросительно уставился на меня.

— Что жъ, Н. Д.,—сказалъ я,—давайте пробовать что ли, не назадъ же итти въ самомъ дѣлѣ...

Тотъ круто повернулся и крикнулъ:

— Отводи лошадей внизъ, разсѣдывай...

Послали за ишаками въ Заммакъ; посланные вернулись, доложивъ, что жители не даютъ.

— Взять,—скомандовалъ Н. Д.—Подмосковный, передай Миръ-Ахуру, что нужны ишаки, пускай распоряжается, иначе я силой возьму.

Миръ-Ахуръ понялъ, что какъ никакъ, а надо дѣйствовать, и подъ прикрытіемъ четырехъ охотниковъ со старшимъ отправился назадъ въ Заммакъ добывать перевязочныя средства.

Черезъ часъ штукъ восемь ишаковъ были, правда, не безъ брани и нагайки со стороны Миръ-Ахура, доставлены къ отряду.

Рѣшено было выюки перетаскивать на рукахъ и, гдѣ можно,

везти на ишакахъ, и, дѣлая хотя бы по пяти верстѣ въ день, итти впередъ къ Сары-джую.

Вскорѣ лошади были рассчитаны по лучшимъ охотникамъ и подведены къ самому берегу. Началась переправа. Я видѣлъ, какъ мой Ежовъ, подхваченный струей, сползъ съ вороного и поплылъ возлѣ. За нимъ желтѣла спина упрямаго киргиза—«Мальчика», а далѣе среди брызгъ и пѣны ревущей рѣки бились и остальные лошади. Мы не спускали глазъ съ переправы, но вотъ одна за другой стали выбиваться лошади къ берегу; коноводы вылѣзали вслѣдъ за ними. Теперь можно было двигаться и намъ.

Нашъ путь лежалъ подъ отвѣсной скалой, нависшей такъ низко надъ тропой, что приходилось мѣстами сгибаться въ поясищѣ. Миръ-Ахура волокомъ, полумертваго отъ страха, обвязаннаго веревками, протащили раньше всѣхъ вьюковъ; затѣмъ принялись такимъ же способомъ перетаскивать и грузы.

Но это было послѣднее опасное мѣсто на пути къ Сары-джую. Дальше дорога пошла нѣсколько лучше. Мы скоро миновали прелестный кишлакъ Мизотъ, обслѣдовали дальнѣйшее теченіе рѣки, которая приняла уже наименованіе Тупаланга, и снова очутились въ области орѣха и чинаръ.

Было уже около семи часовъ вечера, когда мы взобрались на послѣдній гигантскій конгрфорсъ, перегородившій намъ дорогу и заставившій подняться болѣе чѣмъ на 2.000 футовъ надъ Тупалангомъ. Кое-какъ, опасливо косясь на черную пропасть, гдѣ должна была быть рѣка, мы перетащили измученныхъ животныхъ черезъ послѣдній опасный карнизъ и увидѣли подъ ногами темнѣющую долину съ группой садовъ. Это были кишлаки Гиссоракъ и Хардъруи—наше сегодняшнее становище. Отъ нихъ до Сары-джуя было всего лишь 12 верстѣ отличной горной дороги. Всѣ ободрились и неудержимо устремились внизъ, усталости какъ не бывало.

Дойдя до становища, я увидѣлъ Миръ-Ахура, стоящаго съ длинной палкой въ рукахъ и грозно разносящаго толпу собравшихся жителей. Нѣсколько охотниковъ съ помощью самихъ хозяевъ разворачивали глиняный заборъ сада, куда надо было провести лошадей. Согнувшійся отъ усталости Миръ-Ахуръ самъ сталъ тыкать палкою по забору, какъ бы помогая солдатамъ.

— Гостей такъ встрѣчаете, мусульмане... Гости шли, большіе гости шли къ вамъ, а вы чашки холодной воды не вынесли имъ; или, быть можетъ, въ коранѣ не написано этого?.. Гостей самого эмира такъ встрѣчаете,—съ укоризной и не безъ угрозы въ голосѣ твердилъ нашъ дипломатъ. Возлѣ него стояли молчаливые слушатели и, должно быть, думали про себя: чортъ бы тебя побралъ съ твоимъ эмиромъ и съ гостями-то; мы тутъ трудимся, насъ амлякдары обираютъ, а тутъ еще гости... Лошадей по одной вводили черезъ проломъ въ садъ; охотничьи собаки развалились

на самой клеверной площадкѣ. Храмцовъ съ мѣста побѣжалъ къ рѣкѣ мыгъ котель для пищи... Я съ легкимъ сердцемъ, совершенно счастливый, но изнемогая отъ усталости, пыльный и грязный, вошелъ также и повалился на кошму рядомъ съ растянувшимся уже на ней Н. Д.

IV.

Около двѣнадцати часовъ слѣдующаго дня, т.-е. четырнадцатаго іюля, мы были уже въ Сары-джуѣ и, расположившись подъ колоссальнымъ чинаромъ, предавались кейфу. Всѣ заботы и сомнѣнія на время были оставлены, налицо было лишь одно хорошее, радостное.

Встрѣтили насъ, очевидно, благодаря внушенію Миръ-Ахура, съ необычайной торжественностью. Дальновидный дипломатъ еще прямо изъ Хардъ-руи отпросился поѣхать впередъ и, нарядившись снова въ свои пышныя дипломатическія одежды, снова сталъ прежнимъ тонкимъ и богато одѣтымъ Миръ-Ахуромъ, какимъ онъ предсталъ предъ нами въ Самаркандѣ. Только лицо его значительно похудѣло и потемнѣло, да лошадь носила на своемъ крушѣ и ногахъ глубокіе слѣды ранъ и забоинъ. Косоглазый Санхо-Пансо также отправился съ Миръ-Ахуромъ.

Какое-то особенно радостное чувство охватывало всѣхъ насъ при видѣ, какъ съ каждымъ поворотомъ дороги горы становились все ниже и, расплываясь какъ будто куда-то впередъ и внизъ, уступали свое мѣсто яркому ясному голубому горизонту. Съ каждымъ шагомъ, казалось, свѣта въ долинѣ прибывало, картина казалась намъ такою новою. И, странное дѣло, дѣлая теперь по шести верстѣ въ часъ по прекрасной дорогѣ, намъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ и Н. Д., казалось, что мы идемъ медленно, и что надо прибавить шагу.

Наконецъ и массивные желтые покатые холмы, загоразивавшіе намъ кругозоръ, окончательно разступились, и мы увидѣли Сары-джуѣ и часть давно желанной Гиссарской долины. Передъ нами, рѣя въ утреннемъ яркомъ свѣтѣ, стоялъ четырехольникъ стѣнъ зданій и башенъ бухарскаго городка, точь въ точь, какъ часто изображаютъ въ дѣтскихъ книжкахъ типы палестинскихъ городовъ временъ Іисуса Христа. Ярко-красная глина, изъ которой были построены и крѣпость и городъ, положительно блестяла на солнцѣ, придавая какой-то особенный колоритъ всей картинѣ.

Охотники были въ восторгѣ, слышался говоръ и смѣхъ; даже обыкновенно очень сдержанный Н. Д. при видѣ раскинувшагося города всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Вотъ такъ доходились, нечего сказать, попали прямо въ Палестину!

Не доходя версты двухъ отъ вѣзда въ зеленѣющіе передъ гор-
 родкомъ сады, насъ встрѣтила разодѣтая пестрая, блестящая на
 яркомъ солнцѣ серебромъ своихъ поясовъ и шапекъ, толпа во
 главѣ съ самимъ амлякдаромъ. При видѣ красивыхъ лицъ, чисто
 и щегольски одѣтыхъ всадниковъ, на прекрасныхъ выхолненныхъ
 лошадяхъ, мы почувствовали себя и грязными и неодѣтыми. Ко-
 манда построилась справа рядами, чтобы не ударить въ грязь.
 Амлякдаръ ловко соскочилъ съ сѣдла и, прижимая руки на жи-
 вотѣ въ знакъ уваженія, съ ужимками, даже застѣнчиво подошелъ
 къ намъ. За нимъ поспрыгивали съ коней и остальные. При по-
 мощи Подмосковнаго, почему-то вдругъ оробѣвшаго, послѣдовало
 чинное знакомство. Н. Д. и я совали свои загорѣлыя руки сна-
 чала въ холенныя бѣлыя аристократическія руки амлякдара и его
 чиновниковъ, а потомъ, въ порядкѣ постепенности, ладони, хва-
 тавшія наши руки, становились все темнѣй и грубѣй, и самая
 послѣдняя была уже положительно грязная и жозолистая, а у
 владѣтеля ея за поясомъ виднѣлась нагайка и «арканъ» (веревка).
 Миръ-Ахура въ толпѣ не было, что не ускользнуло отъ опытнаго
 глаза Н. Д., который спросилъ, гдѣ тотъ.

— Миръ-Ахуръ дома, онъ занятъ приготовленіями по приѣму
 на мѣстѣ такихъ почетныхъ гостей,—залепеталъ подобострастно
 амлякдаръ, хитро сверкнувшій глазами и понявшій, что нарушение
 восточнаго этикета со стороны Миръ-Ахура не прошло незамѣ-
 ченнымъ ¹⁾.

Мы двинулись далѣе; за нами, ковыляя такъ же, какъ и мы,
 пѣшкомъ, поползъ амлякдаръ съ видомъ самаго полного отчаянія
 по поводу того, что ему, никогда не ходившему пѣшкомъ, при-
 дется пройти цѣлыхъ двѣ версты. За нимъ потянулись пѣшкомъ
 и его слуги. Я замѣтилъ это Н. Д., и мы, не желая мучить такъ
 внимательно принявшихъ насъ хозяевъ, принуждены были сами
 сѣсть верхомъ и такъ вѣхали въ Сары-джуи.

Послѣ долгаго скитанія по горнымъ трупобамъ, приѣмъ, ока-
 занный намъ въ Сары-джуѣ, поразилъ насъ своею пышностью.

¹⁾ Въ Бухарѣ соблюденіе этикета является особой наукой, знаніе которой
 является, пожалуй, исключительно необходимымъ. При этомъ, благодаря обычной
 чрезвычайной дерзости бухарскихъ властей, ловко прикрываемой утонченной
 приниженностью, мы, русскіе, вначалѣ всегда становимся орудіемъ какихъ ни-
 будь низкихъ продѣлокъ со стороны бухарскихъ чиновниковъ исключительно
 потому, что по нашему русскому благодіюію упускаемъ и не считаемъ суще-
 ственнымъ совершенно возстановить нарушаемый этикетъ. Толпа даже самаго
 заходустнаго горнаго аула Бухары до того воспитана въ этомъ этикетѣ, что
 замѣчаетъ малѣйшія тонкости въ его измѣненіи и уже дѣйствуетъ сообразно
 своему пониманію въ такихъ случаяхъ, часто далеко не въ нашу пользу. Мнѣ
 самому не разъ приходилось потомъ испытывать служебныя недоразумѣнія,
 родившіяся исключительно на почвѣ взгляда сквозь пальцы на невинное, пови-
 димому, нарушеніе бухарскими чиновниками ихъ вѣдѣнаго этикета.

Намъ отвели часть дома амлякдара съ садомъ, на самомъ берегу Тупаланга, т.-е., вѣрнѣе, съ обширной чистой площадкой, обнесенной деревянной рѣшеткой, въ одной сторонѣ которой росъ колоссальный вѣковой чинаръ. Подъ этимъ чинаромъ были поставлены намъ столы, покрытые бѣлою невытою скатертью и установленные сплошь всякаго рода туземными яствами. Тутъ были и фисташки и всякаго рода орѣхи, миндаль, урюковыя косточки, жаренныя въ соли, халва, пастилы и конфеты, приготовленныя на бараньемъ салтѣ; были разнаго рода и вкуса лепешки, стояли тарелки съ гранатами, разрѣзанныя по туземному этикету великолѣпныя дыни и пр., и главнымъ образомъ стояло съ одной стороны стола нѣсколько головъ сахара и лежало въ бумагѣ фунта два зеленого («кокъ») чая. Это былъ извѣстный во всемъ Туркестанѣ «достарханъ», т.-е. подношеніе гостямъ, которое по обычаю должно завязываться въ скатерть и забираться гостями, какъ непремѣнный подарокъ.

Прифранченный Миръ-Ахуръ, торжествующій и довольный, стоялъ у столовъ и съ поклономъ привѣтствовалъ насъ. Команда тутъ же, на этой же площадкѣ, но по другую сторону чинара расположилась на отдыхъ, людямъ варился обѣдъ и чай.

Подали чай, и мы съ жадностью стали утолять имъ жажду. Затѣмъ, когда мы немного такимъ образомъ отдохнули, къ намъ явился Миръ-Ахуръ съ амлякдаромъ и въ длинной тонкой дипломатичной рѣчи освѣдомились, какъ намъ чувствовалось въ пути, и довольны ли мы встрѣчей.

— Объ этомъ въ подробностяхъ расскажетъ Миръ-Ахуръ, — смѣясь сказалъ по-сартовски Н. Д. При этихъ словахъ лицо старика сдѣлало страшную гримасу, какъ то слѣдовало по этикету; при томъ, и на самомъ дѣлѣ Миръ-Ахуръ до того измучился за дорогу, что глаза у него ввалились, и воспоминаніе о путешествіи по горамъ врядъ ли могло вызвать у него веселыя воспоминанія. Царедворецъ, забравъ въ легкія побольше воздуху, заговорилъ пѣвучимъ голосомъ, то повышая, то понижая его, сообразно съ изложеніемъ событій; при этомъ, когда глаза Миръ-Ахура начинали блестятъ испугомъ, лицо амлякдара приобрѣтало то же выраженіе и, какъ зеркало, отражало въ себѣ все то, что было написано на лицѣ рассказчика. Тѣмъ не менѣе, какъ рассказчикъ, такъ и его слушатель не забывали взглядывать и на насъ, желая видѣть, какое впечатлѣніе вынесли мы изъ всей этой сцены.

— Ахъ, лицемѣры, — полушепотомъ говорилъ мнѣ, по своему обычаю крутя глазами, Н. Д., — вѣдь одинъ фокусникъ вретъ и вѣрять въ то, что вретъ, а другой знаетъ, что слушаетъ чистѣйшій вымыселъ, дѣлаетъ видъ, что это такъ интересно, и придумываетъ, что бы еще вставить въ эту ложь, когда уже онъ будетъ ее передавать своимъ женамъ и пріятелямъ...

Послѣдовали уговоры насъ остаться здѣсь погостить недѣлю, двѣ, и на нашъ отказъ и слова, что намъ надо торопиться, и что поэтому мы не можемъ воспользоваться такой любезностью, намъ отвѣчали покачиваніемъ головы въ знакъ сожалѣнія и кроткимъ, почти голубинымъ наклоненіемъ головы.

Наконецъ, хозяинъ, замѣтивъ, что онъ не смѣетъ своимъ присутствіемъ болѣе мѣшать дорогимъ гостямъ, какъ говорится, благородно ретировался вмѣстѣ съ Миръ-Ахуромъ во второй дворъ своего помѣстья, а мы тотчасъ же попросту спустились къ рѣкѣ, разлившейся здѣсь на три рукава, и начали совершать свой туалетъ.

Городъ Сары-Джуй, если бы въ немъ не было старой полу-разрушенной крѣпости и не сидѣлъ амлякдаръ, никоимъ образомъ не могъ бы почестся городомъ. Выгодно расположенный въ низовьяхъ Тупаланга въ томъ мѣстѣ, гдѣ воды этой рѣки расходятся по цѣлой серіи арыковъ, онъ насчитываетъ всего лишь до 100 дворовъ; есть въ немъ убогій даже для Гиссарскаго края базаръ; прекрасные, какъ и вездѣ въ Гиссарѣ, сады—и болѣе ничего. Былая роль Сары-Джуя—запирать ущелья Тупаланга, а настоящая—быть дѣлителемъ водъ рѣки.

Сопоставляя всѣ данныя, собранныя за трудный семидневный путь, становится яснымъ, что многоводный Шинкъ и не менѣе многоводная Тупалангъ-Дарья никогда не служили тѣми нитями, придерживаясь которыхъ шли дороги, связывающія двѣ богатя долины—Зеравшанскую и Гиссарскую. Существованіе же совершенно бѣлаго мѣста на нашихъ картахъ тамъ, гдѣ долженъ быть бассейнъ Тупаланга, и то обстоятельство, что весь этотъ обширный районъ до сихъ поръ не былъ ни разу пересѣченъ изслѣдователями, можно объяснить исключительно недоступностью горъ и, въ сущности, полнымъ отсутствіемъ дорогъ. На всемъ своемъ протяженіи въ самомъ кряжѣ Гиссаровскаго хребта въ 70 верстѣ Тупалангъ, принимая въ себя четыре значительныхъ притока и цѣлую серію небольшихъ ручейковъ, течетъ въ такомъ узкомъ и глубокомъ ущельѣ, которое не допускаетъ даже возможности бѣднякамъ-туземцамъ построить свои хижины на его берегахъ, а заставляетъ, въ большинствѣ случаевъ, ютиться небольшими общинами значительно выше. Даже вьючной ишачной тропѣ иногда нѣтъ мѣста въ ущельѣ, и она принуждена мѣстами значительно отходить отъ него въ сторону. Понятно, почему отъ самаго Шинка до Сары-Джуя мы не встрѣтили никакихъ слѣдовъ былой культуры; даже не напали на развалины хотя бы одного изъ многочисленныхъ во всемъ краѣ дорожныхъ сооруженій добраго генія былой Бухары, Абдуллахъ-хана. Значитъ, даже этотъ настойчивый и терпѣливый радѣтель о путяхъ сообщенія не счелъ возможнымъ бороться съ природой съ цѣлью соединить здѣсь, по Тупалангу, дорогой Гис-

сарь съ Самаркандомъ, а повелъ ее кружнымъ путемъ черезъ Сангъ-гардакъ и Кешъ (Шаршаузъ).

Дорого и намъ достался этотъ путь. Двѣ лошади сторяча кое-какъ дошли отъ Хардъ-руи до Сары-Джуя, но тутъ оказалось, что у одной изъ нихъ переломленъ выше крестца хребеть, а другая, израненная и изнуренная, лежала теперь, не подавая никакой надежды. Особенно жалко было первую, хорошаго когда-то рыжаго жеребца. Несчастное животное, съ громадными усилиями поднятое на ноги, едва стояло и стремилось всѣми силами удержать валившійся то въ одну, то въ другую сторону задъ. Утромъ 15-го обѣихъ пришлось отдать на попеченіе любезному амлякдару, который вскорѣ сообщилъ намъ послѣ нашего выступленія, что оба коня сдохли черезъ два дня послѣ нашего ухода, и спрашивалъ, какъ поступить съ ихъ шкурами.

Остальныя лошади хотя и были пригодны для дальнѣйшей службы, но требовали немедленнаго отдыха и лѣченія ранъ и паразитовъ. Обувь нижнихъ чиновъ требовала особеннаго ухода; большая половина сапогъ была или окончательно негодна къ употребленію или при носкѣ приносила немалыя страданія охотникамъ. Ни кавказскіе порпины, очевидно, рассчитанные на меньшую жару, ни наши форменныя солдатскіе сапоги окончательно не годились для похода въ горахъ Туркестана. Одежда порвалась и требовала серьезной починки.

Осмотрѣвъ все подробно, мы стали раздумывать, остаться ли въ Сары-Джуѣ на отдыхъ или сдѣлать еще два перехода около 70 верстъ до Каратага. Рѣшено было идти въ Каратагъ и тамъ уже отдохнуть дня три и привести матеріальную часть въ порядокъ. Основаніемъ такому рѣшенію послужило то обстоятельство, что въ Каратагъ въ настоящее время находился самъ Кушъ-беги, переѣхавшій туда изъ Гиссара на дачу, и при томъ этотъ городъ являлся самымъ крупнымъ центромъ всей долины, гдѣ можно было достать столь желанныя нами «мукки».

На утро выступленіе. Хлѣбосольный хозяинъ вмѣстѣ съ Миръ-Ахуромъ и слышать ничего не хотѣли о какой либо платѣ за все, что взято было для команды и лошадей.

— Намъ братъ не велѣно, вы — гости эмира; эмиръ уже распорядился заплатить тѣмъ, у кого взять для команды и ячмень, и клеверъ, и хлѣбъ, и все. Мы братъ не смѣемъ, — твердилъ амлякдаръ. Вторя ему и вступивъ наконецъ въ давно желанныя права главнаго распорядителя и герольда, Миръ-Ахуръ волновался еще болѣе и, потрясая тоненькой, сложенной въ плоскую палочку бумажкой, утверждалъ, что въ Бухарѣ вездѣ порядки такіе, и что заплатить за что либо гость можетъ только, будучи чѣмъ либо особенно недоволенъ, чѣмъ, конечно, поставить хозяевъ въ необходимость довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства.

Мы не смѣли больше настаивать и ограничились тѣмъ, что одарили, какъ могли, прислугу амлякдара, да дали милостыню нищимъ. Впослѣдствіи мы дѣйствительно убѣдились въ справедливости словъ Миръ-Ахура, равно какъ и въ магическомъ дѣйствіи его сложенной въ плоскую палочку бумажки, которую онъ вынималъ изъ-за пазухи тщательно свернутою; онъ горделиво показывалъ всякаго рода сановникамъ имѣющуюся на ней таинственную печать.

Теперь же Миръ-Ахуръ, все еще съ подведенными, несмотря на отдыхъ въ Сары-Джуфъ, глазами, торжественно ѣхалъ передъ нами въ какомъ-то невиданномъ еще ни мной, ни Н. Д. красивомъ шелковомъ халатѣ.

— Уже получилъ первую мзду, — усмѣхнулся Н. Д., по обыкновенію поведя глазами въ сторону нашего дипломата.

Косоглазый слуга его ѣхалъ тоже какъ будто въ новомъ туалетѣ. Значить, триумфъ нашихъ друзей уже начался.

Мы вступили въ плодородную Гиссарскую долину. Еще восемь часовъ утра, а солнце уже жжетъ изрядно. Впереди разстилается широкая невиданная нами долина, на востокъ сливающаяся съ горизонтомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ небо изъ густо синяго и голубого становится почти молочно-бѣлымъ. Впереди и вправо виднѣются группы пышныхъ киплящихъ садовъ, разбросанныя по всей ширинѣ долины и постепенно убѣгающія вдаль подъ самую подошву хребта Баба-тагъ, едва показывающагося изъ общей синевы неба. Тупалангъ со своей дивной чистой водой ушла почти прямо на югъ къ городку Сары-Ассія. Мы идемъ холмами, обѣжавшими съ Гиссарскаго края, лѣвой стороною долины. Все такъ невиданно и ново: и низкіе домики уже не съ плоскими, какъ во всемъ Туркестанѣ, глиняными крышами, а съ стропильными кровлями, напоминающими нашу далекую Русь, крытыми камышомъ и кугой¹⁾ и обмазанными глиной же; и дивные сады, наполненные гранатами и смоквой или великолѣпными орѣхами и виноградомъ, который культивируется здѣсь не такъ, какъ въ Самаркандской области — низкими кустами, а переплетаетъ своими лозами и кровли домовъ, и дувалы, и стволы, и вѣтви деревьевъ. Бахчи съ дынями и арбузами окаймляютъ сады; гигантскія тыквы рдѣютъ на солнцѣ, переѣшивая свою зелень съ зеленью винограда. Хлѣбъ, уже снятый, стоитъ сложенный кучами на обширныхъ, исчезающихъ на горизонтѣ поляхъ, почему общій тонъ долины уже является желтымъ; но подъ самымъ Баба-тагомъ во всю долину видимой нами долины протянулась ярко зеленая лента заливныхъ полей и камышей Каратагъ-Дарьи, стремящейся слиться съ Тупалангомъ и добѣжать до Аму. Встрѣчающіеся на дорогѣ жители также зна-

¹⁾ Особый родъ тростника.

чительно отличаются отъ видѣнныхъ ранѣе. Способъ повязки чалмы нѣсколько иной; у всѣхъ верхніе халаты изъ темной шерстяной самодѣльной сермяги, на ногахъ мукки, на которыя мы посматриваемъ съ завистью. Открытыя красивыя лица съ густыми черными бородами, смуглый цвѣтъ кожи изобличаютъ въ нихъ настоящихъ горныхъ таджиковъ. Плоскошейныя, часто двухцвѣтныя лошади славящейся въ краѣ Гиссарской породы, съ острыми холками, плоско-широкими, скакового типа, ногами съ длинными щетками подъ бабкой попадаютъ на каждомъ шагу. По широкой вьющейся черезъ холмы и саян дорогѣ ползутъ волю, запряженные въ самаго примитивнаго устройства сани съ широчайшими полозьями, грубо скрѣпленными между собой поперечинами, къ которымъ мочальными вицами привязано дышло. Арбы нѣтъ и помину, а, значитъ, нѣтъ и арбныхъ дорогъ. Встрѣчные путники добродушно приветствуютъ насъ и долго смотрятъ намъ вслѣдъ, очевидно впервые видя русскаго солдата въ бѣлой рубахѣ и бѣлыхъ же широкихъ шароварахъ.

Жара становится все сильнѣе и сильнѣе. Всѣ ручки, бѣгушіе по многочисленнымъ саямъ среди желтыхъ уваловъ, сухи; каждый изъ насъ радъ остановкѣ на обычныя пять минутъ подъ тѣнью деревъ встрѣчающихся по пути кишлаковъ. Н. Д. и я идемъ пѣшкомъ и по очереди ведемъ съемку, удивляя этимъ Миръ-Ахура и его спутника, даннаго намъ сары-джуйскимъ амлякдаромъ въ проводники, красиваго молодого таджика. Ежовъ попрежнему ведетъ моего вороного, на котораго я иногда взглядываю съ необычайнымъ желаніемъ сѣсть. Но стойкость сухощаваго Н. Д. останавливаетъ меня отъ этого позорнаго намѣренія, при томъ снова настаетъ очередь съемки. Правда, мелькомъ я поймалъ и у Н. Д. такой же выразительный взглядъ, обращенный къ его «Мальчику», но все же мы пошли пѣшкомъ, подавая примѣръ командѣ.

Около 4 часовъ дня мы были уже на мѣстѣ ночлега въ кишлакѣ Чертакѣ (Четтакѣ), отстоящемъ въ двухъ верстахъ отъ городка Регаръ, бывшаго когда-то сильной Гиссарской крѣпостью, остатки которой красиво выдѣлялись изъ густыхъ шапокъ зелени окружающихъ его садовъ.

Не обошлось, конечно, безъ обычной торжественной встрѣчи съ достарханомъ, при чемъ въ помѣщеніи, гдѣ онъ былъ устроенъ, насъ встрѣтили наши сары-джуйскіе знакомцы—два колченогихъ вѣнскихъ стула и нѣсколько эмальированныхъ тарелокъ. Оказалось, эти плоды цивилизаціи сопровождали насъ незамѣтно, конечно, отъ самаго Сары-Джуя.

По своему радушію и пышности пріемъ въ Чертакѣ превзошелъ первый. Вслѣдствіе этого охотники поголовно обѣлись; за нашими молодцами пришлось учредить строгій надзоръ, такъ какъ россійское обыкновеніе съѣдать все, что ни подадутъ, дочиста болѣе, чѣмъ гдѣ либо, практиковалось здѣсь солдатами.

Тонкость обращенія чертакскихъ чиновниковъ дошла до того, что былъ немедленно посланъ нарочный въ Каратагъ къ Кушъ-беги съ нашимъ привѣтомъ по его адресу, выраженнымъ во время обѣда церемоніальными любезностями съ управителемъ Чертака.

А на слѣдующій день около часа мы подъѣзжали уже къ столицѣ края, окруженные пышной кавалькадой бековскихъ чиновниковъ, блиставшихъ на солнцѣ своими причудливыми халатами и серебрянымъ убранствомъ холеныхъ породистыхъ коней. Мы чувствовали себя прескверно въ этой богатой толпѣ, но гордо, по этикету держали свои головы, стараясь забыть, что наши чембары во многихъ мѣстахъ носили уже слѣды солдатской иглы, и кителя были не первой свѣжести.

По довольно солидному мосту обычной для всего края системы, на которомъ были поставлены четыре преуморительныхъ бухарскихъ солдата, мы въѣхали въ городъ, поразившій насъ своими кривыми узкими улицами.

День былъ базарный, и потому густая толпа разношерстной публики съ любопытствомъ слѣдовала за нами. Изъ кузницъ и желѣзныхъ лавокъ несся стукъ молотовъ и шумъ колесъ и обдавало жаромъ и мелкою угольною пылью. Здѣсь, въ этихъ лавкахъ должны выдѣлываться знаменитые во всей Бухарѣ гиссарскіе клинки и ножи. Въ разношерстной толпѣ видны были несуразные однобортные мундиры бухарскихъ солдатъ, которыхъ насчитывается во всей столицѣ края всего лишь 50 человекъ; нѣсколько индѣйцевъ высунули свои красивыя головы изъ-за дверей мѣняльной лавки, шли женщины, бѣгали ребятишки.

Вскорѣ мы свернули въ какой-то очень узкій переулокъ и неожиданно попали въ чистый и широкій дворъ. Насъ почтительно, «какъ архіереевъ», сняли съ сѣдла наши расшитые золотомъ и серебромъ путники и повели въ слѣдующій дворъ, гдѣ наконецъ ввели въ приготовленное для насъ помѣщеніе. Войдя туда, я увидѣлъ четыре расположенныя одна за другою комнаты; первая двѣ были пусты, а двѣ послѣднія обиты сплошь краснымъ кумачемъ: и стѣны, и полъ, и потолокъ. Чистота была поразительная, особенно въ сравненіи съ нашими сапогами и кителями. Въ каждой комнатѣ было поставлено по сартовской кровати съ массой шелковыхъ одѣялъ и мутакъ, а въ моей, такъ сказать, комнатѣ, во всю ея двѣнадцати-аршинную длину, стоялъ столъ, покрытый бѣлой немытой скатертью, сплошь уставленный туземными яствами, орѣхами и русскаго производства леденцами.

Мы не успѣли умыться, какъ вошли къ намъ бековскіе сановники съ фразами, уже знакомыми намъ. На этотъ разъ депутація эта была не просто актомъ вѣжливости, но носила еще въ себѣ и нѣчто политическое. Дѣло въ томъ, что кто-то изъ чиновниковъ Кушъ-беги замѣтилъ, должно быть, что мы въ пути звали

Кушъ-беги попросту бекомъ, въ наивности своей полагая, что по существу это вѣдь все равно. Поэтому, когда вся толпа чиновниковъ постепенно удалась, къ намъ вошелъ этотъ юный сынъ хозяина и началъ рассказывать о Кушъ-беги, Каратагъ, чиновникахъ, окружающихъ его высокостепенство.

— Они боятся, чтобы мы завтра во время визита не назвали Кушъ-беги бекомъ,—замѣтилъ мнѣ Н. Д., понявшій цѣль этого посѣщенія. Тѣмъ не менѣе словоохотливый и симпатичный юноша поразказалъ намъ много интереснаго про край, и мы пригласили его къ себѣ зайти вечеромъ, а сами, отговорившись усталостью и необходимостью различныхъ распоряженій, постарались освободить его отъ его миссиіи возможно скорѣе.

Вечеромъ пришелъ къ намъ нашъ новый молодой знакомецъ, и мы съ удовольствіемъ пробесѣдовали съ нимъ до девяти часовъ. Онъ оказался сыномъ перваго помощника Кушъ-беги по управленію краемъ и звали его Ширъ-али, (карауль-беги ¹⁾); имя же его отца и нашего хозяина было: Риджабъ-Али, эшинъ-аго-баши. Охотно отвѣчая на наши вопросы, онъ сообщилъ намъ, что Кушъ-беги вотъ уже девятый годъ управляетъ обширнымъ ввѣреннымъ ему эмиромъ краемъ, что онъ очень любитъ русскихъ и все русское (тутъ голосъ собесѣдника сдѣлался тише) и видитъ спасеніе всей Бухары въ одномъ лишь тѣсномъ общеніи съ русскими; иначе, закончилъ онъ, Гиссарскій край навѣрное будутъ разорять своими набѣгами афганцы, которые совершили послѣдній набѣгъ не далѣе, какъ въ 1885 году.

Каратагъ зимою пустѣетъ, такъ какъ, представляя собою лишь лѣтнюю резиденцію Гиссарскаго Кушъ-беги, онъ не имѣетъ почти своихъ, такъ сказать, жителей. Всѣ ремесленники и купцы, не говоря уже про чиновничій классъ, переселяются вслѣдъ за Кушъ-беги въ Гиссаръ, считающійся административнымъ центромъ страны. Въ свою очередь этотъ послѣдній пустъ лѣтомъ такъ же, какъ Каратагъ зимой. Страшныя лихорадки заставляють бѣжать на лѣто изъ Гиссара всѣхъ, кто можетъ это сдѣлать, и городъ, расположенный на самой низинѣ при слияніи рѣкъ Кафирнигана и Ханака-су, заброшенный въ самую чащу исполинской травяной растительности, представляетъ собою заброшенное гнѣздо съ необычайно сырымъ, тепличнымъ климатомъ.

Въ Каратагъ, какъ оказалось, вотъ уже нѣсколько лѣтъ живетъ почтенный энтомологъ Вильдбергъ, собирающій коллекціи насекомыхъ и отправляющій ихъ черезъ Бухару за границу. Какъ можетъ образованный европеецъ цѣлые годы проводить одинъ среди совершенно непонимающихъ его и его работы мусульманъ, поло-

¹⁾ Карауль-беги—чинъ, въ родѣ нашего штабсъ-капитана; это—первый чинъ, который дается эмиромъ.

жительно удивительно. По словамъ нашего молодого хозяина, Вильдбергъ человекъ—«дивона» (рехнувшійся), собираетъ какихъ-то жучковъ, ходитъ по окрестностямъ, кишлакамъ, ловить рыбъ и даже змѣй; научился хорошо говорить по-таджикски, со всѣми дружить и живетъ себѣ скромно въ своей хижинѣ.

На другой день, семнадцатаго, около одиннадцати часовъ дня Н. Д. и я отправились съ визитомъ къ Кушъ-беги. Долго мы ломали голову, какъ бы почище одѣться изъ того запаса платья, какой взяли мы съ собой, и наконецъ надѣли чистые кителя, серебряные шарфы, чембары (красныя кожаныя шаровары) и двинулись. Несмотря на то, что домъ Кушъ-беги былъ рядомъ, этикетъ требовалъ, чтобы мы ѣхали верхомъ; пришлось осѣдлать нашихъ коней; взяли съ собой, въ видѣ провожатыхъ, двухъ охотниковъ и третьяго Подмосковнаго, какъ переводчика. Миръ-Ахуръ, разумѣется, ѣхалъ съ нами и видимо волновался; его великолѣпный халатъ какъ-то особенно блестялъ на солнцѣ.

Едва выѣхали мы на улицу, какъ завизжали флейты и забили барабаны бухарской полуроты, выстроенной въ одну шеренгу въ видѣ почетнаго караула у казармы. Впереди всѣхъ стоялъ офицеръ, держа въ правой рукѣ опущенную пашку, а лѣвой отдавая честь подъ козырекъ. На правомъ флангѣ стоялъ ясауль¹⁾ съ палкою въ рукахъ. Солдаты были одѣты въ круглыя маленькія барашковыя шапки, однобортные мундиры съ красными воротниками и красныя чембары. На ногахъ были обычнаго типа сартовскіе сапоги съ неимоверно высокими каблуками, отчего всѣ воины принуждены стоять съ полусогнутыми колѣнями. Ружья или курковые пистонныя или же кремневыя старинныхъ русскихъ системъ. На погонахъ было грубо намалевано желтой краской что-то въ родѣ 9 Б., т.-е. девятый бухарскій батальонъ.

Мы въ свою очередь взяли подъ козырекъ; бухарскій офицеръ сунулъ намъ свою руку; мы пожали ее и проѣхали далѣе къ воротамъ покоевъ Кушъ-беги. Здѣсь былъ устроенъ навѣсъ, подъ которымъ стояли 5 мѣдныхъ четырехъ-фунтовыхъ, вѣроятно, конныхъ, пушекъ на полусгнившихъ лафетахъ и колесахъ. Возлѣ нихъ стоялъ часовой съ пашкой. Рядомъ находилось караульное помѣщеніе и казарма для солдатъ. Подхваченные десяткомъ рукъ, мы слѣзли съ коней и двинулись, предшествуемые двумя ясауль-башами, введшими насъ во внутренній удивительно чистый мощный дворъ, съ трехъ сторонъ котораго тянулась открытая терраса. Слева подъ расшитымъ бухарскимъ тентомъ стояла пестрая толпа придворныхъ, отвѣсившая намъ обычные куддуи (поклоны); мы взяли подъ козырекъ. Миръ-Ахуръ и ясауль-баши двинулись дальше въ двери высокаго одноэтажнаго дома. Мы вошли и очутились

¹⁾ Что-то въ родѣ тамбуръ-мажора былыхъ временъ.

лицомъ къ лицу съ Кушъ-беги. Это былъ благообразный, бодрый старецъ съ умными, немного слезящимися глазами; блѣдное и худое лицо его обрамлялось негустой сѣдой бородою. На Кушъ-беги былъ сѣрый шелковый, словно стальной халатъ, дивной бѣлизны чалма, и на лѣвой сторонѣ груди сіялъ великолѣпный бриллиантовый вензель, котораго я никакъ не могъ разобрать. Почтенный старецъ подошелъ къ намъ и, дружелюбно взявъ насъ за руки, поздоровался и повелъ за столъ, обильно уставленный достарханомъ. Посадивъ насъ по обѣ стороны себя, а Миръ-Ахура противъ и немного сбоку, какъ лицо второстепенное, онъ, послѣ обычныхъ привѣтствій и пожеланій, приказавъ подать чаю, началъ просто, безъ особаго этикета, справляться о томъ, какъ мы совершили нашъ путь. Оробѣвшій Подмосковный переводилъ не совсѣмъ спокойно, и Н. Д. долженъ былъ ему замѣтить, чтобы тотъ слушалъ внимательно. Кушъ-беги улыбнулся, оказалось впоследствии, что онъ порядочно понимаетъ по-русски, и только этикетъ не позволялъ ему говорить не по-персидски. Къ счастью, мы не сдѣлали промаха въ смыслѣ свободы изъясненія на своемъ родномъ діалектѣ.

— Слышалъ я, что вы прошли черезъ Сія-Кухъ и вдоль Тупалангъ-Дарьи; этотъ путь у насъ считается совершенно непроходимымъ; даже не всѣ пастухи рискуютъ ходить тамъ. Какъ же вы прошли съ лошадьми?

— Съ большимъ трудомъ; мы потеряли двѣ лошади изъ восьми,— отвѣтилъ Н. Д.,—благодаря заботамъ Миръ-Ахура, мы имѣли все, что только можно было достать въ той странѣ.

Миръ-Ахуръ подпрыгнулъ отъ восторга и, даже и сидя, дѣлая кулдуки, что-то съ жаромъ заговорилъ по-персидски.

— Ваше благородіе, Миръ-Ахуръ говоритъ,—перевелъ Подмосковный,—что мы перетаскивали его самого и лошадей на какихъ-то машинахъ; говоритъ, будто у насъ есть такіе крючья съ колесами, съ которыми можно перейти черезъ любую скалу.

Мы улыбнулись; я посмотрѣлъ на Кушъ-беги. Его лицо выражало собою олицетвореніе вниманія; одинъ лишь взглядъ, брошенный имъ на немогшаго скрыть улыбку Подмосковнаго, былъ какъ будто бы не безъ признаковъ недовѣрія.

— Куда же вы теперь держите путь, если это не составляетъ вашей тайны?—спросилъ сановникъ.

— Мы думаемъ соединиться съ войсками Памирскаго отряда черезъ Рошанъ,—отвѣтилъ Н. Д.,—отъ друзей у насъ секретовъ нѣтъ, и наоборотъ намъ очень пріятно, что его высокостепенство такъ участливо спрашиваетъ насъ объ этомъ.

— Да, это путь далекій,—подумавъ сказалъ тотъ.—Я давно не получалъ изъ Дарваза свѣдѣній о ходѣ дѣлъ на Памирахъ, но кажется, что Рошанъ занятъ войсками афганцевъ.

Кушъ-беги сдѣлалъ знакъ кому-то, по которому вошелъ его помощникъ и нашъ хозяинъ Риджабъ-Али. Они поговорили что-то между собою, и вошедшій снова удалился въ сосѣдную комнату.

— Да,—обратился къ намъ Кушъ-беги,—врядъ ли вамъ удастся легко сдѣлать это движеніе; вѣдь, кромѣ горъ и дурныхъ дорогъ, тамъ вамъ будутъ мѣшать афганцы. Вы черезъ какіе пункты хотите итти?

— Черезъ Калаи-Хумбъ и Ташъ-Курганъ.

— Не знаю, кажется, Ташъ-Курганъ занятъ афганцами; я слышалъ, будто ихъ войска въ большомъ числѣ стягиваются въ Рощанъ.

Мы переглянулись съ Н. Д. Слова правителя всей восточной половины ханства, очевидно, были сказаны не на вѣтеръ.

— Во всякомъ случаѣ, все, что надо и что можно, я прикажу вамъ приготовить. Я дамъ вамъ въ провожатые двухъ надежныхъ чиновниковъ, которые доставятъ васъ и вашу команду до Калаи-Хумба, а тамъ вамъ видно будетъ самимъ, что дѣлать. Бекъ дарвазскій, конечно, поможетъ вамъ и людьми, и средствами, объ этомъ я уже сдѣлалъ распоряженіе.

Мы поблагодарили. Бесѣда затянулась болѣе, чѣмъ на полчаса. Кушъ-беги такъ внимательно и сердечно разспрашивалъ насъ обо всемъ, и я, и Н. Д. въ душѣ вполнѣ согласились съ тѣмъ, что этотъ недюжинный бухарскій сановникъ, не разъ побывавшій и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, дѣйствительно есть нашъ искренній другъ и сторонникъ.

Едва вернулись мы къ себѣ, какъ къ намъ прибылъ съ отвѣтнымъ визитомъ отъ имени Кушъ-беги Риджабъ-Али. Онъ, какъ оказалось, является правою рукою Кушъ-беги, побывалъ съ нимъ въ свитѣ эмира въ Петербургѣ и потому представляетъ собою также пріятное исключеніе средѣ крупныхъ чиновниковъ Гиссарскаго края. Съ удовольствіемъ пустился нашъ хозяинъ въ рассказы о Петербургѣ, балетѣ и оперѣ; съ увлеченіемъ вспоминалъ, какъ свитѣ эмира показывали въ Кронштадтѣ стрѣльбу изъ береговыхъ орудій, при чемъ не безъ курьеза говорилъ, какъ всѣ они, при громѣ орудійныхъ залповъ, думали, что оглохнуть, и съ удовольствіемъ поспѣшили поскорѣй уѣхать обратно въ Петербургъ.

Принесли на нѣсколькихъ подносахъ отъ Кушъ-беги подарки для нижнихъ чиновъ, въ видѣ чая, сахара и леденцовъ. Отказаться было невозможно; мы просили передать Кушъ-беги свою благодарность. Весь этотъ день прошелъ въ визитахъ и официальныхъ разговорахъ. Любезность хозяина дошла до того, что онъ приставилъ къ намъ своего сына, юнаго караулъ-беги, который почелъ своей обязанностью отгонять туземнымъ вѣеромъ налетѣвшихъ на достарханъ громадныхъ шершней. При этомъ молодой человекъ, чтобы показать, должно быть, свои симпатіи ко всему русскому,

при каждомъ ударѣ по насѣжкомому произносилъ отборнѣйшія русскія ругательства. Мы какъ ни просили его и его отца не утрудить себя такой работой, но тѣ и слышать не хотѣли; такъ юноша до поздняго вечера и упражнялся въ своемъ знаніи російской уличной литературы. Повидимому, онъ не понималъ, что говорилъ, такъ какъ наряду съ такими фразами у него тѣмъ же тономъ прорывались: «очень благодаренъ», «спасибо», «какъ здоровъ», и даже разъ послышалось «мерси».

Охотники отлеживались и горланили пѣсни. Къ нимъ нашла толпа бухарскихъ солдатъ, и Н. Д. распорядился угощеніемъ ихъ.

На утро 18-го числа, поискавъ въ лавкахъ ножей гиссарской стали, но не найдя ни одного, въ виду того, какъ объяснили купцы, что главный мастеръ еще не вернулся изъ Денау, и накупивъ на всю команду «мукки», я и Н. Д. въ сопровожденіи Мирь-Ахура, не пожелавшаго пустить насъ однихъ, поѣхали по городу. Завернули на базаръ, который оказался, сравнительно съ важностью города, небольшимъ. Десятковъ пять всевозможныхъ лавокъ, по преимуществу желѣзныхъ и ситцевыхъ, двѣ-три мѣняльничьихъ лавки, вотъ и весь базаръ. На площадкѣ, гдѣ стоятъ подъ навѣсомъ пушки, играла бухарская музыка, по всей вѣроятности, съ цѣлью отпраздновать дни нашего прибытія.

Во всемъ городѣ нѣтъ ни одного сколько нибудь замѣчательнаго зданія, ни одной крупной мечети и значительнаго медресе. Дома или каркасные или глинобитные, за исключеніемъ немногихъ, построенныхъ изъ сырца и частью изъ жженого кирпича. Этотъ послѣдній, очевидно, добывается изъ какихъ-то развалинъ, такъ какъ кирпичеобжигательныхъ печей не было видно ни одной, при томъ и размѣръ кирпича (квадратный по $5\frac{1}{2}$ в.) показываетъ уже прошедшую эпоху.

Вернувшись на мѣсто стоянки, мы были неприятно поражены тѣмъ, что дѣлалось въ командѣ; число лихорадочныхъ больныхъ возросло сразу до шести; почти всѣ были больны чѣмъ-то близкимъ къ дезинтеріи. Особенно плохо чувствовалъ себя мой Ежовъ. Немедленно же было приказано отобрать всѣ бухарскія сласти и зелень подъ особый надзоръ дежурнаго. Людямъ выдали по полчаркѣ спирту. По всему было видно, что больные, лежа здѣсь, не поправятся; здоровые же уже отдохнули и въ дальнѣйшемъ покоѣ не нуждались. Правда, лошадямъ надо было еще дать отдыхъ, нѣкоторыя изъ нихъ, особенно сильный и умный «сѣрый», стояли съ подвязанными ногами.

— Я думаю завтра же немедленно выступать, — сказалъ мнѣ Н. Д., когда мы вошли въ свое помѣщеніе.

— Да, по-моему тоже, единственно движеніе и при томъ здоровый переходъ могутъ сразу поставить на ноги больныхъ; вѣдь больна почти вся команда, — отвѣтилъ я.

Рѣшено было съ разсвѣтомъ продолжать путь. Призвали старшаго и Миръ-Ахура. Осинцевъ сразу доложилъ:

— Ваше благородіе, выступить бы намъ отсюда поскорѣе, а то я думаю, что солдаты сильно животами болѣютъ отъ здѣшной воды. Какъ ни останавливай, а хоть потихоньку да пьютъ въ такую жару, а потомъ безъ движенія валяются на кошмѣ цѣлый день. При томъ же и дыни...

Миръ-Ахуръ сталъ было уговаривать остаться, но ему категорически было объявлено, что завтра ночевать будемъ въ Дюшамбе. Разочарованный чиновникъ покорно сказалъ: «хопъ», и вышелъ. Мы стали приготовляться въ путь, чувствуя, что сдѣлали все, за чѣмъ пришли въ Каратагъ. Одно насъ беспокоило—это отсутствіе бани, но съ этимъ пришлось мириться.

Утромъ девятнадцатаго іюля, чуть свѣтъ, рожокъ проигралъ сборъ, и началась обычная суматоха сборовъ въ путь.

Б. Литвиновъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

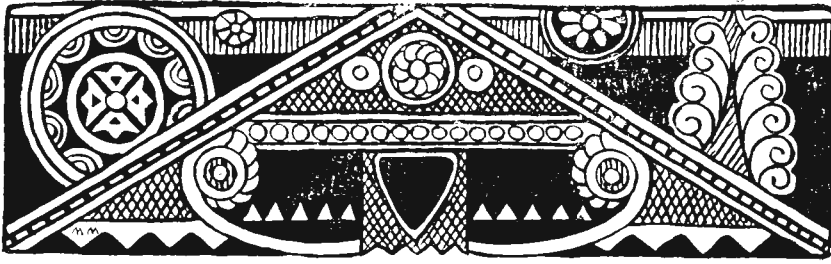

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

НОЯБРЬ, 1904 Г.

ЧЕРЕЗЪ БУХАРУ НА ПАМИРЫ ¹⁾.

V.

ВЫБРАВШИСЬ изъ садовъ Каратага, мы быстрымъ маршемъ двинулись снова по знакомой намъ Гиссарской долинтѣ, взявъ влѣво по направленію водораздѣла рѣкъ Каратагъ-дарьи и Кафирнигана съ его притоками. Сѣдловину между этими рѣками мы прошли, совершенно ея не замѣтивъ; да и трудно было отличить ее, такъ какъ небольшіе холмы нисколько не больше, чѣмъ тѣ, которые раньше испещряли долину; тѣ же кущи кишлаковъ, та же пыльная дорога, тотъ же нестерпимый шестидесяти-градусный зной, тѣ же вправо и влѣво голубыя горы. Только дорога забираетъ больше въ тянущіеся слѣва пыльные желтые, выжженные солнцемъ увалы. Путь предстоялъ немалый—надо было пройти сорокъ пять верстѣ. Около полудня справа на горизонтѣ показались два увѣнчанные зубчатыми стѣнами и башнями холма цитадели Гиссара. Громадный коверъ зелени разстилался подъ ними; кое-гдѣ видны были отдѣльныя группы деревьевъ. Теперь въ Гиссарѣ, по словамъ джигита Яраша, даннаго намъ любезнымъ Кушъ-беги, повальные лихорадки и какія-то особенно ядовитыя мухи, отравляющія всякое существованіе оставшимся жителямъ. Это—тотъ самый нѣкогда славный городъ, кото-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII., стр. 297.

рый великій Али избралъ пунктомъ своей просвѣтительной пропаганды. И доселѣ возлѣ Гиссара есть еще мѣсто, названное Бойдуль-дуль, т.-е. мѣсто, гдѣ остались видными слѣды ногъ легендарнаго коня Али, могущаго перепрыгивать черезъ ущелья и пропасти.

Къ вечеру усталая команда шла послѣдними предгоріями передъ долиной Варзоба, на берегу котораго стоитъ Дюшамбе. Я снималъ и поэтому, не заботясь объ отсталыхъ व्यюкахъ, значительно опередилъ всѣхъ. Подойдя къ встрѣтившемуся по пути бѣдному полужилтому селенію, я былъ пораженъ совершенно инымъ типомъ его обитателей; худые, высокіе, съ исключительно смуглымъ лицомъ кожи, горбоносые, съ длинными волосами, они были совершенно не похожи ни на узбековъ, ни на таджиковъ Гиссара и являлись какъ бы вкрапленникомъ въ общей картѣ населенія края. Нѣсколько полуголыхъ ребятишекъ выбѣжали ко мнѣ и беззастѣнчиво меня разглядывали. Я спросилъ одного изъ нихъ по-сартовски, какъ умѣлъ, что это за кишлакъ, кто въ немъ живетъ и чѣмъ занимаются. Мальчикъ постарше бойко отвѣтилъ мнѣ, что кишлакъ называется Джаръ, и что живутъ въ немъ турки. Дальше я не могъ понять, что онъ говорилъ, и, отнеся это къ незнанію мною языка, пошелъ дальше. Въ это время мнѣ загородилъ дорогу худой оборванный мужчина высокаго роста, со включенной черной бородой. Онъ что-то крикнулъ ребятишкамъ, и тѣ моментально скрылись за заборами. Я съ любопытствомъ глядѣлъ на него и довѣрчиво обратился къ нему съ вопросомъ, только-что заданнымъ мальчику. Но оборванецъ ничего не отвѣтилъ мнѣ и, оглядѣвшись кругомъ, сталъ какъ-то странно обходить меня, видимо стараясь стать сзади меня. Я положительно недоумѣвалъ, видя его таинственные пассы, какъ вдругъ онъ, улучивъ моментъ, бросился на меня и замахнулся бывшимъ у него въ рукахъ кетменемъ. Я успѣлъ отскочить въ сторону, и кетмень просвисталъ мимо моего плеча; я инстинктивно выхватилъ изъ ноженъ шашку, впопыхахъ совершенно забывъ, что при мнѣ есть заряженный револьверъ. Второй ударъ кетменя я предупредилъ ударомъ шашки по его деревянной палкѣ, да и мой неожиданный противникъ, очевидно, былъ опѣшенъ оборотомъ, который приняло дѣло, и, оскаливъ зубы съ неменьшимъ удивленіемъ, чѣмъ я, смотрѣлъ на меня. Я не зналъ, что дѣлать, рубить ли этого сумасшедшаго или ждать его нападенія. Въ это время изъ-за холма показался вдаль Н. Д. и сопровождавшій его Ярашъ. Я поднялъ руку и крикнулъ Н. Д., чтобы тотъ торопился. Но это было уже лишнимъ: сумасшедшій оборванецъ уже перепрыгивалъ черезъ дувалы кишлака, иногда оборачиваясь въ сторону дороги.

Подошедшій усталый Н. Д. съ нѣсколькими охотниками съ удивленіемъ смотрѣлъ на мое раскраснѣвшееся отъ волненія лицо и на скрывающагося оборванца.

— Что такое у васъ случилось?—спросилъ онъ.

— Да вотъ какой-то субъектъ захотѣлъ, должно быть, раскроить мнѣ черепъ кетменемъ,—смущенный происшедшимъ, отвѣтилъ я и рассказалъ про этотъ инцидентъ.

Подъѣхавшіе бухарскіе чиновники поняли, что произошло что-то неожиданное, и видимо были смущены. Нѣсколько охотниковъ направились было къ кишлаку, но Н. Д. и я рѣшили предать этотъ случай забвенію, благо, кромѣ трагикомическихъ воспоминаній, отъ него не было никакихъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе, я подробно разспросилъ Яраша объ обитателяхъ этого полуразрушеннаго кишлака. Селеніе это оказалось дѣйствительно Джаръ и населено, какъ и рядомъ стоящій съ нимъ выселокъ, выходцами изъ Каратегина, именующими себя турками. По словамъ Яраша, обитатели Джаръ-кишлака даже и не турки, а скорѣе арабы; они во всемъ амлякдарствѣ живутъ совершенно особо отъ всѣхъ, отличаются лѣнью и пороками, вслѣдствіе чего окружныя селенія таджиковъ сторонятся и боятся этихъ странныхъ пришельцевъ. Про пороки и даже воровство, развитые у нихъ, Ярашъ говорилъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, какъ о давно извѣстномъ предметѣ.

Постоявъ на мѣстѣ курьезнаго моего единоборства, мы собрали растянувшуюся команду и двинулись. Пройдя версты двѣ, мы неожиданно для себя вынырнули изъ холмовъ и полей и очутились передъ крутымъ спускомъ по берегу Варзоба, на противоположной сторонѣ котораго вытянулся Дюшамбе. Здѣсь насъ встрѣтилъ амлякдаръ со своей свитой, и мы, сопровождаемые пестрой конной толпой, двинулись по руслу Варзоба и впадающей здѣсь въ него Лючь-оби, доходящему здѣсь до полутора верстъ ширины и рѣзко ограниченному крутыми обрывистыми берегами. Самый Варзобъ бурно катилъ свои воды подъ самымъ городомъ, разбившись на нѣсколько крупныхъ рукавовъ. Широкое же ложе его было сплошь покрыто чисто вымытой галькой, сильно затруднявшей ходъ утомленной команды и лошадей; мѣстами, между отдѣльными сухими (частными) руслами и саями зеленѣли посѣвы среди громадной площади гальки. Подъ самой крѣпостью Дюшамбе чернѣли два солидныхъ моста черезъ главные рукава рѣки; одинъ изъ нихъ оказался разрушеннымъ недавнимъ напоромъ могучаго силія. Поэтому намъ предстояло переправляться черезъ первый рукавъ въ бродъ на приготовленныхъ амлякдаромъ лошадяхъ. Послѣ недавно прошедшихъ въ горахъ дождей Варзобъ сильно вздулся и бѣжалъ подъ городомъ бѣшеннымъ потокомъ, унося гальку и небольшіе камни въ своей грязно-сѣрой водѣ.

Пока мы размѣщали команду по лошадямъ для переправы, передъ нашими глазами произошла небольшая драма. Каравану нагруженныхъ товаромъ и разнымъ скарбомъ ишаковъ надо было

переправиться на нашу сторону. Голые проводники и хозяева суетились и съ трудомъ вводили въ воду одно животное за другимъ, изо всѣхъ силъ борясь съ бѣшенымъ теченіемъ. Едва нѣсколько ишаковъ вошло въ воду выше брюха, какъ три или четыре изъ нихъ были подхвачены волнами и вмѣстѣ съ проводниками безпомощно поплыли по теченію. Пока конные таджики поскакали по берегу на помощь, они были уже за полверсты ниже. Тѣмъ не менѣе, людей удалось довольно быстро вытащить на берегъ; что же случилось съ бѣдными животными, — не знаю, такъ какъ намъ самимъ пришлось тутъ же начать переправу.

Вода подходила подъ сѣдла лошадей; вьюки пришлось подмочить. Но, тѣмъ не менѣе, все обошлось благополучно; лишь собакамъ пришлось проплыть около версты, пока онѣ добрались до противоположнаго берега, снесенныя значительно ниже переправы.

Второй рукавъ мы перешли по горбатуму мосту и, поднявшись по крутому переулку подъ крѣпостной стѣной, вѣхали въ крѣпость, гдѣ намъ былъ приготовленъ ночлегъ въ домѣ амлякдара.

Насъ поразила обстановка комнаты, въ которой, по обыкновенію, приготовленъ былъ для насъ достарханъ. Прекрасная русская лампа-молнія, вѣнскіе стулья, эмальированныя тарелки, ножи, вилки какъ-то ужъ очень не вязались съ остальной обстановкой. Какими судьбами попали сюда эти куски цивилизаціи, почему ихъ не было видно даже въ столицѣ края, а повстрѣчались мы здѣсь, на берегахъ Варзоба? Неужели всѣ эти стулья везли изъ Самарканда черезъ Варзиминаръ, головокружительные карнизы по Фанъ-дарѣ и двѣнадцатитысячный снѣжный перевалъ Шутуръ-гарданъ.

Въ настоящее время Дюшамбе представляетъ собою бѣдный гиссарскій городъ, вытянувшійся вдоль Варзоба и насчитывающій немного болѣе 500 дворовъ населенія, въ громадномъ большинствѣ таджиковъ. Бѣдныя глинобитныя сакли и дувалы перемѣшиваются съ великолѣпными фруктовыми садами; на краю города дома крыты, какъ въ кишлакахъ, двускатной камышевой крышей; въ центрѣ же, возлѣ полуразрушенной такой же глинобитной крѣпости—дома болѣе чистые; но во всемъ городѣ нѣтъ ни одной постройки изъ жженого кирпича, хотя въ глиняныхъ стѣнахъ и заборахъ зачастую видѣются отдѣльные жженые кирпичи.

Среди скучившихся городскихъ построекъ по улицѣ, ведущей отъ крѣпости вверхъ по Варзобу на примыкающій къ городу обширный пустырь, можно видѣть остатки крѣпостной стѣны болѣе ранней эпохи. Мнѣ показалось (ѣхалъ мимо нея я вечеромъ при лунѣ), что стѣна эта сложена изъ сырцовыхъ глиняныхъ кирпичей и нѣсколько напоминаетъ остатки Самаркандской цитадели.

Въ торговомъ отношеніи Дюшамбе начинаетъ все болѣе и болѣе выдѣляться изъ среды всѣхъ гиссарскихъ городковъ и даже

побилъ самаго серіознаго своего соперника по торговлѣ — Регаръ, который сталъ вслѣдствіе этого падать ¹⁾).

На утро двадцатаго мы выступили далѣе, по направленію города Кафирнигана. При дневномъ свѣтѣ я, къ удивленію своему, увидѣлъ, что наше помѣщеніе и дома, занятые амлякдаромъ, главнымъ и притомъ отдѣльнымъ управителемъ города, совсѣмъ не такъ плохи; внутренность крѣлости представляла собою прекрасно выравненную площадь съ постройками на фундаментѣ изъ кирпича, вѣроятно, взятаго съ какихъ нибудь старыхъ развалинъ. Передъ главнымъ домомъ, отведеннымъ теперь намъ, прекрасный бассейнъ съ чистой водой; за нимъ постройки, выходящія на самый отвѣсъ берега Варзоба, гдѣ устроенъ своими средствами обширный балконъ-парапетъ, откуда открывается прекрасный видъ на всю западную часть долины и на ущелье Варзоба съ тѣсняющимися за нимъ вершинами главнаго хребта.

VI.

Мы двинулись въ путь въ надеждѣ прибыть къ вечеру въ Кафирниганъ. Едва оставили мы сады Дюшамбе, какъ намъ повстрѣчался ѣхавшій крупной рысью всадникъ въ европейскомъ костюмѣ, съ громадной соломенной шляпой на головѣ. Поровнявшись съ нами, онъ скороговоркой произнесъ: «добраго здоровья, господа», и зарысиль далѣе по направленію оставленнаго нами Дюшамбе.

Это, какъ оказалось, былъ грузинъ Бахтадзе, единственный предприниматель по части разработки минеральныхъ богатствъ Гиссарскаго кряжа. Онъ ѣхалъ теперь обратно изъ долины Яхъсу, гдѣ онъ купилъ нѣсколько участковъ подъ разработку золота.

Файзабадъ мы миновали очень быстро, наскоро напившись чаю съ лепешками. Его красныя, необычайно яркаго цвѣта, стѣны, которыми городъ обнесенъ въ формѣ почти правильнаго четырехугольника, постройки типа, значительно разнящагося отъ прежде видѣнныхъ въ Гиссарѣ и Бухарѣ, со стрѣльчатыми окнами, куполами и башенками — все это горѣло на солнцѣ. Яркая зелень садовъ, тучныя пастбища, поля съ великолѣпно уродившейся пшеницей манили насъ, но надо было торопиться на Памиры; мы знали, что съ каждымъ днемъ промедленія намъ придется въ Рошанѣ преодолѣвать все большія и большія преграды: мы попадали туда въ концѣ лѣта, когда можно было ожидать на высокихъ перевалахъ дождей и даже снѣга.

Удобная, ровная дорога кончилась съ выходомъ нашимъ изъ Файзабада, по минованіи котораго намъ предстояло подняться по

¹⁾ Дюшамбинское амлякдарство насчитываетъ свыше 5.000 дворовъ, т.-е. около 40.000 жителей обоого пола.

тропѣ на перевалѣ Тянь (Файзабадъ стоитъ на 4.000 футовъ, а Тянь—5.200 футовъ надъ уровнемъ моря) хребта, отдѣляющаго ущелье Илякъ-дарьи отъ Вахша. Мы были на границѣ Каратегина съ Гиссаромъ. Пришлось вспомнить утомительные подъемы на Сія-кухъ и Чарага; та же тропа, дѣлающая безчисленные зигзаги, тѣ же подъемы и спуски, съ той лишь разницей, что дорога на Тянь разработана настолько хорошо, что по ней свободно ходятъ верблюды, да всѣ горы покрыты яркой зеленой травой, кустарникомъ разныхъ породъ и перелѣсками, добраться до которыхъ было совсѣмъ не трудно.

Подъ самымъ переваломъ по эту и противоположную сторону пріютились три небольшихъ кишлака. Мы быстро ихъ миновали и, уклонившись вмѣстѣ съ тропой вправо, въ горы, стали спускаться въ ущелье Вахша. Намъ предстояло ночевать въ довольно значительномъ кишлакѣ Дагана, на самомъ берегу рѣки. Мы прибыли туда поздно, утомленные и пыльные. Нѣсколько выюковъ въ темнотѣ заблудились и сошли значительно правѣе кишлака. Пришлось собирать разсыпавшуюся команду при помощи конныхъ туземцевъ, и только около девяти часовъ вечера, когда темнота горной ночи спустилась окончательно въ ущелье, пришли послѣдніе усталые охотники. Спускъ съ перевала былъ, какъ оказалось, значительно труднѣе, и мы должны были спуститься съ высшей его точки въ 5.200 до 2.000 футовъ (на этой высотѣ стоитъ Дагана).

Это былъ послѣдній переходъ собственно по Гиссару, и отсюда начинались горныя области, непосредственно примыкающія къ Дарвазу и Памирамъ. Надо было проститься съ удобными дорогами, пышными встрѣчами и мягкими одѣялами, въ изобиліи постылаемыми намъ гостепріимными хозяевами. Впереди предстояли тяжелые переходы по узкимъ горнымъ тропамъ и карнизамъ, передъ которыми карнизы Тупалангъ-дарьи должны были казаться игрушечными.

На ночлегѣ оказалось, что команда подбилась на ноги такъ сильно, и въ ней оказалось такое количество больныхъ, что потребовалось нѣсколько лишнихъ лошадей для подъема слабыхъ и облегченія выюковъ.

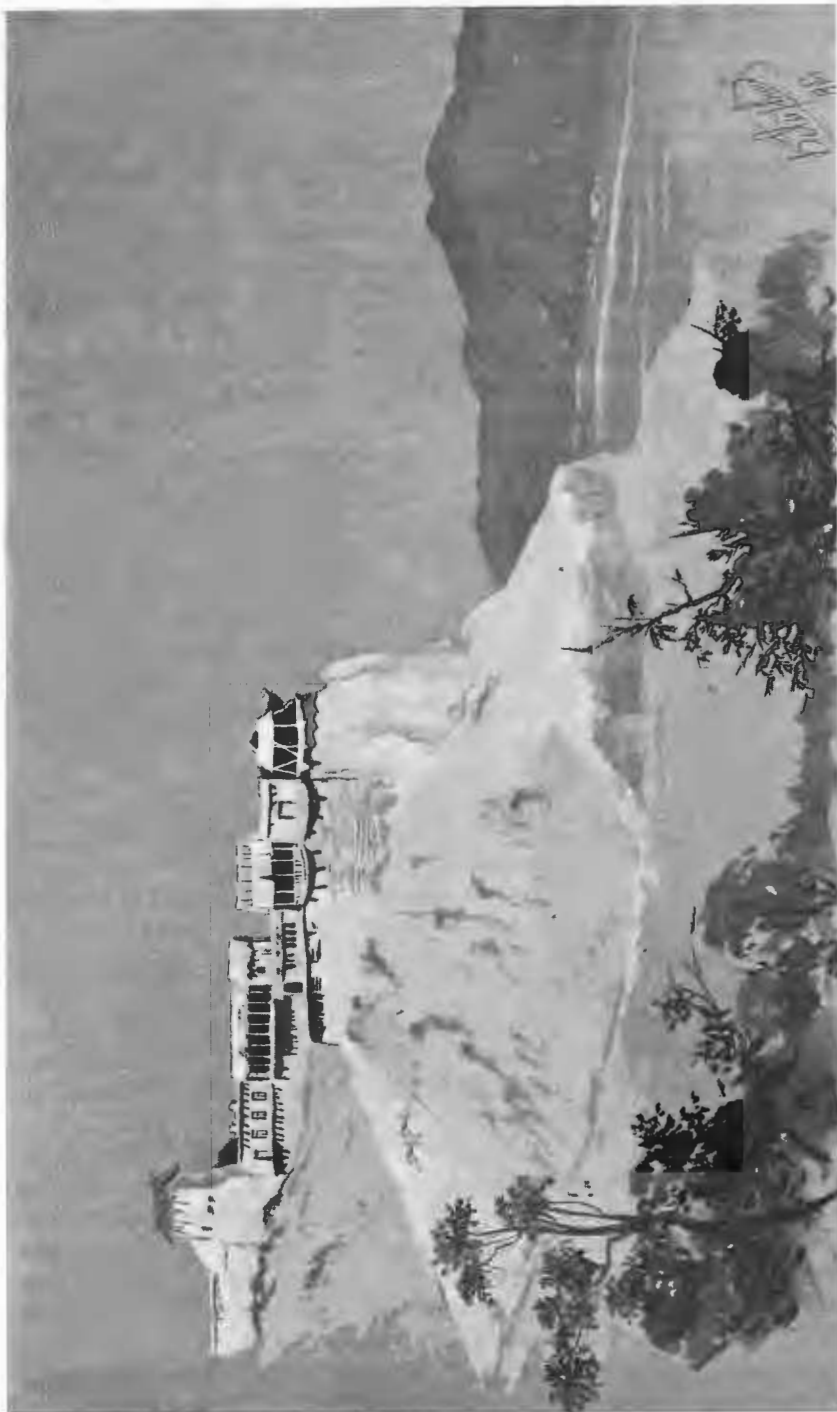
Въ виду этого позвали на совѣщаніе Миръ-ахура и его помощника Мирза-баши, котораго тотъ выпросилъ, вѣроятно, себѣ для большей важности у гиссарскаго Кунъ-беги. Мы изложили наше желаніе, заключающееся въ томъ, что въ Дюртъ-каулѣ намъ надо на 8—10 верховыхъ лошадей больше, чѣмъ требовалось раньше.

Миръ-ахуръ пришелъ въ восторгъ отъ этой мысли—вѣдь насколько прибавится вѣсъ его въ глазахъ жителей и туземныхъ властей при видѣ, что команда, которую онъ сопроводяетъ, не

только пѣшая, но и конная ¹⁾). При томъ, чѣмъ больше требовать отъ мѣстныхъ властей именемъ эмира, тѣмъ лучше, ибо у хлѣба не безъ крошекъ, и въ большемъ дѣлѣ этихъ крошекъ будетъ тоже больше и ему, Миръ-ахуру, и этимъ же мѣстнымъ властямъ. А тамъ развѣ эмиръ будетъ разбираться въ томъ, дѣйствительно ли въ Дюртъ-каулѣ на угощеніе команды русскихъ вышло 10 фунтовъ чая, 5 барановъ и десятки пудовъ клевера и ячменя ²⁾? Вѣдь каждому изъ чиновниковъ извѣстно, что, все равно, русскіе за все платятъ сами, платятъ хорошо, значить, и населеніе, привыкшее къ безпрекословной дисциплинѣ при неимовѣрныхъ поборахъ чиновниковъ, будетъ сравнительно довольно, и чиновники извлекутъ каплю меда съ общаго цвѣтка. Поэтому Миръ-ахуръ съ удовольствіемъ согласился достать намъ лошадей, и намъ пришлось въ значительной мѣрѣ укротить его планы. Зная, что плата, выданная за лошадь на руки чиновнику, никоимъ образомъ не дойдетъ полностью до хозяина, мы просили, чтобы при лошадяхъ были хоть двое изъ хозяевъ для ухода за ними. Не подозрѣвая коварства въ нашей просьбѣ, Миръ-ахуръ сдѣлалъ соответственныя распоряженія. За свое путешествіе по Бухарѣ въ качествѣ гостей эмира, что особенно предвкушалъ Миръ-ахуръ, мы приглядѣлись ко многому и многое поняли. Мы видѣли, какъ тѣ же лица, которыя ревниво не допускали насъ до платежа за выставлемый намъ достарханъ и считали это нарушеніемъ священнѣйшаго обычая страны, въ то же время составляли счетъ своему повелителю, гдѣ фигурировали баснословныя цифры и цѣны, словно русскіе солдаты не пили чай, а ѣли его наравнѣ съ клеверомъ, отпускаемымъ лошадямъ. Противодѣйствовать этому не было никакой возможности, и только было вчужѣ досадно видѣть, какъ богатые и алчные обирали трудолюбивыхъ бѣдняковъ именемъ эмира. Къ счастью, мы, вопреки всѣхъ воплей чиновной толпы, раздавали этимъ труженикамъ обильныя «селау» (подарокъ, въ родѣ русскаго «на чай»), что не возбраняется священнѣйшими обычаями «благородной Бухары», и что въ достаточной мѣрѣ вознаграждало ихъ и, по крайней мѣрѣ, не давало повода думать, что русскіе даромъ

¹⁾ Въ Бухарѣ пѣшіе сарбазы не въ почетѣ, гораздо болѣе шигу, по мнѣнію туземцевъ, когда люди верхомъ.

²⁾ Цифры въ счетахъ, представляемыхъ въ такихъ случаяхъ эмиру, бываютъ еще болѣе несообразными. Не менѣе несообразными бываютъ иногда и предписанія изъ «благородной Бухары» въ ея провинціальныя города. Такъ, напри- мѣръ, въ 1898 г., передъ прѣздомъ эмира въ Керки изъ Бухары, было прислано керкинскому беку предписаніе приготовить къ обѣду его высочества шесть пудовъ шоколадныхъ конфетъ для него и его гостей. Вѣднѣй бекъ сбился съ ногъ, ища по лавкамъ этого количества конфетъ, среди лѣта и, конечно, найти не могъ. Тогда онъ, точно выполняя предписаніе свыше, накупилъ 6 пудовъ плиточнаго шоколада, который былъ наломанъ на мелкіе куски и такъ фигурировалъ, какъ говорятъ, на торжественномъ банкетѣ.

Бальдунань. Новая крѣпость; помѣщеніе бека.

пользуются дѣлами ихъ рукъ. Алчность власть имущихъ доходила иногда до курьезовъ. Такъ, тотъ же достарханъ, который «по священнѣйшему обычаю» принадлежитъ по праву одному лишь гостю, кому онъ поставленъ, зачастую путешествовалъ съ нами сотню, другую верстъ. Дѣлалось это такъ, конечно, въ захолустныхъ городкахъ и селеніяхъ вдали отъ бековъ: къ часу выѣзда тарелки съ фисташками, урюкомъ, миндалемъ и тому подобнымъ замѣтно пустѣли, и вскорѣ можно было видѣть скачущаго во всю прыть халатника, везущаго въ курджумахъ эти драгоценности на новое становище, гдѣ онъ располагались снова на своихъ тарелкахъ, иногда представляя собою удивительныя смѣси.

Конечно, мы сами не дошли бы до пониманія такихъ манипуляцій, если бы не указала намъ на это другая заинтересованная сторона — охотники. Ребята, необычайно цѣнившіе подобные гостинцы, которые они собирали, чтобы отвезти къ себѣ на родину при увольненіи въ запасъ, и ради этого потихоньку иногда носившіе въ походѣ цѣлые фунты отвратительныхъ туземныхъ конфетъ на бараньемъ салѣ, обыкновенно съ разрѣшенія нашего брали часть достархана со стола и торжественно дѣлили его между собою. И вотъ они стали замѣчать, что эти своеобразные доходы ихъ, уже вошедшіе въ обычай, стали замѣтно уменьшаться и изсякать. Догадливые пермяки сразу поняли, въ чемъ дѣло, и противодѣйствовали бухарскимъ капитанамъ и подполковникамъ иногда самымъ мальчишескимъ образомъ.

Обрадованные извѣстіемъ, что завтра переходъ небольшой, и что на слѣдующій день будутъ для нихъ лошади, охотники приободрились. Снѣдковъ заигралъ на сопилочкѣ, купленной имъ на ночлегъ въ Чертакѣ, а на его гармоникѣ игралъ уже свирѣпаго вида полякъ Викла.

Яркое солнце било намъ въ лицо, когда мы утромъ 22 выступили изъ Даганы, вверхъ по Вахшу. Я и Н. Д. впервые сѣли на своихъ коней, но вскорѣ должны были слѣзть, такъ какъ дорога на четвертой верстѣ приняла характеръ тяжелой горной тропы, усыпанной острымъ, какъ ножи, щебнемъ, за что и все ущелье получило у туземцевъ названіе «Данданъ-чиканъ», т.-е. сломанные зубы.

Мы быстро миновали небольшое селеніе Нурекъ съ сохранившейся крѣпостью съ четырьмя угловыми башнями и приближались къ извѣстному въ краѣ мѣсту, гдѣ мощный и многоводный Вахшъ, по обилію воды соперничающій съ самимъ Пянджемъ, спертъ надринувшимися утесами настолько, что ширина его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не превосходитъ и десяти сажень. Оглушительный ревъ громадныхъ волнъ, съ неимоверной быстротой и силой несущихся среди скалъ, слышенъ задолго до приближенія къ извѣстному

мосту Пули-Зинданъ ¹⁾, перекинутому въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки и дрожащему отъ напора бѣшеныхъ волнъ на скалы, которыя послужили ему основаніемъ. Здѣсь возлѣ моста прилѣпился домикъ съ террасой, въ которомъ живетъ наблюдающій, такъ сказать, смотритель моста; у него же можно достать и чашку зеленого чая и лепешку съ горшкомъ катыку.

Но, не доходя еще до этого моста верстъ двухъ, на берегу Вахша расположены богатѣйшія соляныя ломки, славящіяся на всю Бухару. Я былъ пораженъ сіяніемъ и блескомъ одной вершины противоположнаго, лѣваго берега и принялъ сначала этотъ блескъ за блескъ обнаженнаго пласта слюды. Но, подойдя ближе, я увидѣлъ, что эта вершина, насчитывающая не менѣе сорока саженъ высоты, есть пикъ чистой, какъ снѣгъ, бѣлой и пористой, какъ губка, поваренной соли. Самая ломка расположена на правомъ берегу, и, взглянувъ внизъ, на самый берегъ, мы увидѣли караванъ лошадей и верблюдовъ, нагружаемыхъ чистой бѣлой солью, которую просто, безъ всякихъ приспособленій хозяева лошадей выламывали кетменями изъ отвѣса подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, на которомъ стояла въ этотъ моментъ вся наша команда. Пластъ соли выходитъ и на дорогу, по которой намъ лежалъ путь, въ видѣ невысокаго холма, покрытаго тонкимъ, мѣстами отпавшимъ или снятымъ слоемъ почвы. Мы съ удовольствіемъ взяли для команды нѣсколько кусковъ прекрасной бѣлой и пушистой, какъ снѣгъ, соли, и, кромѣ того, я и Н. Д. положили себѣ въ кобуры по куску ея, тщательно завернувъ хрупкіе куски въ тряпки, съ цѣлью привезти, если удастся, въ Самаркандъ.

Здѣсь соль добывается только бѣлая, непрозрачная, но я думаю, что если углубиться подальше въ нѣдра дѣвственныхъ скалъ, то можно добраться и до чистой кристаллической.

Въ Дюртъ-кауль (Туть-кауль) прибыли мы благополучно къ одиннадцати часамъ дня, и, такимъ образомъ, у насъ получилось нѣчто въ родѣ дневки.

Такъ подвигались мы къ Памирамъ; миновали кочевья узбековъ въ Кангуртскомъ амлякдарствѣ, передневали въ Бальджуанѣ, столицѣ бекства, будучи приняты тамъ съ особыми военными почестями, благодаря тому, что въ немъ квартировалъ цѣлый бухарскій батальонъ, одиннадцатый по номеру. Это дало возможность беку и командиру батальона устроить празднества въ честь насъ, какъ служащихъ въ одиннадцатомъ русскомъ линейномъ батальонѣ.

Торжества были настолько необычны, что насъ, офицеровъ въ чинѣ подпоручика, именовали не иначе, какъ «ваше высокопревосходительство», преклоняли намъ знамена, выставили почет-

¹⁾ Про этотъ мостъ говорятъ многіе древніе мусульманскіе историки.

ный караулъ въ саду, гдѣ мы расположились, и, оцѣпивъ его десяткомъ часовыхъ, не давали намъ ни днемъ, ни ночью покоя вѣчными окликами. Предупредительность и почетъ были такъ велики, что солдаты наши заливались отъ смѣха, а мы очутились въ такомъ невыносимомъ положеніи, что даже въ самыя сокровенныя минуты чувствовали на себѣ почтительное око бековскихъ чиновниковъ.

Церемоніи парадовъ и ученій бухарскаго батальона, надо сказать правду, прекрасно обученнаго по артикулу шестидесятыхъ годовъ, торжественные визиты къ беку и прочее сдѣлали то, что намъ не удалось побывать на развалинахъ стараго Бальджуана, древняго Мунка, столицы былого ханства, ясно видимыхъ съ балкона бековскихъ убогихъ построекъ.

Оставивъ черезчуръ гостепріимный городъ, мы потянулись далѣе холмистыми хребтами и долинами рѣкъ; прошли верховье золотоносной Яхъ-су; перевалили громадныя одиннадцатитысячныя перевалы Тальбаръ и Захъ-бурси и 26 іюля очутились въ Сагыръ-Даштѣ, первомъ селеніи Дарвазскаго бекства. А 28 іюля въ полдень уже были въ столицѣ Дарваза, Калаи-Хумбѣ, переваливъ послѣдній громадный, но все же не снѣжный перевалъ Хобурабатъ съ мягкими холмистыми очертаніями. На немъ мы отвели душу, пострѣлявъ въ волю такъ называемыхъ сугуровъ — особый видъ суслика, въ Дарвазѣ достигающій болѣе 20 вершковъ (когда онъ сидитъ на заднихъ лапахъ). Желтая, очень похожая на лисью шкурка этого звѣря цѣнится у туземцевъ, которые охотно берутъ ее на разныя подѣлки, а мясо ѣдятъ. Между прочимъ у таджиковъ Дарваза существуетъ убѣжденіе, что эти сугуры иногда болѣютъ какою-то повальной болѣзью, и если звѣрка, уже зараженнаго ею, убить и съѣсть, то люди начинаютъ сами болѣть и на третій или четвертый день умираютъ.

Послѣ обычной торжественной встрѣчи мы вступили въ чистенькій сверхъ ожиданія опрятный и наполненный фруктовыми садами Калаи-Хумбѣ, гдѣ рѣшили, узнавъ все, что можно объ отрядѣ генерала Іонова, окончательно установить свой дальнѣйшій маршрутъ.

VII.

Въ описываемомъ мною 1894 году Дарвазское бекство Бухарскаго ханства, будучи вполне подчинено Бухарѣ, простиралось отъ перевала Захъ-Бурси на западъ и на востокъ до хребта, служащаго водораздѣломъ между рѣками Язгулемъ и Тартангомъ, приблизительно на меридіанѣ пика Ванновскаго и Обручева (т. е. 42°). Сѣверной границей его была горная цѣпь, тянущаяся вдоль притока Вахша—Оби-Хингоу, а на югъ—извилистая линія, соединяющая едва ли не высочайшіе ледниковыя пики Памира, а именно:

Крѣпость Дыроу. Лучшее здание во всемъ Запѣнджскомъ Дарвазѣ.

упираясь въ Пянджъ на 37°40' широты, линія шла въ восточномъ направленіи до пика Сефидъ-и-Хырсь, затѣмъ поворачивала на сѣверъ по хребту того же имени до пика Бенди-Вестхось, далѣе на пикъ Мадуть, Коомолингъ, затѣмъ снова рѣзко бросалась на югъ по хребту Кугъ-и-Шива до горы Кугъ-и-Ляль; отъ него, перейдя рѣку Тангъ-Шива, шла къ горѣ Мадатманъ и по кряжу, отдѣляющему эту рѣку отъ Пянджа, направлялась къ мѣстечку Часноудъ и далѣе по хребту въ сѣверо-восточномъ направленіи до пика Ванновскаго. Юго-западная граница Дарваза была: р. Пянджъ отъ условной, указанной уже выше, точки на 37°40' широты приблизительно до впаденія въ него притока Оби-Возгинъ, по которому она направлялась уже къ перевалу Захъ-Бурси. Эта граница была крайне условна; я говорю про ея восточную и южную часть. Вопросъ о томъ, чѣмъ кончится рядъ экспедицій генерала Юнова, и въ какомъ духѣ будетъ улаженъ этотъ спорный разграничительный вопросъ, который такъ или иначе долженъ былъ разрѣшиться, былъ для Дарваза настолько важнымъ, что самъ бекъ не зналъ, или, вѣрнѣе, боялся знать, гдѣ кончаются селенія, съ которыхъ онъ могъ брать подати, и гдѣ начинается уже территорія Афганистана. Крайняя условность южной границы Дарваза, проведенной по вершинамъ недоступныхъ ледниковыхъ хребтовъ, усугубляла неопредѣленность положенія еще и тѣмъ, что этой границей дѣлились на бухарскихъ и афганскихъ подданныхъ не только родственные рода населяющихъ эти неприступныя тущобы таджиковъ и кой-гдѣ осѣвшихъ тюрковъ, но даже иногда и семьи, находящіяся въ родствѣ. Постоянный переходъ границы родственниками подданныхъ разныхъ эмировъ ради своихъ семейныхъ и просто обще-матеріальныхъ вопросовъ дѣлалъ эту границу положительно несуществующей, и жирная пограничная черта, такъ смѣло и просто проведенная на нѣкоторыхъ картахъ, конечно, не только не была ничѣмъ отмѣчена въ дѣйствительности, но просто фактически отсутствовала. Да иначе и быть не могло, ибо сами жители бывшаго Запанджскаго Дарваза на вопросы, обращенные къ нимъ, не всегда одинаково указывали вершины и урочища одного наименованія среди той массы снѣжныхъ и голыхъ хребтовъ и пиковъ, изъ которыхъ исключительно и состоитъ эта страна.

При всемъ томъ такъ называвшійся до 1894 года Запанджскій Дарвазъ, конечно, не былъ дѣйствительно частью того, такъ сказать, этнографическаго Дарваза, который занималъ правый берегъ Пянджа, а являлся лишь административнымъ прирѣзкомъ къ этому бекству и жилъ самобытной жизнью, не видя у себя ни одного бухарскаго солдата и весьма рѣдко принимая кого либо изъ чиновниковъ съ праваго берега. Еще въ такихъ сравнительно доступныхъ пунктахъ, какъ Куфъ, Шикай, Май-Май и Джу-

марчъ, сидѣли бухарскіе амьякдары, но далѣе вглубь темныхъ горныхъ щелей страны чиновныя лица Дарваза не любили ѣздить и предоставляли всему дѣлаться такъ, какъ оно уже заведено раньше, обычаемъ ли или теченіемъ событій. При этомъ въ громадной излучинѣ Пянджа отъ самаго Богорака до Ишкашема (въ Ваханѣ) затерялись въ горныхъ хребтахъ и ущельяхъ границы трехъ бывлыхъ ханствъ Бадахшана, Шугнана и Рошана, и гдѣ начинается одно и кончается другое, за все наше пребываніе въ Запянджскомъ Дарвазѣ могъ объяснить, правда, великолѣпно одинъ лишь человекъ—старшина округа Оби-Паткъ и Усангъ-су, при чемъ и этотъ знатокъ края указалъ намъ нѣкоторые признаки долженствовавшихъ быть границъ не такъ, какъ онѣ обозначены на картѣ.

Разумѣется, не лѣнивымъ и алчнымъ бухарскимъ чиновникамъ можно было разобратся во всемъ этомъ смѣшеніи языковъ, и, конечно, тѣмъ болѣе, не ледники Коомолингъ и Паткъ дѣлили Запянджскій Дарвазъ отъ Бадахшана и Шугнана.

Вся эта обстановка создала въ Запянджскомъ Дарвазѣ такое положеніе, что были цѣлыя селенія, которыя платили подати и бухарцамъ и афганцамъ, и были такія, съ которыхъ, казалось бы, подати надо брать бухарцамъ, но тѣ сами отказывались отъ нихъ. Были и такіе кишлаки, которые не платили подати ни тѣмъ и ни другимъ, а были и такіе, которые платили тому, кто въ данную минуту скорѣе можетъ сдѣлать непріятность.

Отсюда происходило, что шугнанцы, афганскіе подданные, жили въ бухарскихъ владѣніяхъ и уходили, когда хотѣли, или когда имъ было это выгодно, и наоборотъ. Весь строй жизни основывался исключительно на обычай и совершенно не справлялся съ требованіями администраціи. Нарушенія границы со стороны афганскихъ подданныхъ были почти ежедневны; изрѣдка продѣлывали то же самое и подданные Бухары. Всѣ эти переходы границъ сопровождались стрѣльбой, убійствами, насиліями и грабежами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, по рѣкамъ Оби-Паткъ и Усангъ-су, эти миниатюрныя сраженія до того вошли въ плоть и кровь, что породили обычай, установившій два раза въ недѣлю, по средамъ и пятницамъ, взаимную мирную мѣну награбленнымъ добромъ и плѣнными; при чемъ тотъ, кто былъ болѣе счастливъ и имѣлъ избытокъ въ награбленномъ скотѣ и людяхъ, получалъ за нихъ выкупъ хлѣбомъ и деньгами.

Вообще же вся граница бывшаго Запянджскаго Дарваза, можно сказать, рѣдко нарушалась Бухарою и всегда Афганистаномъ, почему вліяніе первой значительно не доходило до пограничной черты въ пользу послѣдняго.

Если прибавить ко всему сказанному, что не только родственные запянджскимъ дарвазцамъ таджики Рошана, Шугнана и Ба-

дахшана мирно или съ грабежомъ посѣщали лѣвобережный Дарвазъ, но нерѣдко и мелкія партіи афганскихъ солдатъ изъ Бадахшанскаго племени катаганъ совершали насилія надъ совершенно, такимъ образомъ, отданными на собственное свое попеченіе жителями, то общая обстановка жизни этой части Дарваза будетъ обрисована. Однимъ словомъ, такъ называвшійся Запянджскій Дарвазъ въ описываемый мною годъ былъ почти совершенно отданъ на произволь судьбы и случая и не жилъ общей жизнью съ бекствомъ:

Представляя собою рядъ горныхъ кряжей, дающихъ отъ себя цѣлую серію хребтовъ второго порядка, средняя абсолютная высота которыхъ достигаетъ 13.000 футовъ, съ вершинами и хребтами, чаще покрытыми снѣгомъ, нежели обнаженными, Дарвазъ представляетъ собою страну большей частью совершенно неприступныхъ кряжей и глубокихъ щелей, въ которыя не всегда заглядываетъ лучъ солнца, и въ которыхъ бушуютъ многоводные ручьи и потоки. Эти щели являются единственными артеріями жизни края; въ нихъ, внизу ютятся кишлаки таджиковъ, упорно борющихся съ суровой маchioй-природой; здѣсь, благодаря защитѣ отъ холодныхъ вѣтровъ и сравнительно жаркому лѣту, культивируется виноградъ, гранаты, урюкъ, яблоки и злаки—по преимуществу пшеница, поля которой миниатюрными зелеными квадратами испещряютъ всѣ доступные склоны горъ (пшеница только багарная). Здѣсь, внизу—царство садовъ. Но если почему либо кишлаку не удастся спуститься въ желанное ущелье, тогда онъ взбирается почти подъ снѣговую линію на самую высоту краевъ этой щели и образуетъ вмѣстѣ съ такими же, какъ и онъ, неудачниками второй ярусъ селеній, значительно отличающихся отъ первыхъ. Вмѣсто садовъ тамъ ярко зеленѣютъ одни лишь талы да изрѣдка дикорастущія скрюченныя вѣтрами березы. Поля состоятъ исключительно изъ пшеницы (очень немного) и особаго рода бобовъ. Это, такъ сказать, первая гигантская, рѣзко выраженная ступень-плато на пути изъ ущелій къ ледникамъ. Далѣе этого холмистаго плато идетъ гряда камней и скалъ, вѣнчаемая иногда сначала слѣдующей ступенью холмистыхъ плато, а чаще прямо снѣгами, фирномъ и льдомъ.

Все сказанное сейчасъ прямо относится къ правобережному Дарвазу; что же касается Запянджскаго, то относительно его надо спустить лишь вдвое краски, и картина будетъ вѣрная. Группа ледяныхъ колоссовъ, какъ Паткъ, Коомолингъ, Мадуть и Эштъ, уступающихъ по высотѣ своей и величинѣ ледниковъ развѣ однимъ лишь Гималаямъ, какъ брилліантовой короной, вѣнчаетъ Запянджье и въ своей неприступной силѣ заставляетъ могучій Пянджъ совершить громадное обходное движеніе въ 380 верстъ у ихъ подножія. Совершенное отсутствіе мостовъ, громадная бы-

Вершина перевала Паткъ (вправо внизу вторая морена, правѣ и выше начало второй гряды).

строта теченія (отъ 15 до 25 футовъ въ секунду) и опасность переправы на утлыхъ сомнительныхъ гупсарахъ черезъ могучій многоводный и доходящій до 100 сажень ширины потокъ, какимъ является Пянджъ, вмѣстѣ съ не общающимися ничего пріятнаго ледниками, стоящими въ центрѣ этой дуги, дѣлають то, что охот-

никовъ побывать тамъ не находится. Только наиболѣе доступный кусокъ крайняго восточнаго участка отъ кишлака Джумарчъ до Гумай былъ пройденъ до 1894 года, результатомъ чего явилось нанесеніе частью разспроснаго, частью пройденнаго пути отъ этого Джумарча до ущелья рѣки Тангъ-Шива.

Населеніе Дарваза состоитъ исключительно изъ нѣсколькихъ родовъ горныхъ таджиковъ, къ которымъ примѣшиваются въ Запанджскомъ Дарвазѣ бадахшанцы племени катаганъ ¹⁾. Всего населенія въ обѣихъ половинахъ бекства насчитывается отъ 30 до 40 тысячъ человекъ, и подробное распредѣленіе его лица, интересующіяся этимъ, могутъ найти въ статьяхъ «Военнаго Сборника» г. Арандаренка за 1883 годъ подъ названіемъ «Дарвазъ и Каратегинъ» и также въ небольшомъ очеркѣ г. Февралева за 1895 годъ. Кромѣ того, по этой отрасли имѣется еще трудъ капитана Покотино. Всѣ означенные здѣсь авторы, судя по содержанію ихъ трудовъ, сами въ Запанджскомъ Дарвазѣ не были; трудъ г. Арандаренка, хотя теперь уже и нѣсколько устарѣвшій, ближе всѣхъ соотвѣтствуетъ той обстановкѣ, какую намъ пришлось видѣть въ экспедицію 1894 года при движеніи черезъ весь Дарвазъ отъ Сагыръ-Башта до Часноуба.

Дарвазскіе таджики исповѣдуютъ ученіе Сунни (мусульмане-сунниты) и являются аборигентами страны, съ незапамятныхъ временъ осѣвшими здѣсь въ этихъ подледниковыхъ трупцахъ. Всѣ они исключительно земледѣльцы и отчасти скотовладѣльцы. Вслѣдствіе ли мѣстами абсолютнаго отсутствія дорогъ или по какой либо иной причинѣ, лошадей во всемъ Дарвазѣ имѣется, можно сказать, ничтожная цифра. За весь путь по этому бекству намъ удалось видѣть лошадей только лишь по ущелью Панджъ, въ Сагыръ-Даштѣ и по Оби-Хумбоу. Въ качествѣ кустарнаго промысла среди таджиковъ можно лишь встрѣтить приготовленіе маты и веревокъ. Наличие желѣза по теченію Ванча и отчасти рѣки Курговата создала для правобережнаго Дарваза родъ, если можно такъ назвать, обрабатывающей промышленности. Грубыя желѣзныя издѣлія въ видѣ топоровъ и ножей идутъ изъ Пошхарва и Курговата въ Калаи-Хумбъ, гдѣ обмѣниваются на ткани, чай, хлѣбъ и прочее. Отсюда ясно, что Дарвазъ самъ собою существовать не можетъ и получаетъ все необходимое съ двухъ сторонъ: съ запада изъ Кулябскаго и Бальджуанскаго бекствъ и съ юга по такъ называемой индійской дорогѣ внизъ по Пянджу, чѣмъ особенно пользуется запанджская половина бекства. Въ 1894 году насъ вначалѣ удивляло большое количество предметовъ съ англійскими клеймами: скатерти въ Калаи-Хумбѣ оказались англійскія, ножи англійскіе, то же можно сказать про зеленый чай,

¹⁾ Кажется, узбеки.

сахаръ-леденецъ и даже штилеты, которые намъ показывалъ въ видѣ хвостовства дарвазскій бекъ. Очевидно, доставка товаровъ изъ Индіи внизъ по Пянджу, по дорогѣ, до которой добирался знаменитый эмиръ Бухары, Абдуллахъ-ханъ (Шейбанидъ), возможна, чѣмъ и пользовались умѣлые англичане ¹⁾. Понятно, какую важную роль въ жизни страны играютъ дороги. Жители и администрація отлично понимаютъ ихъ значеніе, и забота о путяхъ сообщенія въ Дарвазѣ можетъ служить образцомъ не для одной только матушки-Россіи. Гдѣ видано, чтобы на населеніи лежала особая натуральная дорожная подать!... Когда команда наша спустилась съ перевала Хобу-Рабатъ въ Рабатскую щель, то первое, что бросилось намъ въ глаза, это команда рабочихъ, высланная за нѣсколько верстъ изъ близъ лежащихъ селеній для расчистки пути отъ могущихъ быть обваловъ щебня. Балконы, которыми изобилуетъ участокъ конной дороги между Даштакомъ и Джарфомъ по Пянджу, и многія такія же мѣста по Оби-Ширинъ поддерживаются въ удивительной исправности. Мѣстами можно видѣть надъ существующимъ балкономъ другой, старый, въ видѣ остатковъ укрѣпленныхъ въ отвѣсную скалу балокъ и настилки. И всегда, когда видишь это хрупкое сооруженіе въ буквально отвѣсной стѣнѣ надъ бушующей мощной рѣкой въ нѣсколькихъ десяткахъ сажени надъ водой, невольно удивляешься изумительному терпѣнію и настойчивости этихъ полудикарей, такъ глубоко проникшихся убѣжденіемъ, что первое условіе ихъ существованія есть дорога. Сколько опасности и, вѣроятно, жизней стоитъ каждая верста такого пути, и какимъ варваромъ надо быть, чтобы рѣшиться разрушить какой либо карнизъ или балконъ, что нерѣдко случалось въ исторіи Дарваза во времена его политической самостоятельности!

Такъ какъ лѣто въ этой странѣ продолжается всего четыре мѣсяца, при чемъ подъ понятіемъ лѣта надо разумѣть лишь отсутствіе новаго снѣга, то и дороги, сообразно съ этимъ, въ общемъ открыты для пользованія всего лишь треть года. Запянджскій Дарвазъ поставленъ въ этомъ отношеніи въ еще болѣе невыгодныя условія.

Если ко всему сказанному прибавить, что съ востока къ административному Дарвазу примыкаютъ почти такія же по своей географической физіономіи, бездорожью и неприступности ханства, какъ Рошанъ, а на югѣ нѣсколько болѣе доступныя Шугнанъ и Бадахшанъ, то общая картина этого самаго западнаго угла Памира будетъ достаточно ясна.

¹⁾ Индійская дорога идетъ отъ кишлака Бароу черезъ Джумарчъ, Гумай. Ротану, по ущелью Тангъ-шина, чрезъ лазуревыя копи возлѣ озера Шива, гдѣ переходитъ непосредственно въ ущелье Пянджа и далѣе направляется по Ишкашему и Гиндукушу.

VIII.

Если обратиться къ несложной исторіи Дарваза, то, къ удивленію, мы увидимъ, что это крошечное по количеству населенія ханство весьма лишь недавно потеряло свою самостоятельность.

Въ 327 году до Р. Х. Александръ Великій, будучи, вѣроятно, въ то время послѣ похода въ Самаркандъ въ Бактрахъ, предпринялъ походъ въ гористую часть Сыдіаны. Онъ двинулся изъ Ширабада, куда, вѣроятно, заблаговременно переправился изъ Бактръ, въ Термедъ (Термезъ), Кувадіанъ (Кабадіанъ), Кулябъ, Сары-пуль, Гармъ и назадъ черезъ Кафирниганъ, Гиссаръ, Сары-Джуй, Дегинау (Денау) въ Термезъ ¹⁾. Изъ этого маршрута видно, что самъ Александръ въ Дарвазѣ не былъ; но отдѣльный отрядъ его, подъ командой Кратера, прошелъ черезъ западныя области Памира и черезъ Бадахшанъ возвратился въ Бактры, откуда Кратеръ двинулся въ Индію. Несомнѣнно, что Дарвазъ въ этомъ случаѣ сыгралъ роль воротъ для колоннъ великаго завоевателя. Соображаясь со степенью наименьшей трудности пути, можно съ нѣкоторой достовѣрностью полагать, что Кратеръ въ Бадахшанъ прошелъ не иначе, какъ по изложенной выше индійской дорогѣ, т.-е. Калаи-Хумбъ, Джумарчъ, Гумай, оз. Шива и съ него поворотъ къ Файзабаду, а оттуда уже въ Припанджскую равнину. Между тѣмъ правители Дарваза приписывали себѣ происхожденіе отъ Александра ²⁾; такимъ образомъ, является неяснымъ, какимъ путемъ ханы эти считали себя его потомками. Или здѣсь вымыселъ, желаніе, проглядывающее буквально вездѣ въ Средней Азіи, освятить все именемъ легендарнаго героя, или, быть можетъ, впослѣдствіи остатки рухнушаго греко-бактрійскаго царства попали въ трудобы Дарваза и такимъ образомъ передали его правителямъ имя Двурогаго.

Какъ никакъ, а владѣтельные князья Дарваза считали себя его потомками. Забившись въ неприступныя тѣсины, Дарвазъ существовалъ сравнительно спокойно, находясь рядомъ съ такими неуживчивыми сосѣдями, какъ Бухара, Гиссаръ, Коканъ и Бадахшанъ, и только экономическая немощь заставляла его зачастую связывать свою судьбу съ судьбой этихъ ханствъ.

Шахи управляли ханствомъ почти непрерывно весьма долгое время, и народная память насчитываетъ ихъ, какъ потомковъ Александра Великаго, около 100 человекъ, перебывавшихъ послѣдовательно на престолѣ. Такъ шло до вступленія на престолъ Бухары знаменитаго Шейбанида Абдуллахъ-хана, который (1538—1597 гг.) въ поискахъ пути въ Индію и минеральныхъ богатствъ,

¹⁾ Макшеевъ.

²⁾ Муркрофтъ.

по слухамъ находящихся въ нѣдрахъ Дарваза, подчинилъ его своей власти. Но расчеты оказались невѣрными; рубины и лазурь дѣйствительно были и есть, но не въ Дарвазѣ, а въ сосѣднемъ Бадахшанѣ, а путь въ Индію, вѣроятно, не оправдалъ надеждъ Абдуллахъ-хана, такъ какъ въ настоящее время изъ всего, что только хотъ косвенно можетъ напомнить объ имени этого просвѣщеннаго государя, осталось одно названіе кишлака «Рабатъ»; надо думать, названіе это кишлакъ получилъ отъ находившагося недалеко рабата, о которыхъ такъ заботился эмиръ во всю вторую половину своего царствованія ¹⁾). Но все же есть нѣкоторыя данныя предполагать, что Абдуллахъ-ханъ упорядочилъ движеніе по этому пути, достроилъ караванъ-сарай и завелъ штатъ ихъ смотрителей. При немъ же столица Дарваза стала называться Калаи-Хумбомъ (хумбъ—въ переводѣ обозначаетъ горшокъ) по той якобы причинѣ, что въ городѣ остался мраморный сосудъ, существованіе котораго приписывается какому-то потомку Александра Великаго ²⁾). Послѣ смерти Абдуллахъ-хана престолъ Дарваза снова перешелъ въ руки его прежнихъ шаховъ и въ это время исторія ханства была ознаменована рядомъ войнъ съ сосѣдними ханствами большею частью оборонительнаго и рѣдко завоевательнаго характера.

Такъ продолжалось до начала девятнадцатаго столѣтія, когда на ханство стали упорно насаждать Бадахшанъ, Балхъ и Гиссаръ. Такъ, въ 1830 году правитель Балха, Мурадъ-бекъ, сдѣлавшій свои владѣнія почти независимыми отъ Бухары, изъ желанія подчинить себѣ сосѣднія ханства двинулся на Бадахшанъ и, занявъ его, втянулся невольнo въ войну съ Дарвазомъ. Но предпріятіе это ему рѣшительно не удалось, вѣроятно, вслѣдствіе того, что Мурадъ-бекъ велъ операціи въ то же время съ Шугнаномъ, Бальджуаномъ и Гиссаромъ и долженъ былъ силою удерживать Курганъ-тепе и Кабадіанъ. Какъ никакъ, а дарвазцы изгнали воиновъ Мурадъ-бека. Въ то время правилъ Дарвазомъ Шахъ-Туркъ (1822—1830), а послѣ его смерти — Ибрагимъ-шахъ (1830—1837). Повторенная нѣсколько разъ попытка со стороны Мурадъ-бека покорить ханство была также неудачна и послужила лишь поводомъ къ ряду завоевательныхъ войнъ уже со стороны Дарваза. Въ періодъ съ 1845 года по 1863, въ правленіе Шаха-Измаила Дарвазъ дошелъ до апогея величія и при немъ же снова сошелъ до степени третъестепеннаго ханства. Но въ этотъ періодъ къ своимъ владѣніямъ Шахъ-Измаиль присоединилъ сначала Каратегинъ, затѣмъ Шугнанъ и наконецъ Кулябъ и даже Гиссаръ. Но на

¹⁾ Вамбери: «Исторія Бухары».

²⁾ Въ городѣ дѣйствительно есть какое-то высѣченное въ мраморной глыбѣ углубленіе въ видѣ чашки, но, кажется, происхожденіе ея очень недавнее.

этихъ операціяхъ онъ и долженъ былъ кончить. Въ одномъ изъ сраженій съ кулябцами Шахъ-Измаилъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ ¹⁾).

Послѣ Шаха-Измаила преемники его почувствовали, что Дарвазъ не можетъ устоять противъ усилившихся за ихъ счетъ сосѣдей, и стали искать номинальной зависимости отъ Бухары. Эта условная зависимость быстро превратилась въ фактическую, и Дарвазъ, какъ самостоятельное ханство, пересталъ существовать. Послѣдній родовой шахъ его, Сарыджадинъ-шахъ, былъ отправленъ властью эмира въ Бухару, гдѣ и поселенъ съ лишеніемъ своего сана. Конечно, занятіе ханства бухарскими войсками не обошлось безъ сопротивленія недовольныхъ горцевъ, но въ концѣ концовъ въ 1877 году Дарвазъ былъ окончательно превращенъ въ бекство Бухары.

Таковы свѣдѣнія по части Дарваза; удаленный отъ населенныхъ центровъ, онъ естественно не могъ играть болѣе видной роли въ общей жизни страны, кромѣ той, какая выпала ему въ видѣ послѣдняго убѣжища всѣхъ недовольныхъ. Непреступныя горы служили достаточной гарантіей для существованія свободолюбивыхъ отщепенцевъ. Вотъ почему нѣкоторые ученые возлагаютъ большія надежды въ своихъ трудахъ по части лингвистики и этнографіи на Дарвазъ и прилегающіе къ нему и жившіе одной почти жизнью Каратегинъ и Шугнанъ съ Бадахшаномъ. При этомъ, надо оговориться, послѣдній, какъ скрывающій въ своихъ нѣдрахъ такую приманку, какъ рубины и лазурь, имѣетъ болѣе бурную исторію, особенно его юго-западная часть, значительно болѣе доступная въ смыслѣ дорогъ и, значитъ, болѣе населенная. Да, кромѣ того, и самое географическое положеніе его подъ бокомъ у Балха неминуемо должно было отразиться на жизни страны.

Самый городъ Калаи-Хумбъ пріютился на небольшомъ, неширокомъ пологомъ языкѣ, образовавшемся отъ впаденія въ Пянджъ ручья Оби-Хумбоу; это—единственная, можно сказать, во всемъ Дарвазѣ ровная площадь по всему бассейну Пянджа, допускающая расположиться сколько нибудь значительному селенію такъ, чтобы хватило мѣста и на базаръ, и на сады, и даже дворы. Эти послѣдніе обыкновенно отсутствуютъ въ кишлакахъ Дарваза, и вмѣсто нихъ дворами служатъ по недостатку ровныхъ площадей крыши домовъ, расположенныхъ ниже.

Многоводная и чистая Оби-Хумбоу, беря начало въ ледникахъ Дарвазскаго хребта, въ Калаи-Хумбѣ является мощнымъ потокомъ, обтекающимъ городокъ съ правой стороны, гдѣ онъ и вливаетъ свои чистыя воды въ мутную воду Пянджа. Паденіе ущелья Хумбоу весьма значительное; беря свое начало въ ледникахъ на

¹⁾ Арандаренко: «Дарвазъ и Каратегинъ».

высотѣ болѣе 12.000 ф., рѣка, пробѣжавъ 45 верстѣ, впадаетъ въ Пянджъ на уровнѣ 4.500 ф. абсолютной высоты, т.-е. болѣе 170 футѣ паденія на версту. Понятно, что кажущаяся на первый разъ сравнительно ровною узкая площадь, на которой вытянулся вдоль по рѣкѣ городъ, принуждаетъ и сады и дома располагаться ярусами или уступами. Горы обоихъ береговъ Хумбоу такъ близко надвигаются къ рѣкѣ, что даютъ не болѣе 50 сажень въ каждую сторону сравнительно ровной площади и высотой своею буквально давятъ селеніе. Однако, по самому берегу Пянджа онѣ оставляютъ значительно больше ровнаго пространства, которое и успѣшилъ занять Калаи-Хумбъ. Если взглянуть на этотъ послѣдній съ какаго либо утеса берега рѣки, то планъ городка, вверху сливающегося съ садами и постройками выше его лежащихъ селеній, представляетъ собою подобіе молотка, ручка котораго расположена по Хумбоу, а самый молотокъ лежитъ на берегу Пянджа.

Несмотря на то, что Калаи-Хумбъ является самымъ захолустнымъ городомъ восточной части Бухары, онъ болѣе всѣхъ видѣнныхъ нами центровъ походить на городъ. Главная, базарная, улица широка, чиста и пряма; домики, хотя такіе же убогіе, какъ и вездѣ, выглядятъ чрезвычайно опрятно. Большинство ихъ, равно какъ и базарныя постройки и казармы двухъ ротъ седьмого бухарскаго батальона, оштукатурены бѣлымъ алебастромъ и раскрашены сѣрой краской по трафарету, вѣроятно, единственному въ городѣ, судя по рисунку. Въѣздъ въ городъ съ дороги изъ Сагыръ-Дашта, тянущейся вдоль пригорода, около трехъ верстѣ, совершается черезъ весьма исправный съ перилами мостъ черезъ Оби-Хумбоу, на которомъ въ день нашего приѣзда былъ поставленъ бухарскій караулъ.

Обиліе алебастра сказалось въ томъ, что даже нѣкоторые заборы садовъ были имъ обмазаны. Сады городскіе полны смоквы, гранатника и винограда. Яркій солнечный, хотя и довольно жаркій, день придавалъ всему селенію необычайно веселый, цвѣтуцій видъ.

На первый взглядъ, благодаря тремъ, четыремъ улицамъ, Калаи-Хумбъ представляется довольно значительнымъ, но вскорѣ при первомъ поворотѣ направо или налево, когда сквозь яркую зелень неожиданно начинается просвѣчивать мутный и бурный Пянджъ, иллюзія пропадаетъ. Собственно весь городъ состоитъ изъ садовъ съ постройками, тянущимися выше по Хумбоу, базара, гдѣ больше всего можно встрѣтить табакъ и сушенныя яблоки, казармъ бухарскихъ солдатъ, десятковъ трехъ обывательскихъ домовъ, службъ бека, мечети и, наконецъ, крѣпости, «калы», какъ ихъ вездѣ называютъ, выходящей на самый Пянджъ, съ великолѣпнымъ бековскимъ садомъ. Вотъ и весь Калаи-Хумбъ. На противоположномъ берегу внизу почти отвѣснаго ущелья подъ ска-

лами пріютились небольшой киплакъ, а по этому берегу, какъ вверхъ на востокъ, такъ и внизъ на югъ къ крѣпости Шикаю (въ Хумбѣ Пянджъ рѣзко мѣняетъ свое западное направление на южное) виднѣются карнизы и балконы, висящіе на высотѣ почти пятидесяти сажень надъ водой.

IX.

Въ Калаи-Хумбѣ намъ отвели великолѣпный садъ, сосѣдній съ «калоу», въ которомъ предложили намъ домъ, весьма хорошей постройки, для помѣщенія всей команды. Миръ-Ахуру отвели, по обыкновенію, поблизости особое помѣщеніе. Здѣсь намъ предстояло, воспользовавшись дневкой, окончательно рѣшить, въ какомъ направленіи надлежитъ двинуться командѣ на соединеніе съ памирскимъ отрядомъ.

Какъ только церемонія почетныхъ карауловъ и представленій кончилась, и мы нѣсколько отдохнули, мы пригласили къ себѣ Миръ-Ахура и поручили ему узнать и добыть знающихъ людей, которые могли бы дать намъ хоть нѣкоторыя указанія. Къ вечеру свѣдѣнія эти были собраны и были весьма неутѣшительны. Таджики, только что пришедшіе изъ ущелья Барганга, въ одинъ голосъ показали, что Ташъ-Курганъ занятъ афганцами; то же подтвердили и чиновники. Мало того, мы узнали, что и весь Рошанъ, не исключая и Калаи-Вамара, наполненъ афганскими отрядами, которые, какъ будто бы, съ каждымъ днемъ прибываютъ. Изъ Запанджскаго Дарваза ходятъ слухи, что тамъ афганцы давно уже хозяйничаютъ, и бекъ давно уже не посылалъ туда своихъ чиновниковъ.

Миръ-Ахуръ, который, видимо, какъ огня, боялся нашего дальнѣйшаго движенія, былъ очень доволенъ собранными свѣдѣніями и не скрывалъ этого. Когда же мы излагали ему свои соображенія по поводу дальнѣйшаго пути, то онъ испуганно просилъ оставить его въ Калаи-Хумбѣ и повторялъ, что онъ отъ эмира имѣетъ приказаніе не дѣлать того, что могло бы породить недоразумѣнія съ афганцами. Послѣ этого мы болѣе уже не беспокоили Миръ-Ахура.

Тѣмъ не менѣе въ Калаи-Хумбѣ боязнъ нашествія афганцевъ была такъ сильна, что иной темы разговора трудно было и услышать. Вездѣ говорили о грабежахъ приграничныхъ киплаковъ, особенно на лѣвомъ берегу Пянджа, говорили объ угнанномъ скотѣ, взятыхъ въ плѣнъ жителяхъ и т. п.

Оставшись одни, Н. Д. и я начали измышлять способы, какъ бы пройти чрезъ сплошную линію афганскихъ пикетовъ и отрядовъ. Намъ было ясно, что всѣ извѣстныя намъ дороги заняты: стало быть, приходилось или отказаться отъ дальнѣйшаго движе-

нія и, послѣ цѣлаго мѣсяца напряженнаго похода, двинуться назадъ или искать людей, которые могли бы провести нашъ отрядецъ путями, извѣстными только имъ однимъ и оставшимися почему либо безъ наблюденія со стороны Афганистана.

На слѣдующій день, двадцать девятого мы отправились къ беку. Онъ оказался еще молодымъ человѣкомъ, лѣтъ тридцати пяти, и звали его Назыръ-бій-дотъ-ха (т.е. генераль-майоръ). Встрѣтилъ и принялъ онъ насъ радушно и весьма просто. Водилъ насъ по всему дому, показалъ прекрасный садъ, выходящій на Пянджъ, пущенныхъ туда павлиновъ и косулю. Видя, что я очень интересуюсь стариной и рисунками рѣзбы по дереву, бекъ показалъ мнѣ прекрасной работы, но, къ моему разочарованію, новыя двери его пріемной, съ рѣзными украшеніями, показалъ двѣ входныя сырцовыя башни калы и вообще былъ чрезвычайно внимателенъ.

За столомъ, покрытымъ еще несмытымъ кускомъ бязи съ англійскимъ клеймомъ и съ такими же ножами и вилками, мы провели въ обществѣ Назыръ-бія едва ли не два часа. Въ его свитѣ состоялъ и командиръ седьмого бухарскаго баталіона, очень плотный мужчина въ какомъ-то фантастическомъ кафтанѣ съ эполетами, выстриженными изъ золотой бумаги. Видимо бекъ не очень цѣнилъ внутреннія качества этого воина, такъ какъ не скрывалъ своего пренебреженія къ нему даже при насъ.

Узнавъ цѣль нашего движенія—соединиться съ отрядомъ Іонова, онъ что-то насмѣшливо сказалъ полковнику, при чемъ тотъ потупился. Оказалось потомъ, какъ выяснилось при дальнѣйшемъ болѣе откровенномъ разговорѣ, что бекъ попрекнулъ командира баталіона тѣмъ, что въ Запянджскомъ Дарвазѣ, гдѣ особенно необходимо присутствіе солдатъ, нѣтъ ни одного человѣка ихъ, а въ Калай-Хумбѣ держатся двѣ роты.

Мы, конечно, очень удивились этому обстоятельству, особенно послѣ того, какъ узнали, что грабежи со стороны афганцевъ за послѣднее время превратились въ прямой оброкъ.

— Мы не можемъ выставить туда солдатъ потому,—улыбаясь сказалъ бекъ,—что афганцы, увидя нашихъ воиновъ, могутъ окончательно занять всю страну вплоть до Пянджа и перебить всѣхъ солдатъ.

— Да, но вѣдь на то и солдаты тамъ должны быть, чтобы не допускать этого,—замѣтилъ я:—такъ, напимѣръ, Бальджуанскій бекъ говорилъ намъ, что въ прошломъ году 11-й баталіонъ ходилъ усмирять Урта-Тугай (спорный островъ на Пянджѣ).

— Ну, то въ Бальджуанѣ, тамъ солдаты хорошо обучены, вотъ, вѣдь, вы идете же въ Рошанъ и ничего не боитесь,—возразилъ бекъ.

— Мы не сами идемъ, а исполняемъ, что намъ приказано.

Назыръ-бій только вздохнулъ; видно было, что это—у него наиболѣе мѣсто, и что цѣну своему святочному воинству онъ

знаетъ. Дѣйствительно, проходя мимо караульнаго помѣщенія бухарскихъ солдатъ, мы увидѣли тамъ среди курковыхъ даже простыя фитильныя ружья.

Во время этого визита, благодаря любезности бека, обстановка, въ которую мы попали, стала намъ ясной. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о движеніи нашихъ отрядовъ, бекъ сообщилъ, что вообще онъ слышалъ, будто русскіе приближаются сюда, но что къ границамъ пока подходятъ одни лишь афганскія войска. Вслѣдствіе этого кишлаки по теченію Язгулема и весь Запаянджскій Дарвазъ въ особенности находятся въ полномъ невѣдѣніи, что съ ними будетъ. Афганскіе развѣдчики бродятъ по всѣмъ селеніямъ, высматривая, не идутъ ли и съ запада русскіе, такъ какъ слухъ о нашемъ движеніи дошелъ уже до нихъ.

При этомъ бекъ съ хитрой улыбкой спросилъ насъ, сколько еще войскъ идетъ сзади насъ. Мы отвѣтили, что больше никого нѣтъ. Онъ многозначительно умолкъ, но потомъ сказалъ:

— А въ Рошанѣ говорятъ, что за вами идутъ еще солдаты.

Мы улыгнулись.

— Можетъ быть, бекъ спросилъ объ этомъ Миръ-Ахура, — добавилъ Н. Д. Миръ-Ахуръ, сидѣвшій, какъ на иголкахъ, и съ тѣми же страшными глазами, какіе мы видѣли у него въ ущельѣ Тупаланга, сталъ что-то горячо говорить.

— Миръ-Ахуръ уговариваетъ меня отсовѣтовать вамъ итти дальше, — вдругъ, улыбаясь, сказалъ бекъ, — можетъ быть, вы оставите его здѣсь отдохнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, эмиръ приказалъ мнѣ сопровождать команду до самой границы, и я не смѣю ее оставить, — заговорилъ Миръ-Ахуръ, — я долженъ только предупредить, что дальше границы я не имѣю права ѣхать, и тамъ пусть офицеры дѣлаютъ все уже безъ меня.

— Я не знаю, когда кончится эта война, — въ раздумѣ промолвилъ бекъ, — знаю, что афганцы нападаютъ на моихъ жителей, грабятъ ихъ и уводятъ на продажу въ Рошанъ, и что край сталъ нищій совсѣмъ. Простымъ мирнымъ жителямъ не даютъ прохода: какъ увидятъ, такъ и подстрѣлятъ.

Послѣ долгихъ разговоровъ мы наконецъ условились, что двинемся черезъ Запаянджскій Дарвазъ и просимъ только дать намъ хорошаго опытнаго проводника и двѣ или три лошади, такъ какъ всѣхъ своихъ, при двухъ большихъ охотникахъ и лишнихъ вьюкахъ, оставляемъ здѣсь на попеченіе бека.

Исходя изъ того, что ни количество патроновъ, ни сухарей не даютъ намъ возможности рассчитывать болѣе, какъ на 8 дней, въ крайности 10 дней похода впередъ до соединенія съ нашими, мы выработали слѣдующій проектъ.

Переправившись черезъ Пянджъ у Развай, возможно быстрымъ маршемъ двинуться вверхъ по Оби-Ширинъ, перевалить ледники Коомолингъ или Мадутъ и, спустившись въ ущелье рѣки Тангъ-Шива, направиться или въ Калаи-Вамаръ, если онъ занятъ незначительной партией афганцевъ, а если въ немъ окажется болѣе значительный отрядъ, то попытаться пройти южнѣе, на примѣръ, на Калаи-Баръ-Пянджъ. Во всякомъ случаѣ не удаляться отъ Калаи-Хумба дальше 6 переходовъ по недостатку сухарей и чая. Такимъ образомъ, при удачномъ движеніи въ шесть сутокъ безъ дневокъ мы могли надѣяться пройти слѣдующій маршрутъ: Калаи-Хумбъ—Хыркатъ, Хыркатъ—Мадутъ, Мадутъ—перевалъ Язгулемъ, Язгулемъ—Мудахырсь, Мудахырсь—Сепунъ-Даштъ, а оттуда, смотря по обстоятельствамъ, или Калаи-Вамаръ или Баръ-Пянджъ. Итти прямо на Калаи-Вамаръ черезъ Паткъ мы не рассчитывали потому, что свѣдѣнія, собранныя нами, говорили скорѣе за то, что онъ занятъ значительнымъ отрядомъ афганцевъ, нежели простымъ разбѣздомъ. Если же ни тамъ, ни тутъ мы не войдемъ въ соприкосновеніе съ нашими разбѣздами, то будемъ имѣть возможность съ сухарями уйти къ кишлаку Варфъ, гдѣ можно, по словамъ бека, достать хлѣбъ.

Случилось же не такъ.

Утромъ тридцатаго команда въ сопровожденіи Миръ-Ахура и двухъ бухарскихъ офицеровъ, въ рукахъ у которыхъ было по топоріку въ знакъ ихъ сана (миршабъ—нѣчто въ родѣ нашего полицеймейстера) ¹⁾, потянулася къ мѣсту переправы. Пройдя версты три, мы остановились у одной отвѣсно опускающейся въ рѣку скалы, возлѣ которой было нѣчто въ родѣ отмели и крошечный затонъ. Нѣсколько въ сторонѣ виднѣлся кишлакъ Развай. Здѣсь, на этой отмели стояло челоуѣкъ восемь голыхъ, съ повязанными поясами и бронзовымъ мускулистымъ тѣломъ, таджиковъ, у берега былъ привязанъ за камень крошечный плотъ, составленный изъ двадцати гупсаровъ (надутыхъ воздухомъ бараньихъ шкуръ). Сознаюсъ, что, при видѣ ста-саженной ширины бушующей и ворячающей громадные камни рѣки съ ея бѣшенными волнами и бурюнами и такоуо утлаго и несовершеннаго инструмента, у меня, какъ говорится, екнуло сердце. Я самъ выросъ на Волгѣ и бывалъ въ «рѣчныхъ», такъ сказать, передѣлкахъ, но тутъ выходило что-то новое и чреватое черезчуръ ужъ сильнымъ ощущеніемъ.

Солдатики приумолкли и стали совсѣмъ серьезны. Стали развѣивать лошадей и ишаковъ. Одинъ молодой таджикъ съ необычайнымъ стараніемъ, красный, какъ ракъ, надувалъ ртомъ гупсаръ. Затѣмъ, кончивъ эту работу, онъ взялъ одну лошадь, снялъ

¹⁾ Ханьковъ въ своемъ описаніи Бухарскаго ханства говоритъ, что топорікъ обозначаетъ чинъ парваначи (парваначи), стр. 183.

съ нея уздечку и, захвативъ подъ мышку свой гупсарь, направился къ водѣ. Едва вышелъ онъ изъ затона на струю, какъ моментально спрыгнулъ съ коня въ воду и, держась правой рукой за гриву лошади, а лѣвой подмывая подъ себя выныривающій наружу гупсарь, былъ подхваченъ бѣшенымъ теченіемъ, и вмгъ голова его въ грязной тубетейкѣ да безумно раздувающіяся ноздри фыркавшего отъ ужаса коня пропали среди гребней валуновъ. Минуты черезъ три онъ едва замѣтной фигурой показался на противоположномъ берегу, версты за полторы отъ насъ. Лошадь, по словамъ одного изъ таджиковъ, вытащили потомъ. Впослѣдствіи оказалось, что пловецъ чего-то не рассчиталъ и, подхваченный сильной струей, не могъ выйти на обычный пунктъ высадки и долго бился въ бурунахъ, среди острыхъ камней, много ниже намѣченной имъ точки, при чемъ какъ самъ, такъ и лошадь были въ кровь избиты волнами объ эти камни.

Очередь была за нами. Команда видимо трусила, нужно было подать примѣръ. Я предложилъ Н. Д. вполголоса раздѣлиться такъ, чтобы на каждомъ рейсѣ былъ ктонибудь изъ насъ, такъ какъ плотъ могъ вмѣстить всего лишь шесть человекъ.

— Нѣтъ, помоему, лучше продѣлать это такъ, какъ будто это самая простая невинная штука, — также тихо шепнулъ онъ мнѣ: — мы поѣдемъ первые, а охотники, увидя это, прибодрятся.

Я согласился. Подмосковный былъ блѣденъ и порывисто топтался между вьюковъ, а за нимъ стоялъ охотникъ Колосовичъ, также блѣдный со стучащими зубами. Они оба вчера съ ужасомъ слушали наши предположенія насчетъ дальнѣйшаго пути и афганцевъ. Теперь ихъ отчаянный видъ положительно могъ повліять на команду.

Н. Д. стоялъ и злобно посматривалъ въ ихъ сторону.

На гупсары была брошена сложенная вчетверо кошма; на нее пошло еще что-то такъ, чтобы можно было сидѣть не по поясъ въ водѣ и не замочить патроновъ.

— Подмосковный, садись! — крикнулъ Н. Д., когда все было готово.

Тотъ словно подскочилъ, съ исковерканнымъ отъ ужаса лицомъ онъ бросился на плотъ и грузно сѣлъ; глаза его были безумно устремлены на насъ, но видно было, что ничего не видѣли. Сѣли мы, Мирь-Ахуръ и еще одинъ охотникъ; намъ на колѣни были положены цинковыя коробки съ патронами. Двое таджиковъ по поясъ въ водѣ повели плотъ вверхъ по заводи къ отвѣсной скалѣ, на которой стояли еще трое, при чемъ одинъ съ весломъ. Едва мы поровнялись съ ними, какъ одинъ изъ таджиковъ весломъ ударилъ по углу плота, и всѣ трое бросились въ воду, уцѣпившись руками за веревки гупсарь. Въ моментъ насъ подхватила волна на свой гребень, и мы понеслись. Я посмотрѣлъ на часы,

чтобы замѣтить минуту отплытія. Таджики работали ногами и цѣпко держались за веревки. Двое сплѣли съ нами и весломъ подгребали то съ той, то съ другой стороны. Насъ буквально заливали волны; передъ глазами неслись берега. Миръ-Ахуръ читалъ молитву; Подмосковский съ посинѣлыми губами былъ неподвиженъ. Я замѣтилъ, что гупсары отъ тяжести сидящихъ стали сильно выпускать воздухъ; таджики дружно бросились, оплывая отъ одного къ другому, и, не переставая работать по водѣ ногами, по очереди надували слабѣющія шкуры. Остальные крикомъ подбадривали товарищей.

Насъ такъ же, какъ и предыдущаго молодца съ лошадыю, пронесло теченіе значительно дальше намѣченнаго мѣста, и мы долго не могли выбраться къ берегу, но въ концѣ концовъ вышли. Перевозчики объяснили, что въ этомъ году вода слишкомъ высока, и потому теченіе особенно быстро, почему они и не могутъ сладить; при этомъ въ утѣшеніе рассказали, что если бы мы не успѣли привалить вонъ къ тому выступу, то тогда совсѣмъ было бы плохо, и что тамъ въ прошломъ году погибло трое хорошихъ гребцовъ.

Оказалось, что мы въ пять минутъ сдѣлали такимъ образомъ двѣ версты,—скорость почти желѣзной дороги.

Переправа команды тянулась невыносимо долго. Пока гупсарный плотъ отведутъ вверхъ по берегу версты на двѣ и затѣмъ переправятъ его такимъ же способомъ на тотъ берегъ, какъ и мы перебрались сюда, затѣмъ на него усядутся люди, предварительно подтянувъ этотъ плотъ на старое мѣсто,—времени шло чрезвычайно много. Команда должна была переправиться въ два приѣма, что еще болѣе затянуло переправу.

Наконецъ, къ одиннадцати часамъ весь отрядецъ довольно благополучно былъ переправленъ на лѣвый берегъ Пянджа, и вымоченные съ ногъ до головы солдаты закопошились у ишаковъ, навьючивая на нихъ мокрые мѣшки и кошмы. Вскорѣ тронулись. Тропа версты три шла вдоль берега по песчаной узкой отмели, но вскорѣ мы повернули круто на юго-востокъ и стали втягиваться въ узкое темное ущелье рѣки Оби-Ширинъ. Шумъ отъ несущейся каскадами рѣки заглушалъ говоръ людей. Сѣдая пѣна сверкала въ мокрыхъ черныхъ камняхъ, отвѣсныя скалы тѣснили ущелье. Синее небо свѣтилось гдѣ-то высоко надъ головами. Въ узкомъ коридорѣ стоялъ полумракъ. Всюду видны были однѣ лишь голыя скалы и стѣны. Начались узкіе, не шире четверти аршина карнизы и крутые спуски надъ бушующимъ потокомъ. Отъ массы валяющихся на пути камней и щебня движеніе было нѣсколько затруднено. При томъ подъемъ, общій всему ущелью, съ каждой верстой впередъ становится все болѣе и болѣе значительнымъ. Возлѣ кишлака Кугасъ ущелье нѣсколько уширяется, и картина становится болѣе освѣщенной солнцемъ. Внизу у рѣки видны небольшіе сады

съ урюкомъ и яблонями. Зеленѣеть нѣсколько полосъ запашекъ. Въмѣсто заборовъ и дуваловъ кишлакъ огороженъ камнями, сложенными въ видѣ стѣнки при очисткѣ нужныхъ подѣ посѣвъ площадокъ.

Горы и попадающіеся изрѣдка холмистые крутые контрфорсы лишены растительности; только внизу, ближе къ рѣкѣ они покрыты невысокой травкой и низкорослымъ кустарникомъ. Однако, чѣмъ выше по ущелью, тѣмъ и трава и кустарникъ становятся гуще и сильнѣе и на высотѣ кишлака Буджумъ—боле показались внизу въ узкой щели Оби-Ширинъ рощицы арчи и низкорослой скрюченной отъ вѣтровъ горной березы.

Пройдя бѣдныя лачуги Кугаса, мы остановились на отдыхъ въ кишлакѣ Згаръ, отстоящемъ отъ перваго верстахъ въ пяти и раскинувшимся на двухъ полноводныхъ ручьяхъ, вливающихся въ Оби-Ширинъ съ лѣвобережныхъ горъ. Это селеніе значительно крупнѣе всѣхъ, расположенныхъ по эту сторону ледниковъ Патка, начиная съ Кугаса и до Хыджвана; сакли въ немъ выглядятъ и чище и крупнѣе; есть сады, и видны даже запашки.

Лежа на разостланной кошмѣ и попивая жидкій зеленый чай, который приходилось сильно беречь, мы узнали отъ словоохотливыхъ таджиковъ, что недавно возлѣ кишлака Мадута показалась партія афганскихъ развѣдчиковъ. Это было уже по сю сторону переваловъ и всего въ 35 верстахъ отъ насъ; требовалась большая осторожность, особенно когда стало извѣстно, что и въ Дыроу, нашемъ сегодняшнемъ пунктѣ ночлега, еще вчера былъ одинъ такой шугнанецъ, который выспрашивалъ жителей о движеніи русскаго отряда.

— Почему же жители не задержали его, вѣдь они знали, что этотъ развѣдчикъ имъ же потомъ сдѣлаетъ что нибудь плохое?—спросилъ я.

— Зачѣмъ трогать его? Онъ—такой же бѣдный человекъ, какъ и мы, при томъ у него есть здѣсь родственники. Лучше совѣмъ ихъ не трогать, а то афганцы могутъ прійти и сдѣлать жителямъ много зла.

— Откуда же придутъ афганцы, когда до Калаи-Вамара чуть не 80 верстъ, да еще черезъ ледники?—возразилъ я.

— Они появляются возлѣ Мадута черезъ перевалъ Мадутъ, а это гораздо ближе.

Изъ Згара дорога перешла на правый берегъ Оби-Ширинъ и, круто поднимаясь по обрывистымъ контрфорсамъ надъ глубокой отвѣсной щелью, на днѣ которой протекала рѣка, довольно благополучно привела насъ къ кишлаку Дыроу. Попавшіеся намъ на пути два селенія: Буджумъ-поень (т.-е. нижній) и Буджумъ-боле (верхній), были необычайно бѣдны; жителей не было видно, словно кишлаки вымерли.

Дыроу оказался еще болѣе бѣднымъ поселкомъ. Расположенный на площадкѣ высоко надъ Оби-Ширинъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ ледниковъ Май-Майскаго перевала спадаетъ въ эту рѣку ручеекъ, онъ занимаетъ всего не болѣе полутора десятинъ мокраго луга, по которому во всѣхъ направленіяхъ разлились студеныя змѣйки воды. Сады Дыроу раскинулись выше по рѣкѣ, но относительно кишлака они стоятъ ниже, прижавшись къ отвѣсной желто-коричневой скалѣ, изъ которой также во многихъ мѣстахъ сочится вода.

Вообще подледниковая зона Запанджскаго Дарваза настолько обильна водой, что въ описываемый періодъ лѣта (іюль) она представляетъ собою почти сплошной зеленый мокрый лугъ вплоть до пояса голыхъ скалъ, начинающагося приблизительно съ 10.500 футовъ.

Несмотря на то, что мы сдѣлали всего лишь 30 верстъ, мы пришли въ Дыроу вечеромъ послѣ заката солнца, усталые и измученные тяжелой дорогой со спусками и подъемами съ трясущими подъ ногами пѣшехода карнизами и мостами. Едва мы стали на ночлегъ, какъ сырой, пронизывающій холодъ охватилъ насъ и заставилъ сразу надѣть шинели.

Бѣдность въ кишлакѣ была такова, что мы впервые не могли достать себѣ даже старой джугаровой лепешки, несмотря ни на какія старанія Миръ-Ахура, надо правду сказать, болѣе старавшагося для себя. Пришлось развести огонь и попросту напиться чая съ сухарями. Потомъ, часамъ къ десяти, былъ готовъ обѣдъ, состоявшій изъ чего-то похожего на супъ изъ баранины, которую везли изъ самаго Калаи-Хумба. Видно было, что на пополненіе продовольствія въ этой странѣ рассчитывать было совершенно невозможно. Миръ-Ахуръ былъ очень недоволенъ, особенно тѣмъ, что, не желая ѣсть нашего солдатскаго на этотъ разъ неважнаго супа, долженъ былъ довольствоваться кускомъ курицы, взятой имъ въ Хумбѣ.

Что особенно поразило насъ въ Дыроу,—это необычайно большое количество слѣпыхъ. Вѣрнѣе, я не видѣлъ ни одного изъ его обитателей, конечно, тѣхъ, кто былъ возлѣ насъ, безъ какой либо глазной болѣзни. Слепыхъ на одинъ глазъ было не менѣе половины изъ присутствующихъ; были и совсѣмъ слѣпые. Особенно былъ жалокъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, приведенный аксакаломъ съ какой-то пузатой бандурой для развлечения насъ и Миръ-Ахура. На обоихъ его глазахъ были отвратительныя бѣльма; онъ лишенъ былъ зрѣнія уже болѣе 5 лѣтъ. Грустно и застѣнчиво сѣлъ онъ по-мусульмански подъ дерево и, перебирая пальцами струны своего инструмента, тихо началъ подпѣвать. Видно было, что онъ играетъ и поетъ больше для себя, нежели для насъ. Такъ и казалось, что въ его пѣснѣ есть одна мечта, одна просьба — увидѣть еще хоть разъ солнце.

Да и всѣ жители Дыроу были какъ-то степенно тихи и грустны. Видно, что нужда и непривѣтливая угрюмая природа тяжелымъ гнетомъ легла на все ихъ міросозерцаніе. Конечно, цѣлая толпа голодныхъ и оборванныхъ таджиковъ просила насъ подѣлиться хиной. Злокачественныя лихорадки и здѣсь, среди міра скалъ и снѣговъ, измучили бѣдняковъ, и тѣ, какъ особаго дара, просили этого горькаго цѣлебнаго порошка, только по наслышкѣ зная, что у русскихъ есть какое-то средство отъ ужаснаго бича всего Туркестана и даже Памировъ. Мы дѣлились, какъ могли, но должны были думать и о себѣ; тѣмъ не менѣе роздали едва ли не сорокъ приемовъ хины.

Но вскорѣ намъ пришлось быть участниками еще несравненно болѣе грустной сцены.

Среди общаго говора осаждавшей насъ съ просьбами о хинѣ толпы совершенно неожиданно послышались какіе-то дикіе выкрики и голоса протеста. Я приподнялся и увидѣлъ, что какая-то женщина рвется къ намъ, но ея не пускаютъ мужчины. Мы приказали пустить и спросили, что ей надо. Это оказалась худая простоволосая сѣдая старуха съ изможденнымъ лицомъ и костлявыми, какъ у скелета, руками, едва прикрытая своею когда-то бывшею, должно быть, бѣлою рубахою. Нервно жестикулируя, она что-то криливо говорила и чего-то требовала. Черезъ Подмосковнаго и Миръ-Ахура добились наконецъ, что она проситъ какого нибудь лѣкарства для умирающей ея дочери, лежащей въ бреду неподалеку отсюда. Мы безпомощно посмотрѣли другъ на друга.

— Что ей дать? Вѣдь у насъ, кромѣ хины, соляной кислоты да разныхъ капель, ничего нѣтъ; а дать это—вѣдь равносильно насмѣшкѣ,—растерянно сказалъ Н. Д., обращаясь ко мнѣ. Я безпомощно развелъ руками.

Но въ это время вдругъ старуха оживилась и бросилась къ одному изъ охотниковъ, подошедшему съ кускомъ сухаря въ рукахъ. Она жадно схватила его за руку и стала показывать на сухарь, стараясь что-то объяснить. Мы поняли, да наконецъ и Миръ-Ахуръ сумѣлъ передать, что дочь этой старухи лежитъ въ жару отъ голода, и что сама старуха тоже уже нѣсколько дней ничего не ѣла. Истина оказалась болѣе ужасной, чѣмъ мы предполагали. Несчастной тотчасъ же дали всѣ тѣ куски, которые лежали у насъ послѣ немудренаго чая, и она взвизгнувъ скрылась за саклей. Охотники тотчасъ же приступили къ сбору сухарей и остатковъ лепешекъ, мы тоже дали, что могли, чая, сахара и, конечно, хины. Все это было отправлено съ Осинцевымъ и Подмосковнымъ въ присутствіи джигита.

— Совсѣмъ слабая, ваше благородіе,—доложилъ возвратившійся старшій:—онѣ, должно быть, давно уже голодаютъ...

Увидѣть такую нужду мы совершенно не ожидали и стали разспрашивать, почему односельчане не помогутъ этимъ бѣднякамъ.

— Да у насъ у самихъ ничего нѣтъ; все, что на насъ сейчасъ надѣто, то и есть; если дашь другому хлѣба на два дня, т. е., значить, потомъ самъ эти два дня будешь голодать... объяснили намъ.

— Почему же въ другихъ кишлакахъ богаче живутъ, чѣмъ у васъ?

— Не знаемъ; тамъ тоже бѣдно вездѣ; полей и садовъ вездѣ мало, развѣ не много болѣе, чѣмъ у насъ; въ Кивачѣ сѣютъ бобы, потому что земля есть, а у насъ земли нѣтъ,—апатично отвѣтили изъ толпы.

Узнавъ, что мы направляемся на Коомолингъ, наши новые знакомцы дѣлали большіе глаза и охотно рассказывали предстоящій путь. Не желая вообще заранѣе обнаруживать свое намѣреніе, мы воздерживались отъ разговоровъ такого характера и говорили, что идемъ посмотрѣть рѣку Тангъ-Шива. Но умные собесѣдники понимали цѣль нашего прихода и сами начинали рассказывать про случаи грабежей и жестокостей афаганцевъ. При разсказахъ о пути свѣдѣнія всѣхъ сходились на томъ, что, пожалуй, черезъ Коомолингъ теперь пройти будетъ легче. Поэтому мы окончательно и рѣшили двинуться по рѣкѣ Оби-Мадуть и тамъ, смотря по обстоятельствамъ, направиться или на перевалъ Мадуть, или на Коомолингъ.

Передъ самымъ сномъ одинъ изъ черныхъ бородачей не удержался, чтобы не спросить, сколько солдатъ идетъ сзади насъ.

Мы спросили въ свою очередь, откуда въ Дыроу имѣютъ такія свѣдѣнія.

— Всѣ говорятъ такъ. Въ Сары-Колѣ и Аличурѣ русскіе тоже такъ ходили: сначала немного впереди, а потомъ сзади еще идутъ.

Мы не стали разувѣрять туземцевъ въ ихъ ошибку. На ночь усилили ночныхъ и дали имъ винтовки, создавъ такимъ образомъ нѣчто въ родѣ поста. Всѣ легли не раздѣваясь, положивъ больныхъ въ середину; ихъ было уже четыре человѣка. Холодъ былъ весьма ощутительный, почему пришлось всю ночь поддерживать костеръ.

Б. Н. Литвиновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ДЕКАБРЬ, 1904 Г.

ЧЕРЕЗЪ БУХАРУ НА ПАМИРЫ ¹⁾.

Х.

А УТРО тридцать перваго выступили изъ Дыроу вверхъ по рѣкѣ. Ущелье при подъемѣ стало замѣтно уширяться и становиться свѣтлѣе. Вмѣстѣ съ этимъ и арча нѣсколько гуще забилась въ складки горъ. Та же тяжелая дорога по карнизамъ и по руслу Оби-Ширинъ; тѣ же мосты, для перехода черезъ которые даже опытные, равнодушные къ дикимъ картинамъ окружающей природы туземцы слѣзали со своихъ небольшихъ тоненькихъ лошадокъ съ изумительно твердыми, словно стальными, маленькими копытами.

Лѣто 1894 года было ознаменовано еще тѣмъ, что Абдурахманъ-ханъ предпринялъ экспедицію въ Кафиристанъ. Поэтому, идя по Запянджю, мы пытливо всматривались во встрѣчныхъ путниковъ въ надеждѣ увидѣть въ нихъ типы загадочныхъ болоровъ ²⁾. Мнѣ было чрезвычайно интересно встрѣтить здѣсь, на Памирахъ, человѣка иной расы, нежели всѣ обитатели его, русаго, съ голубыми глазами—настоящаго славянина, какъ описывались кафиристанцы нѣкоторыми путешественниками.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII, стр. 698.

²⁾ Ивѣстно, что есть гипотеза, будто кафиристанцы представляютъ собою освѣншіе нѣкогда остатки славянъ. Выводили это предположеніе изъ того, что этотъ народъ называетъ себя «болоръ», т.-е. по-кафиристански «слово». Отсюда намекъ на «славяне». Кажется, гипотеза эта теперь окончательно рушилась.

И дѣйствительно, какъ бы отвѣчая на мои мысли, намъ встрѣчался возлѣ кишлака Хырката одинъ необычайно неподходящій къ общей обстановкѣ, къ какой мы уже привыкли за мѣсяць похода, типъ. Это былъ небольшого роста, широкоплечій мужчина, лѣтъ тридцати пяти, съ котомкой за плечами, въ обыкновенной таджикской одеждѣ, направляющійся къ Калаи-Хумбу. Онъ былъ полный блондинъ съ русою бородкой клиномъ, голубыми глазами и прекраснымъ, слишкомъ мало загорѣвшимъ на горномъ солнцѣ цвѣтомъ лица. Онъ привѣтливо улыбнулся, встрѣтившись съ нами, и быстро исчезъ, съ любопытствомъ оборачиваясь въ нашу сторону.

Я сейчасъ же черезъ совершенно поправившагося уже Подмосковнаго сталъ наводить справки у проводниковъ, откуда этотъ человѣкъ. Но тѣ равнодушно отвѣчали, что это—выходецъ изъ Бадахшана; когда же я спросилъ, почему онъ имѣетъ такіе свѣтлые волосы и лицо, то получилъ обычный отвѣтъ: «Такъ Аллахъ, должно быть, создалъ». Но потомъ я узналъ, что въ Бадахшанѣ есть много людей съ свѣтлыми волосами и бѣлымъ цвѣтомъ лица. Но на всѣ мои запросы, не кафиристанцы ли эти люди, всѣ одинаково отвѣчали, что Кафиристанъ значительно дальше и южнѣе Бадахшана. Слова же «болоръ» никто изъ окружавшихъ насъ таджиковъ не понималъ.

Около полудня мы были возлѣ Хырката на высотѣ 9.000 футовъ; но, благодаря ровному подъему по берегу Оби-Ширинъ, хотя и по отвратительной тропѣ, во многихъ мѣстахъ прерываемой карнизамы и балконами съ нависшими надъ ними скалами въ видѣ нишъ, мы не ощущали этой высоты и бодро шагали впередъ со своими осликами и добытыми подъ больныхъ двумя лошадьми. Возлѣ Хырката ущелье рѣки развѣтвляется на два: одно продолжаетъ итти на юго-востокъ подъ перевалъ Паткъ, а другое, изъ котораго вливается въ Оби-Ширинъ ея притокъ Оби-Мадутъ, направляется на югъ къ переваламъ Мадутъ и Коомолингъ, какъ объяснили намъ проводники ¹⁾. Нашъ путь лежалъ по этому послѣднему ущелью. Въ мѣстѣ сліянія этихъ двухъ рѣкъ, какъ разъ противъ самаго Хырката, расположившагося на самомъ низу, ущелье Оби-Ширинъ значительно уширяется, и дно его, покрытое сплошь галькою и щебнемъ и заросшее низкорослымъ кустарникомъ, представляетъ собою ровную, словно нивелированную площадку. Здѣсь мы круто свернули вправо и потянулись по направленію свѣтящихся ледниковъ Мадута по достаточно широкому и темному ущелью. Но не успѣли мы пройти и полусанга (четыре версты),

¹⁾ На картѣ Памира, бывшей у насъ (изд. 1892—1893 годовъ), бассейнъ рѣки Оби-Ширинъ, въ особенности верхняя его половина, показанъ не вполне вѣрно; очевидно составители руководствовались разспросными свѣдѣніями.

Кишлакъ Верхній Гумай. Прямо горы въ туманѣ—хребеть за Пинджемъ.

какъ шедшіе впереди патрульные доложили, что идутъ какіе-то «сарты», какъ обыкновенно величали охотники всѣхъ туземцевъ, и что-то кричатъ. Встрѣчные таджики поравнялись съ нами и подошли къ Миръ-Ахуру, что-то ему объясняя. Пришлось остановиться и узнать, въ чемъ дѣло. Черезъ двойного переводчика, т.-е. нашего дипломата и Подмосковнаго, узнали, что встрѣтившіеся намъ люди возвращаются изъ Шугнана и совѣтуютъ не ходить на Коомолингъ и Мадутъ, такъ какъ тамъ начались уже снѣжные обвалы, и третьяго дня засыпанъ караванъ ишаковъ съ проводниками, шедшій такъ же, какъ и они, въ Калаи-Хумбъ: такимъ образомъ, теперъ нѣтъ никакой возможности пробраться въ ущелье Тангъ-Шива, а обвалы продолжаются и по сіе время.

Отрядецъ остановился. Приходилось поневолѣ повернуть назадъ и испробовать послѣднее направленіе на Паткъ, прямо, что называется, въ лобъ къ Калаи-Вамару.

Встрѣченные также сообщили, что по слухамъ въ окрестностяхъ Калаи-Вамара сгруппировалось много афганскихъ войскъ, при чемъ кавалерія («рисоля») расположилась въ селеніяхъ Вознаудъ и Ротау, а пѣхота въ самомъ городѣ.

Свѣдѣнія эти хотя и были изъ вторыхъ рукъ, но вполне сходились со всѣми ранѣ полученными нами. Кромѣ того, мы еще разъ получили подтвержденіе того, что за нами не перестаютъ слѣдить подосланные афганцами развѣдчики.

Скрѣпя сердце, повернули мы назадъ и снова пришли въ Хыркатъ. Немного отдохнувъ, двинулись мы дальше и къ вечеру подошли къ подъему на нагорную площадку, на которой расположенъ кишлакъ Хивачъ.

Наступалъ мракъ, и было очень свѣжо, когда мы добрались до вершины этой природной ступени. Нашимъ глазамъ представилась холмистая достаточно ровная зеленая поляна, около версты ширины и верстъ семи длины, вдоль главнаго ущелья. Величественная снѣжная стѣна Май-Майскаго хребта и отдѣльныя несравненно болѣе высокія вершины высящагося вправо Патка какъ-то неожиданно поднялись передъ нами. Отъ этой неожиданности впечатлѣніе было еще болѣе сильное. Вся команда сразу остановилась; передъ нами разстилалось обширное зеленое поле, сейчасъ же подъ ногами—посѣвы бобовъ; вправо, должно быть, на ручейкѣ темнѣли кучки невысокихъ тазовъ; влѣво видны жалкія постройки Хивача; онѣ въ беспорядкѣ разбросались въ складкахъ холмовъ; ихъ было не болѣе десятка. Мы направились къ группѣ лачугъ, возлѣ которыхъ свѣтлымъ пятномъ вырисовывалась куча соломы.

Съ послѣднимъ лучемъ зашедшаго солнца наступилъ холодъ. Тотчасъ же развели костеръ и разостлали общую для всей команды кошму, и закипѣла бивачная жизнь. Мы были на высотѣ не менѣе 10¹/₂ тысячъ футовъ и сразу увидѣли разницу между зоной

Селеніе Нижній Гумай.

этой высоты здѣсь и Гиссарскаго хребта. Когда въ послѣднемъ мѣсяцѣ тому назадъ на десяти тысячахъ футовъ виднѣлся снѣгъ въ логахъ и ущельяхъ, здѣсь на этой же высотѣ его не было и помину; видно было, что первыя серьезныя его залежи начинаются значительно выше, тысячи на двѣ футовъ, по крайней мѣрѣ.

Мы провели прекрасную холодную ночь. Несмотря на крайнее утомленіе послѣ 24-верснаго перехода по скверной каменистой тропѣ съ ежеминутными остановками, охотники долго не ложились, а, собравшись вокругъ костра, пробавлялись жиденькимъ «экономическимъ», какъ они говорили, чайкомъ.

На завтрашній день предстоялъ тяжелый переходъ, въ исполненіи котораго можно было сомнѣваться. Предстояло перевалить этотъ колоссальный Паткъ, передъ которымъ ледники Сія-Куха должны казаться легкимъ кряжемъ, и, кромѣ того, надо было спуститься до перваго попавшагося жилья, такъ какъ, по словамъ проводниковъ, на всемъ пути не достанешь ни пучка прутьевъ, а брать съ собой топливо изъ Хивача не представлялось никакой возможности. Такимъ селеніемъ являлся кишлакъ Гумай, до котораго туземцы считали четыре санга (32 версты).

Какъ никакъ, а надо было рѣшиться, иначе предстояло повернуть назадъ. Рѣшили облегчить людей, какъ только можно; для этого взяли лишніе двухъ ишаковъ и нагрузили шинелями и мѣшками; такимъ образомъ, на охотникахъ оставались лишь патронныя сумки и, конечно, винтовки.

Еще не было пяти часовъ, какъ мы утромъ, перваго августа, уже напились чаю, закусили и двинулись къ тому самому спуску, которымъ мы попали вчера сюда изъ ущелья Оби-Ширинъ. Лучи солнца застали насъ уже двигающимися въ обходъ перваго снѣжнаго завала.

Путь на Паткъ идетъ по ущелью средней изъ трехъ рѣчекъ, составляющихъ верховье рѣки Оби-Ширинъ, при чемъ самая лѣвая рѣчка, на которой, по словамъ проводниковъ, стоитъ ничтожное селеніе Хыджванъ, является прямымъ продолженіемъ общаго направленія главной рѣки, и потому люди, идущіе изъ Калаи-Хумба, очень часто попадаютъ туда вмѣсто перевала. Тропы на перевалъ не существуетъ; приходится руководствоваться лишь изгибами ущелья, по дну котораго шумитъ ручей.

Вскорѣ, верстахъ въ десяти, почти подъ самой этой грядой мы достигли прелестной зеленой лужайки съ густымъ высокимъ древовиднымъ кустарникомъ, гдѣ по совѣту проводниковъ сдѣлали роздыхъ и наскоро закусили. Быстро вскипятили въ кумганахъ воду, заварили чай и съ сухарями устроили себѣ пиршество. Охотники ѣли торопясь, сознавая, что каждая четверть часа, проведенная излишне на отдыхѣ, можетъ заставить команду заночевать на снѣгу.

Жалко было смотрѣть на больныхъ лихорадкой, едва могшихъ отъ слабости слѣзть съ лошадей и старавшихся согрѣться подъ яркими, но не жгучими лучами утренняго солнца.

На этой лужайкѣ, подъ частыми кустами были видны слѣды затушенныхъ костровъ; очевидно, здѣсь общій пунктъ привала для всѣхъ путниковъ. Струйки чистой воды пробираются между кустами во всѣхъ направленіяхъ и вливаются въ потокъ, бушующій вправо и внизъ подъ отвѣсомъ праваго берега.

Наконецъ мы кончили закуску, предусмотрительный Миръ-Ахуръ бережно завязалъ въ ситцевый платокъ остатки лепешекъ и курицы, которые онъ везъ съ самаго Калаи-Хумба, и привязалъ къ себѣ за поясъ, и мы тронулись.

Еще около версты шла едва замѣтная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тропа, имѣя вправо невидную намъ бушующую рѣчку, а влѣво каменную невысокую гряду, и затѣмъ окончательно пропала. Мы стали взбираться между камней первой мареновой гряды, прѣградившей намъ путь и быстро понижавшейся къ ручью въ юго-западномъ направленіи. Здѣсь было мертвое царство бурыхъ и почти черныхъ скалъ и камней. Очевидно, это была крайняя правая марена. Подниматься пришлось долго и съ необычнымъ трудомъ. Опять начались страданія одышкой, поминутныя черезъ опредѣленное число шаговъ остановки, у многихъ показалась носомъ кровь; ишаки останавливались и ложились. Наконецъ, взобрались мы на вершину гряды и увидѣли передъ собой обширное снѣжное поле, разстилающееся вправо къ вершинамъ и прямо вверхъ къ рельефному отверстию между двумя высокими пиками, предвѣстниками перевала.

Мы повернули налѣво и продолжали медленное, утомительное движеніе по внутреннему склону гряды камней, повышающейся по направленію сѣвера. Такъ прошли мы около четырехъ верстъ, измученные, постоянно останавливающиеся. Охотники положительно выбивались изъ силъ и, рассчитавшись на смѣны, кому держаться за хвосты лошадей при подъемѣ, только тогда и могли продвигаться впередъ болѣе успѣшно. Миниатюрные ишаки выбивались изъ силъ. Всякій порядокъ былъ нарушенъ; люди разбились отдѣльными группами по выюкамъ, и только впереди и сзади шли патрули. Несмотря на то, что было положительно не жарко, потъ катилъ со всѣхъ градомъ. Чувашинъ Харитоновъ былъ въ патрулѣ и съ какимъ-то остервенѣніемъ ползъ на кручи марены; иногда онъ всхлипывалъ и положительно плакалъ.

Широкая снѣжная поляна повышалась вмѣстѣ съ нами и становилась все круче и мощнѣе. Чистый бѣлый снѣгъ блисталъ на солнцѣ и ослѣплялъ глаза. Это былъ гигантскій языкъ Паткского ледника, словно застывшая рѣка, ниспадающій съ перевала широкой извилистой дорогой. Общее его направленіе отъ перевала шло

сначала почти строго на западъ, затѣмъ начинался могучій поворотъ къ югу и даже къ юго-востоку и, наконецъ, снова на югъ и юго-западъ.

Въ этой снѣжной полянѣ виднѣлись двѣ значительно меньшихъ каменныхъ гряды, имѣющихъ то же направленіе, что и ледникъ, но не доходящихъ до конца ледяной, здѣсь покрытой еще снѣгомъ площади, а теряющихся въ немъ возлѣ поворота на юго-западъ. При этомъ гряда, ближайшая къ маренѣ, бокомъ которой мы слѣдовали, значительно ниже своей правой сосѣдки. Очевидно, что эти двѣ внутреннія каменные гряды представляютъ собою не что иное, какъ внутреннія ледниковыя марены, указывающія, что ледникъ является сложнымъ.

Предшествуемые проводниками и Миръ-Ахуромъ, которому не приходилось слѣзать съ лошади, мы направились на первую низкую внутреннюю марену и вскорѣ добрались до нея. Снѣгъ, покрывавшій ледъ, былъ крѣпокъ и весьма не глубокъ. Первымъ дошелъ до камней плачущій Харитоновъ и, перекрестившись, сбросилъ съ себя скатанную шинель, повалился на камни и тотчасъ же заснулъ. Это было такъ смѣшно, что, несмотря на крайнее утомленіе, мы разразились громкимъ смѣхомъ, однако не разбудившимъ Харитонова даже и на минуту.

Постепенно стали прибывать остальные люди и вьюки, растянувшіеся почти на версту; ради послѣднихъ отставшихъ пришлось продолжить приваль, и мы такимъ образомъ пробыли на второй грядѣ до двухъ съ половиною часовъ. Проводники утѣшили насъ, сказавъ, что самая трудная часть пути пройдена, и указали на широкія ворота между вершинами, изъ которыхъ вырвался прохладный вѣтерокъ.

Сидя на камнѣ, я зарисовывалъ видъ на переваль и съ удовольствіемъ осматривался кругомъ. Яркое солнце играло на снѣгѣ; мѣстами снѣгъ уже стоялъ почти весь, и изъ-подъ него сквозили зеленоватыя площади льда. Безмолвная тишина нарушалась лишь гуломъ падающихъ гдѣ-то внизу подо льдомъ камней, и шумъ этотъ, похожій на частые удары металла объ металлъ, показывалъ на значительныя пустоты. Особенно много слышалось обваловъ съ лѣвой стороны, если смотрѣть съ перевала назадъ на Калаи-Хумбъ.

Наконецъ мы тронулись дальше; лошади и ишаки направились лѣвѣе по тальвегу, если можно такъ выразиться, снѣжнаго покрова между второй и третьей грядами, подъ темнѣющіе отвѣсы лѣвыхъ вершинъ. Я же и Н. Д. пошли прямо вверхъ къ снѣжной вершинѣ, бугромъ стоящей между пиками перевала. Мы безъ особаго труда перебрались черезъ вторую внутреннюю гряду и стали шагъ за шагомъ взбираться на этотъ снѣжный бугоръ. Здѣсь сталъ попадаться уже чистый обнаженный ледъ съ глубокими и

широкими трещинами, почему проводники и не повели этой дорогой лошадей и вьюки. На самой вершинѣ перевала, рѣзко отмѣченной зубчатой стѣной камней, высящейся надъ поверхностью ледяного поля сажени на 3—4, въ чистомъ обнаженномъ лѣдѣ

Хижны въ селеніи Нижній Гумай.

сидѣть глубокій ледниковый колодець, наполненный по самыя края водою. Здѣсь, возлѣ этого колодца мы и остановились съ цѣлью стянуть разбившуюся на отдѣльныя группы команду.

По ту сторону перевала темнѣлъ громаднѣй, почти отвѣсный обрывъ въ полторы или двѣ тысячи футовъ высоты; по немъ между

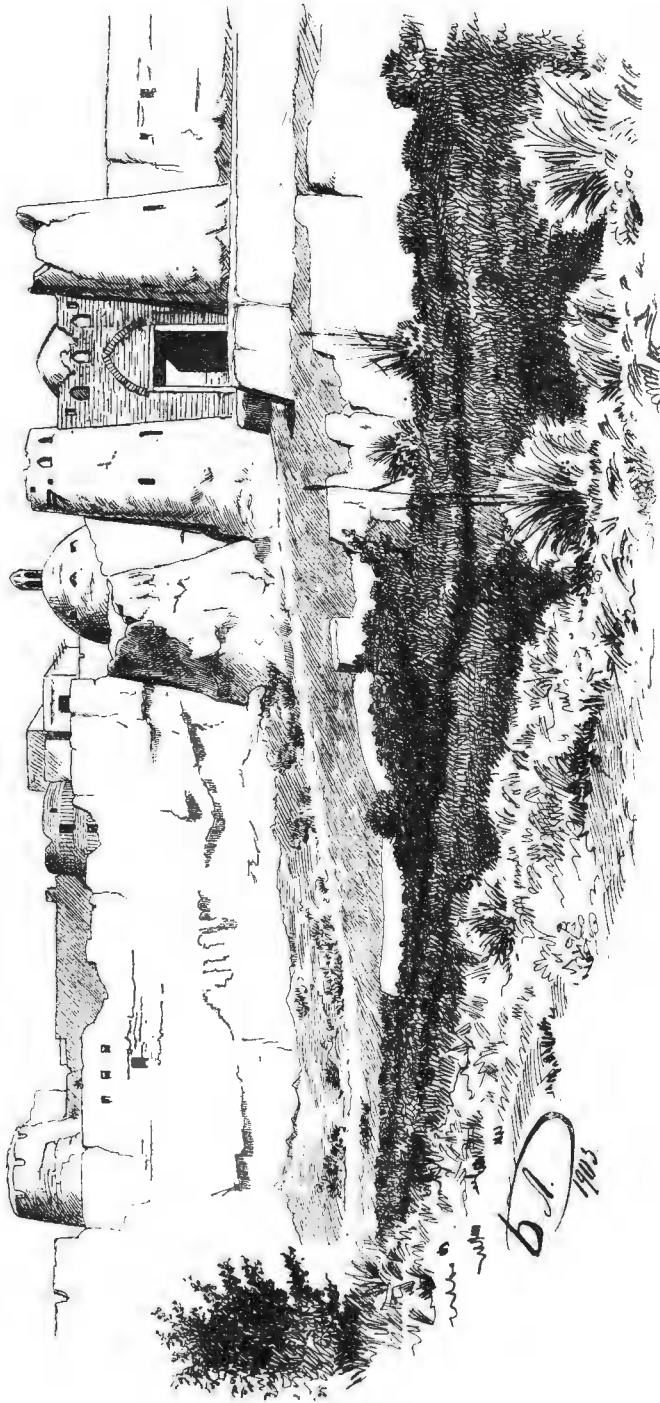
камней и снѣга кое-гдѣ вилась тропа. Далѣе шли контрфорсы, усѣянные обломками скалъ и камнями, и наконецъ свѣтлѣло ущелье, забиравшее вправо и круто затѣмъ повернувшее снова на востокъ. Хребты и вершины, снѣжные и безснѣжные, пестрѣли передъ глазами; слышался шумъ водопада.

Трудно было опредѣлить высоту перевала, но, судя по всему, высота его была не менѣе 17.000—18.000 футовъ. Всѣ видимые съ перевала хребты и вершины были ниже его, и только пики Коомолинга и Мадута, высящіяся правѣе его, казались на одной высотѣ. Вершины окружающихъ насъ высотъ были покрыты чистымъ нетронутымъ солнцемъ снѣгомъ. Мы сѣли на камни и стали дожидаться команды. Мимо насъ прошелъ путникъ, поднявшійся какъ-то неожиданно на перевалъ, и одинъ съ палкой и котомкой за плечами, съ любопытствомъ оглядываясь на насъ, спѣшными шагами пошелъ по направленію Калаи-Хумба. Солнце уже садилось, и становилось очень холодно, когда подошла наконецъ вся команда. Сумерки быстро надвигались; въ ущельѣ Оби-Паткъ, куда намъ лежалъ дальнѣйшій путь, становилось темно.

Мы торопливо тронулись; пришлось прекратить всякую съемку даже замѣтками ради быстроты хода. Предстояло еще сдѣлать, по крайней мѣрѣ, 20 верстъ. Мы стали спускаться сначала по грязному снѣгу, но вскорѣ вышли на тропу, вьющуюся внизъ крутыми безчисленными зигзагами. Шумъ отъ водопада доносился все явственнѣе и наконецъ превратился въ ревъ. Это былъ громадный потокъ, отвѣсно падающій изъ-подъ снѣжнаго слоя справа отъ дороги; первая сплошная его струя ниспадала съ высоты сажень пятидесяти, пока не встрѣтила уступа скалы, о который съ грохотомъ и разбивалась, превращаясь въ бушующій кипень и обдавая скалы легкой водяной пылью и пѣной. Влаго этой пыли чувствовали и мы на тропѣ. Рядомъ, выше и ниже, гремѣли меньшія струи холодной ледниковой воды, вырываясь изъ-подъ снѣговъ перевала и слоя мелкаго щебня и пыли, залегшихъ тотчасъ же подъ бѣлымъ его покровомъ. Это были истоки Оби-Патка.

Мы летѣли внизъ, словно опрокинувшись; по головокружной кручѣ мы едва успѣвали переставлять ноги и, чтобы задержаться на поворотахъ, наваливались на какой нибудь камень и, уцѣпившись за него руками, на моментъ останавливались, чтобы снова помчаться по новому направленію. Здѣсь отставали уже конные, несмотря на бойкій ходъ лошаденокъ. Мракъ наступалъ быстро, быстро, чѣмъ мы спускались; надо было торопиться, а ноги отказывались служить; подъ колѣнями ощущалась невыносимая боль отъ постоянного ихъ сгибанія. Наконецъ мы добрались до болѣе пологихъ контрфорсовъ и къ радости своей увидѣли брошенный небольшой кутанъ (загонъ для овецъ), а къ восьми часамъ спустились къ рѣчкѣ. Здѣсь мы остановились, раздумывая, что дѣлать. Линія

Крепость Кабадиань.

снѣговъ уже миновала, хотя сбѣгающіе къ Пянджу параллельно нашему пути хребты были почти сплошь завалены снѣгомъ. Между тѣмъ до кишлака Гумая оставалось, по словамъ проводниковъ, 2 санга, т-е. шестнадцать верстъ. Какъ быть—рѣшиться ли заночевать на холоду безъ огня или итти всю ночь съ истомленными людьми и животными? Мы рѣшили пройти еще сколько можно и заночевать, когда силы окончательно покинуть охотниковъ. Тронулись дальше. Но тутъ мы впервые глубоко были тронуты изобрѣтательностью Миръ-Ахура, больше, чѣмъ когда либо, помогшаго намъ. Оказалось, онъ еще изъ Хырката послалъ распоряженіе въ Гумай встрѣтить прибывающую команду по эту сторону перевала съ возможно большимъ количествомъ лошадей. Поэтому совершенно неожиданно мы, пройдя еще не болѣе трехъ верстъ, столкнулись съ цѣлымъ караваномъ коней, шедшимъ намъ навстрѣчу. Разговаривать было нечего; измученные охотники повскакали въ сѣдла и двинулись далѣе.

Далеко за полночь прибыли мы въ Гумай. Насъ встрѣтили съ факелами и вбродъ перевели черезъ рѣку, почему-то не давъ намъ проѣхать по имѣющемуся возлѣ мосту. Черезъ пять минутъ мы въѣхали въ освѣщенный дворъ, посреди котораго горѣли костры. Мы были до того измучены, что едва могли сами слѣзть съ дивныхъ горныхъ, ни разу не споткнувшихся лошадокъ. Больныхъ пришлось снять съ сѣделъ. Несмотря на совершенное утомленіе, приказано было согрѣть чай съ главной цѣлью, чтобы не дать ночнымъ, назначеннымъ на постъ, спать. Вся команда лежала въ лежку; ишаки были развьючены только послѣ чая. Такого утомленія мы не испытывали ни разу за весь нашъ путь. Но зато главное препятствіе было пройдено, и на утро уже можно было болѣе спокойно обдумать свое положеніе.

ХІ.

Мы едва смогли подняться въ семь часовъ утра. Утро было холодное и туманное; но вскорѣ туманъ разсѣялся, и глазамъ представилась веселая картинка маленькаго кишлака, пріютившагося на рѣкѣ подъ самыми отвѣсами краснобурыхъ горъ лѣваго берега. Прямо внизъ уходило ущелье Оби-Паткъ по направленію Пянджа; ущелье почти тутъ же запиралось голубыми хребтами того праваго берега Пянджа; до него было не болѣе восьми верстъ. Значитъ, мы снова подошли къ этой рѣкѣ, спрямивъ переходами по Запянджскому Дарвазу ту дугу, которую рѣка дѣлаетъ между Калаи-Хумбомъ и Калаи-Вамаромъ. Поля, деревья, по-преимуществу талы и яблони, даже кровли каменныхъ хижинъ и мазанокъ— все было зелено и ярко пестрѣло на солнцѣ желтыми и голубыми цвѣтами.

Приступили къ сбору свѣдѣній. Они оказались совсѣмъ неутѣшительными. Весь кишлакъ въ одинъ голосъ показывалъ, что Ташъ-Курганъ давно занятъ афганцами, что въ Калаи-Вамарѣ стоитъ цѣлый палътанъ пѣхоты (батальонъ около 600—700 человекъ), въ Вознаудѣ, еще ближе сюда, т.-е. всего въ 25 верстахъ, стоитъ 400 человекъ рисоля (кавалеріи), что афганцы знаютъ про наше движеніе и выставили свои посты по Пянджу противъ впаденія въ него рѣки Усангъ-су и по хребту лѣваго берега. Тутъ же старшина добавилъ, что развѣдчики афганцевъ каждый день спускаютъ сюда, вывѣдывая обо всемъ, что дѣлается, но разбой поприехали. Также узнали мы и то, что внизъ по Оби-Паткѣ отъ кишлака Нижняго Гумая къ Пянджу дороги нѣтъ, но что есть удобная тропа по Усангъ-су отъ Питау.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, мы рѣшили сегодня же передвинуться въ Питау или какойнибудь другой пунктъ съ цѣлью войти въ непосредственную близость съ афганскими постами, и благо, что все равно уже намъ не удалось пройти къ верхнему теченію Пянджа незамѣченными, самимъ узнать расположеніе войскъ и тогда уже рѣшиться на что либо. Мы полагали, что свѣдѣнія о такомъ большомъ количествѣ афганскихъ войскъ, собранныхъ зачѣмъ-то въ окрестностяхъ Калаи-Вамара, невѣрны; жители вообще не внушали къ себѣ большого довѣрія въ показаніяхъ; при томъ намъ казалось, что разъ отрядъ генерала Іонова идетъ по Гунту (свѣдѣнія, добытыя отъ тѣхъ же туземцевъ), то афганцамъ выгоднѣе сосредоточиться у Баръ-Пянджа. Наши свѣдѣнія объ отрядѣ генерала Іонова въ эти дни, т.-е. съ 1 по 6 августа, были ничтожны, и мы не имѣли возможности отличить истину отъ лжи; самимъ же намъ казалось, что русскіе должны были дѣйствовать въ направленіи на юго-западъ, къ Гиндукушу, а никакъ не на западъ къ тому же Калаи-Вамару, къ которому такъ стремились и мы.

Такимъ образомъ, совершенно почти неожиданно наткнувшись на значительный гарнизонъ афганцевъ, мы могли лишь только ждать подхода сюда генерала Іонова, который, если вѣрить слухамъ среди жителей, направляется сюда; въ виду этого мы и ждали новыхъ свѣдѣній, сколько могли, то-есть пока у насъ не свалилась больною половина команды, и пока была хоть щепотка чая. Воспользоваться тропкою отъ Нижняго Гумая къ Питау, то-есть участкомъ такъ называемой индійской дороги, мы не рискнули изъ боязни слишкомъ рано обнаружить себя и свою численную слабость, и поэтому приказали вести себя какоюнибудь другою тропкою, уходящею глубже къ Патку отъ Пянджа. Правда, всѣ жители, а стало быть, и афганскіе развѣдчики были увѣрены попрежнему, что сзади насъ идутъ еще солдаты, и мы, конечно, не разувѣряли ихъ, но осторожность не мѣшала.

Насъ повели прямо на крутой контрфорсъ, переваливъ который мы попали въ ущелье рѣчки, впадающей въ Паткъ противъ самаго Верхняго Гумая ¹⁾. Повернувъ съ юга на западъ, мы потянулись утомительными крутыми и подчасъ опасными контрфорсами вверхъ на снѣжный перевалъ Бгоу, о существованіи котораго никто изъ насъ, да и врядъ ли кто и раньше вообще предполагалъ. Такъ тянулись мы, держась за хвосты лошадей, на которыхъ ѣхали больные, около трехъ часовъ и наконецъ добрались до покрытой снѣгомъ холмистой сѣдловины перевала, лежащаго на высотѣ около 14.000 футовъ; кругомъ ни кустика; только грязный снѣгъ и камень; внизу между камнями видна чахлая травка. За переваломъ открылась глубокая щель съ крутыми холмистыми сначала откосами; это было ущелье ручья Бгоу, сбѣгающаго между дикими скалами и снѣгами съ сѣвера на югъ на соединеніе съ Усангъ-су.

Спускъ былъ значительно легче подъема, и мы съ удовольствіемъ сбѣгали уширеннымъ шагомъ то по крутымъ отрогамъ, покрытымъ травкой, то подъ темно-коричневыми отвѣсами скалъ.

Внизу у самаго Усангъ-су грунтъ неожиданно перемѣнился; вмѣсто угрюмыхъ массивовъ повсюду зажелтѣла мягкая глина. Вверху по рѣчкѣ показался крошечный кишлачекъ съ глиняными же постройками. Это былъ кишлакъ Сіяншанъ. Но въ него мы не пошли, а, дойдя до Усангъ-су, круто повернули внизъ по теченію по сносной узкой тропѣ, часто прерываемой карнизами и даже балконами. Вскорѣ миновали мы кишлакъ Бгоу, такой же бѣдный, какъ всѣ ранѣе попадавшіяся намъ селенія Запянджя. Въ общемъ путь этотъ показался намъ послѣ всего испытаннаго нетруднымъ, и мы къ вечеру, правда, утомленные голодомъ и жаждой, добрались наконецъ до густой рощи съ великолѣпными экземплярами строевой арчи и листовеннаго разнолѣся, покрывающей все дно уширеннаго ущелья Усангъ-су возлѣ кишлаковъ Питау и Варфъ. Это была первая видѣнная нами во всемъ Запянджскомъ Дарвазѣ значительная группа дико растущаго лѣса; особенно пріятно было то, что лѣсокъ этотъ раскинулся по ровному усѣянному большими сѣрыми камнями дну ложа рѣчки, которая, разбившись на три рукава, журча обѣгала каждый камень, скалу и значительную группу деревьевъ. Картина была близка къ нашимъ сѣверо-скалистымъ пейзажамъ острова Валаама или Олонецкой губурніи.

По мосту перешли мы черезъ Усангъ-су на правый берегъ и, поднявшись по холмистому уступу, на которомъ раскинулся кишлакъ Варфъ, расположились въ одномъ изъ отдѣльныхъ его садовъ съ цѣлью большаго обзора лежащей вокругъ мѣстности.

¹⁾ Этого ущелья рѣчки и, тѣмъ паче, тропы совершенно не показано даже примѣрно на картѣ Памировъ, равно какъ и перевала Акбаи-Бгоу, какъ и всего этого пути до самаго кишлака Бгоу. Невѣрно также поставленъ и самый кишлакъ.

Кишлакъ Варфъ раскинулся отдѣльными группами домовъ и садовъ въ широкомъ логу мощнаго отрога пиковъ Газъ-Дара, несколько не уступающаго по высотѣ Патку. Этотъ отрогъ, отдѣлившись отъ ледниковъ, тянется въ восточномъ направленіи къ Пянджу и, несмотря на то, что пониженіе его весьма интенсивно, не успѣваетъ за двадцать верстъ своего протяженія сойти на нѣтъ къ Пянджу, а круто обрывается въ него почти отвѣсной стѣной. Сѣверный его участокъ въ округѣ Варфа, хотя и является крутымъ, но холмистъ и покрытъ особенно внизу короткой сочной травкой. По дну широкаго ущелья бѣжитъ ручей, орошающій поля и сады кишлака. Здѣсь отведены по обоимъ склонамъ лога тщательно сохраняемые арыки, которые, благодаря тому, что берутъ свое начало на значительной высотѣ, представляютъ собою тонкую зеленую ленту, вьющуюся болѣе чѣмъ на сто сажень надъ кишлакомъ. Здѣсь отъ Варфа по лѣвому холмистому крутому откосу вьется тропа на послѣдній переваль, отдѣляющій насъ отъ Калаи-Вамара, по имени Акбаи-Гульдзари.

Противъ Варфа на томъ, лѣвомъ, берегу Усангъ-су, въ тылу насъ зеленѣютъ сады кишлака Питау, расположившагося на высокой ровной террасѣ подъ переваломъ Рога. Селенія и жители имѣли болѣе зажиточный и довольный видъ, нежели убогіе кишлаки, какъ, на примѣръ, Дыроу. Мы расположились въ одномъ изъ садовъ и стали собирать свѣдѣнія. Миръ-Ахуръ неистово волновался и о чемъ-то все время горячо говорилъ съ туземцами, среди которыхъ былъ амлякдаръ всей этой округи, умный молодой таджикъ. Послѣ какихъ-то преній амлякдаръ и нѣсколько стариковъ выдѣлились изъ толпы, а остальные ушли. Сѣдой старикъ началъ говорить что-то съ большимъ жаромъ и энергически жестикулируя. Начались переговоры.

Первое, что было предложено намъ, это покорнѣйшая просьба уйти отсюда какъ можно скорѣе.

Мы удивились; тогда старикъ началъ.

— Здѣсь край безпокойный; афганскіе посты стоятъ сейчасъ на перевалѣ, въ четырехъ верстахъ отсюда. Мы и такъ каждый день терпимъ отъ нихъ грабежи и разбой; у насъ нѣтъ ни солдатъ, ни сколько нибудь хорошихъ ружей, чѣмъ могли бы мы защищаться; чиновники бухарскіе, которыхъ тутъ почти никогда не бываетъ, защитить насъ не могутъ; поэтому афганцы дѣлаютъ съ нами, что хотятъ: мы вполнѣ въ ихъ власти. Теперь, когда вы, русскіе, направились сюда, афганцамъ это стало извѣстно прежде, нежели вы дошли до Дыроу; они разослали всюду своихъ людей, которые слѣдятъ за вами и обо всемъ доносятъ. Сколько васъ, ни мы, ни афганцы не знаемъ, но, конечно, много, иначе бы, если бы васъ было столько, сколько сейчасъ здѣсь, эти разбойники, конечно, напали бы на васъ еще на пути. Они храбры, хорошо вооружены

и быстро ходять по горамъ. Когда вы вышли изъ Дыроу, афганцы сказали намъ, что если мы будемъ вамъ помогать, то они послѣ вашего ухода всѣхъ насъ перерѣжутъ. Поэтому просимъ васъ—уйдите отсюда; дѣлайте, что хотите, но отъ насъ помощи не ждите. Мы не можемъ дать вамъ ни проводниковъ, ни продовольствія. Здѣсь сейчасъ даже навѣрное есть нѣсколько афганцевъ, которые слѣдятъ и за вами, и за нами и слушаютъ, что мы говоримъ.

Мы стали успокаивать, говоря, что намъ ничего отъ населенія не надо, и что наоборотъ мы готовы защитить ихъ, если то будетъ необходимо, но уйти назадъ мы не можемъ.

Взволнованные таджики не успокаивались и убѣдительно просили насъ оставить эти края. Они говорили, что здѣсь и безъ того каждый день идутъ перестрѣлки, особенно на перевалѣ Акбаи-Гульдзари, уводятся скотъ и жители. Шугнанцы и бадахшанцы, поощряемые афганскими солдатами, ежедневно совершаютъ набѣги, и номинальнымъ бухарскимъ подданнымъ приходится самимъ отбиваться отъ этихъ нападеній.

— Почему же сюда не пришлютъ отъ эмира солдатъ?—спросилъ я.

— Что толку въ этихъ трусахъ?—съ презрѣніемъ отвѣтилъ старикъ:—афганцы храбры и любятъ драться; бухарскіе солдаты только заставляютъ ихъ чаще сюда приходить и всѣхъ рѣзать.

— Однако, зачѣмъ же вы пускаете афганскихъ развѣдчиковъ, вѣдь вы знаете ихъ?—спросили мы.

— Какъ же ихъ не пускать? У насъ въ любомъ кишлакѣ есть родственники живущихъ въ Шугнанѣ и Бадахшанѣ. Почему мы знаемъ, зачѣмъ идетъ человѣкъ?

— А сами вы ходите за границу?

— Нѣтъ, насъ не пускаютъ солдаты; иногда собираемся партией, чтобы отбить скотъ, взятый противникомъ, потомъ возвращаемся.

Въ общемъ всѣ эти разспросы пяти неглупыхъ таджиковъ выяснили то, что вся округа по теченію рѣки Тангъ-Шива и здѣсь вплоть до Гумая находится подъ фактическимъ контролемъ афганцевъ, которые постоянно поощряютъ шугнанцевъ и бадахшанцевъ къ разбоямъ и грабежамъ и иногда сами принимаютъ въ нихъ участіе. Жители отбиваются сами, какъ могутъ; такъ въ Варфѣ есть компанія, человѣкъ въ двѣнадцать молодцовъ, имѣющихъ пашки и фитильныя ружья, которые и являются вооруженной защитой своихъ односельчанъ и предпринимаютъ рискованныя набѣги въ свою очередь въ Шугнанъ. Перевалъ Акбаи-Гульдзари является пунктомъ постоянныхъ столкновеній въ здѣшней округѣ. Но теперь онъ занятъ афганскимъ постомъ, слѣдящимъ за нами. Другой афганскій постъ находится въ Ротау, селеніи, принадлежащемъ Бухарѣ и лежащемъ по ту сторону перевала на рѣкѣ

Тангъ-Шива; третій на перевалѣ Бадамбучъ; остальные по ту сторону Пянджа. Но въ Часноудѣ стоитъ около полутораста афганскихъ кавалеристовъ, а въ Вознаудѣ около 250 человекъ. Въ самомъ же Калаи-Вамарѣ расположено 700 пѣхотинцевъ. Войска эти въ такомъ количествѣ перешли сюда изъ Бадахшана въ виду того, что афганцы слышали, будто идутъ русскіе изъ Дарваза, то-есть мы, затѣмъ по Бартангу и Гунту. Раньше же, мѣсяцъ тому назадъ, въ Калаи-Вамарѣ стояло всего около полутораста пѣхотинцевъ и кавалеріи.

Грабежи и угонъ скота подданными Бухары и Афганистана другъ у друга настолько часты, что породили обычай, какъ я уже говорилъ, размѣниваться награбленнымъ два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ. Для этого тѣ и другіе безоружные съ награбленнымъ добромъ выходятъ на перевалъ Гульдзари и мирно совершаютъ размѣнъ, при чемъ тѣ, у кого послѣ обмѣна получился остатокъ, берутъ за него выкупъ деньгами, хлѣбомъ или баранами и возвращаютъ добро.

Узнали также мы, что изъ Варфа въ Вознаудъ ведетъ хорошая дорога ущельемъ Усангъ-су и далѣе вверхъ по Пянджу, и что этой дорогой афганцы иногда пользуются для осмотра мѣстности. Такимъ образомъ въ тылу насъ былъ удобный путь для того, чтобы отрѣзать насъ отъ Калаи-Хумба, т.-е. отъ пути назадъ.

О движеніи нашихъ отрядовъ сколько нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній не было: объяснялось это тѣмъ, что афганцы строго контролировали всѣхъ переходящихъ границу.

Такимъ образомъ, обстановка, въ которую мы попали, была крайне печальна для насъ. Мы наткнулись на цѣлый значительный гарнизонъ афганцевъ тамъ, гдѣ предполагали, что его не будетъ; силы его, какъ бы ни были преувеличены въ показаніяхъ туземцевъ, были во всякомъ случаѣ весьма значительны, и о томъ, чтобы заставить ихъ дать намъ дорогу, нечего было и думать, особенно при запрещеніи вызывать какія бы то ни было столкновения. Передъ нами широко стояли посты, и сзади шла дорога, по которой свободно могли отрѣзать намъ единственный путь назадъ. Незвѣстность о томъ, гдѣ наши памирскія болѣе многочисленныя партіи, и когда онѣ придутъ къ Калаи-Вамару, заставляла насъ ждать выясненія событій, быть можетъ, долго, недѣлю, цѣлый мѣсяцъ. А между тѣмъ запасовъ у насъ было не болѣе, какъ на шесть дней. Пополнить ихъ у мѣстныхъ жителей не представлялось возможнымъ, такъ какъ такихъ вещей, какъ необходимѣйшіе чай и сахаръ, не имѣлось совершенно; лепешки и баранину было бы можно доставать недолгое время, но жители, боясь мести афганцевъ, сторонились насъ и прятали запасы, а насъ самихъ просили уйти. При всемъ томъ, кто знаетъ, насколько можно положиться на искренность туземцевъ, имущественные и родственные

интересы которыхъ были всецѣло на сторонѣ подданныхъ Афганистана (какъ они говорили) шугнанцевъ и бадахшанцевъ. Наконецъ, отъ непомерно большихъ утомительныхъ переходовъ, лихорадокъ и горной болѣзни здоровье людей команды было неблестящее и сегодня, т.-е. второго числа, изъ шестнадцати человѣкъ было шесть больныхъ.

Обсудивъ все это, мы рѣшили продержаться здѣсь, возлѣ Вонауда возможно дольше съ цѣлью разузнать что либо о нашихъ отрядахъ и уйти только тогда, когда наши больные и изсякающіе запасы не вынудятъ начать обратное движеніе. Для того же, чтобы самимъ удостовѣриться въ томъ, что показывали намъ жители, мы рѣшили на другой день произвести развѣдку въ сторону Калаи-Вамара и лично удостовѣриться въ расположеніи афганскихъ постовъ.

Туземцы, видя, должно быть, что мы не собираемся уходить назадъ, предложили свои услуги въ смыслѣ охраны на сегодняшнюю ночь; мы приняли это предложеніе и указали вызвавшимся семи здоровымъ малымъ, пришедшимъ къ намъ съ мултуками и шапками, мѣсто, гдѣ они должны засѣсть, — именно наблюдать дорогу по Усангъ-су. Сами же выставили небольшой секретъ къ сторонѣ Акбай-Гульдзари. Легли мы всѣ не раздвѣваясь, въ виду возможности нападенія; больныхъ положили въ середину. Но вскорѣ намъ пришлось отказаться отъ помощи охотниковъ-туземцевъ по слѣдующему случаю.

Ночью, поднявшись посмотреть, что и какъ, я замѣтилъ какіе-то огоньки въ сосѣднихъ кустахъ, которые мнѣ показались подозрительными. Послали обходъ узнать, въ чемъ дѣло; оказалось, что наши самозванные союзники, руководствуясь своею тактикой, сами повернулись лицомъ въ нашу сторону и, заранѣе наведя свои ружья на лагерь на тотъ случай, если на него де бросятся афганцы, сидѣли съ раздутыми фитилями, засыпавъ порохъ на полку; эти фитили и выдали ихъ.

Понятно, что прежде всего отъ нашихъ союзниковъ должны были пострадать мы сами, и потому мы урезонили ихъ повернуться лицомъ въ сторону Усангъ-су, а ради собственного спокойствія отвели ихъ подальше. Тѣмъ не менѣе ретивые друзья наши провели ночь, не сомкнувъ глазъ, чѣмъ были очень довольны. Мы же въ свою очередь были имъ благодарны за то, что не были случайно ими ночью подстрѣлены.

Такъ провели мы спокойно холодную лѣтнюю ночь со второго на третье августа.

Утро третьяго августа было ясно и холодновато. Мы поднялись и за утреннимъ чаемъ, который пили по недостатку сахару съ сушеными прескверными мѣстными яблоками, приступили къ сбору на развѣдку. Нашъ Миръ-Ахуръ, до смерти перепугавшійся, быть

можетъ, предстоящаго столкновѣнія, тормозилъ намъ всячески наши сборы. Видя это, мы предложили ему остаться вмѣстѣ съ больными и остающимися въ лагерѣ на случай нападенія афганцевъ по Усангъ-су нижними чинами. Но старецъ испугался еще болѣе перспективы остаться въ тылу для охраненія дороги и полуживой отъ страха заявилъ, что онъ не оставитъ насъ до самаго перевала, гдѣ считаетъ владѣнія эмира кончающимися.

Передъ выступленіемъ намъ пришлось еще разъ выдержать просьбы жителей не появляться на перевалѣ, показавшіяся намъ подозрительными. Мы успокоили, какъ показалось мнѣ, неестественно волновавшихся туземцевъ и предложили тѣмъ изъ нихъ, которые были вооружены, слѣдовать съ нами и воспользоваться случаемъ, если хотятъ, прогнать такъ безпокойшій и отрѣзавшій имъ путь въ ущелье Тангъ-шива афганскій постъ. Тѣ съ радостью согласились, и тотчасъ же образовалась изъ нихъ группа молодцовъ, человекъ въ десять.

Мы оставили въ лагерѣ, кромѣ шести человекъ больныхъ, не могшихъ идти, еще четырехъ здоровыхъ охотниковъ при старшемъ, устроили и приспособили къ оборонѣ на случай нападенія ограду занятаго нами садика, дали соответственныя инструкціи на случай, если будетъ плохо намъ, и двинулись въ путь, предшествуемые тѣмъ же сѣдобородымъ старикомъ, который такъ усиленно просилъ насъ вчера уйти отсюда.

Тропа шла крутымъ уваломъ по лѣвому холмистому контрфорсу. Мы вскорѣ втянулись въ верхніе дворы селенія и, миновавъ ихъ, вышли на открытый гребень отрога. Кругомъ не было видно ни души. Впереди виднѣлись двѣ сложенные изъ камня на арыкѣ мельницы; далѣе разстилалась рѣзко повышающаяся поляна, за которой круто поднимался слѣдующій контрфорсъ.

Таджики, сопровождавшіе насъ, шли молча отдѣльной группой и къ чему-то прислушивались; мы подвигались медленно съ необходимыми передышками.

Вдругъ таджики остановились; одинъ изъ нихъ что-то крикнулъ и побѣжалъ къ намъ. Между мельницами мелькнула чья-то фигура въ бѣлой рубахѣ и штанахъ.

— Афганскій развѣдчикъ здѣсь въ арыкѣ, — задыхаясь отъ бѣга, полушепотомъ сообщилъ таджикъ и указалъ на группу мельницъ. Мы на минуту остановились.

— Онъ часто здѣсь бываетъ, все высматриваетъ, только взять его не удастся, такъ какъ малый сильный и ловко скрывается у своего родственника-мельника или здѣсь или въ Зичарвѣ, — пояснилъ намъ другой.

— Взять его, — приказалъ Н. Д., — но безъ моего приказанія не стрѣлять, надо поймать.

Мы приготовили револьверы, охотники зарядили винтовки и разомкнулись шаговъ на десять другъ отъ друга. Наши союзники благоразумно сбились сзади въ кучу и ждали исхода. Блѣдный Миръ-Ахуръ безмолвно сидѣлъ на лошади.

Осторожно подходили мы къ мельницамъ, но, не доходя до нихъ шаговъ пятидесяти, увидѣли фигуру, быстро бросившуюся внизъ въ камни. Какъ кошка, прыгалъ этотъ молодецъ съ камня на камень, стремясь уйти внизъ къ ручью и зеленѣющимъ еще далѣе внизу садамъ.

— Не давать ему!—крикнулъ Н. Д., и охотники бросились за нимъ внизъ и вправо. Я побѣжалъ также, забирая сколько можно ниже. Но гдѣ намъ, усталымъ и утомленнымъ, соперничать съ ловкимъ горцемъ, выросшимъ среди этихъ же камней? Разстояніе между нами и бѣглецомъ увеличивалось съ каждымъ шагомъ; онъ дѣлалъ изумительные прыжки и все приближался и приближался къ каменному завалу у ручья. Было ясно, если афганецъ доберется до этихъ камней, то его уже не сыщешь.

— Эхъ, упустятъ,—махнулъ рукой Н. Д.:—Подмосковный, стрѣлай!—крикнулъ онъ бѣжавшему возлѣ охотнику.

Тотъ сѣлъ на колѣно и приложился, ведя мушку за убѣгающей фигурой; было не болѣе 300 шаговъ, и на промахъ было трудно рассчитывать. Сосѣдній охотникъ сдѣлалъ то же.

На моментъ мы замерли; это была первая пуля по живому человѣку во всю нашу протекшую жизнь. То же, вѣроятно, чувствовалъ Н. Д., нервно стиснувшій зубы въ ожиданіи выстрѣла по человѣку, какъ по звѣрю. Стрѣлки внимательно подводили мушку подъ цѣль. Прошло нѣсколько секундъ.

— Остановился,—крикнулъ кто-то снизу. Мы вздрогнули. Бѣлая фигура стояла неподвижно среди камней лицомъ къ намъ въ ожиданіи пули.

— Не стрѣлять, оставь!—крикнули мы; нѣсколько человѣкъ охотниковъ и таджиковъ подбѣжали къ молодцу и взяли его; тотъ не сопротивлялся. Его подвели къ намъ. Это былъ красивый, здоровый, широкогрудый, почти юноша, лѣтъ двадцати. Онъ блѣдный, какъ полотно, смотрѣлъ на насъ черными красивыми испуганными глазами и едва переводилъ дыханіе. При немъ былъ одинъ длинный ножъ и ненадутый гупсаръ, съ помощью котораго онъ переправлялся черезъ Тангъ-Шива во время своихъ развѣдокъ; онъ былъ шуганецъ родомъ и состоялъ на жалованьи у начальника Калаи-Вамара. На этотъ разъ его обязанность была дать знать о нашемъ движеніи на перевалъ стоящему тамъ посту. Но это не удалось. Опросивъ, мы передали его старшинѣ и приказали отправить въ Варфѣ до нашего возвращенія.

— Онъ спрашиваетъ, что съ нимъ будетъ, и оставлятъ ли его живымъ,—доложилъ Подмосковный.

— Успокой его; будетъ живъ, пусть только не думаетъ бѣжать,—отвѣтилъ Н. Д., и мы двинулись далѣе.

Не доходя до крутого поворота тропы, которая скрывалась за почти отвѣснымъ контрфорсомъ праваго уступа, мы увидѣли вершину перевала. Она была въ верстѣ отъ насъ. Одинъ изъ туземцевъ указалъ рукой по тому направленію и сказалъ, что тамъ находится первый афганскій постъ. Мы стали вглядываться и не успѣли еще окончательно высмотрѣть его расположеніе, какъ оттуда гулко раздался выстрѣлъ. Мы невольно остановились изъ естественнаго чувства перваго на насъ выстрѣла. Гдѣ-то далеко послышался второй.

За поворотомъ тропы послышался гулъ и какой-то неясный шумъ, весьма похожій на топотъ скачущихъ коней. За контрфорсомъ показалась пыль.

У меня невольно екнуло сердце; мысль, что на насъ несется толпа кавалеристовъ, которыхъ можно встрѣтить огнемъ не далѣе полутораста шаговъ, такъ какъ до того разстоянія ихъ скрывалъ бы контрфорсъ, молніей мелькнула у меня въ головѣ. Я остановился и потянулся за револьверомъ. Разсыпанные вѣеромъ охотники стали. Шумъ усиливался, потомъ началъ слабѣть.

— Впередь!—съ налившимися кровью глазами крикнулъ Н. Д.

— Впередь!—повторилъ и я, и всѣ тронулись, но тотчасъ же остановились: возлѣ насъ не было ни Миръ-Ахура, ни проводниковъ, ни нашихъ храбрыхъ союзниковъ.

— Гдѣ они, эти подлецы?—сверкнулъ глазами Н. Д.

— А вонъ, ваше благородіе, Миръ-Ахуръ сидитъ,—отвѣтилъ кто-то. И дѣйствительно, внизу за камнемъ, свалившись съ лошади, сидѣлъ полуживой дипломатъ въ шелковомъ халатѣ и бѣлоснѣжной чалмѣ; возлѣ него присѣлъ за кустомъ въ самой комической позѣ сѣдобородый старшина, тутъ же стоялъ блѣдный слуга Миръ-Ахура и не сидѣлъ только потому, что долженъ былъ держать лошадей. Выше и ниже изъ-за камней выглядывали головы храбрыхъ союзниковъ.

— Оставимъ эту сволочь, пойдемъ,—усмѣхнулся Н. Д.

— Конечно, чего съ ними возиться,—согласился я, и мы двинулись далѣе, пытливо всматриваясь въ вершину перевала и ожидая дальнѣйшихъ выстрѣловъ. Но кругомъ было тихо.

Доидя до поворота дороги, мы увидѣли причину грохота, принятаго всѣми за топотъ коней. Это былъ обвалъ скалы, рухнувшей, благодаря рыхлому грунту отсыпи. Тропу завалило на нѣсколько сажень; стояла уже сильно порѣдѣвшая пыль; внизу катились неостановившіеся камни и ползъ щебень.

Мы перебрались черезъ отсыпь и пошли далѣе, круто повернувъ по тропѣ влѣво; и черезъ полчаса благополучно добрались

до перевала. Къ намъ по пути по одному и группами присоединились Миръ-Ахуръ, старшина и добровольцы-гаджики.

Картина, открывшаяся намъ съ перевала, была поражающе великолѣпна и величественна, и мы, и охотники, и даже Миръ-Ахуръ стали, какъ вкопанные, пораженные величественнымъ зрѣлищемъ. Благодаря удивительно выгодному положенію перевала, на которомъ мы были (около 12.000 ф.), нашимъ глазамъ предстали не одинъ, не три, не десять дѣвственно снѣжныхъ сіяющихъ льдами хребтовъ, а разстилались цѣлые ряды ихъ, одинъ выше другого, то смѣшиваясь между собою, то рѣзко выдѣляясь своимъ блистающимъ горбомъ, то снова пропадая. Это было безконечное царство бѣлыхъ, яркихъ, дѣвственныхъ кряжей, надъ которыми выше было одно только черно-синее глубокое небо. Глядишь, и глаза не могутъ отдѣлать одного хребта отъ другого. Только впереди, на югѣ вся эта громада снѣговъ рѣзко, отчетливо прерывается, словно смирившись, и на самомъ горизонтѣ, въ ста шестидесяти верстахъ отъ насъ величественно, спокойно высится надъ этимъ моремъ будто застывшихъ волнъ, какъ бы гордясь своей несравнимой съ сосѣдями высотой, мощный Гиндукушъ. Такъ вотъ онъ, Гиндукушъ, невольно западаетъ въ голову мысль, вотъ онъ, тѣ горы, перешагнуть черезъ которыя тянетъ русскаго богатыря какая-то непреодолимая, могучая сила. За ними Индія, сказочная страна милліоновъ людей, касть, золота и мученій. Словно сказочный змѣй легъ вокругъ заколдованнаго царства и блеститъ на солнцѣ ледяной чешуею своей костистой спины. Когда же рѣшится Иванъ-царевичъ перешагнуть черезъ этого змѣя-горыныча и перешагнетъ ли, да и надо ли дѣлать этотъ богатырскій прыжокъ?

Много мыслей роится въ головѣ, и не хочется опрокинуться въ эту бездну бѣлыхъ хребтовъ и черныхъ ущелій; жутко становится при видѣ этой картины, передъ ней чувствуешь свое полное ничтожество. Глазъ какъ-то невольно косится на кажущіяся мизерными фигуры людей въ бѣлыхъ штопанныхъ рубахахъ, бѣлыхъ фуражкахъ и бурожелтыхъ вытертыхъ чембарахъ, стоящихъ въ оцѣпенѣніи на перевалѣ.

Налѣво, къ востоку, тянется бѣлая сплошь отъ снѣжныхъ хребтовъ поляна. Совсѣмъ лѣвѣе рѣзко выдѣляется колоссальный пикъ, яркой звѣздой горящей своими льдами на солнцѣ; до него, должно быть, верстъ шестьдесятъ или восемьдесятъ; онъ, словно царь, стоитъ среди покорныхъ ему вассаловъ. Всматриваешься дальше; ниже, подъ пеленой вѣчнаго снѣга зіяютъ темныя щели, покрытыя голубой нѣжной дымкой. Темнота ихъ усиливается съ приближеніемъ къ намъ; видны бока ущелій, внизу мѣстами зелень, отдѣльные контрфорсы; но вотъ совсѣмъ уже близко протянулся буро-темный хребетъ, скрывающій Калаи-Вамаръ, и наконецъ рѣзко падаетъ къ ногамъ кряжъ, отдѣляющій Пянджъ отъ ущелья Тангъ-Шива.

Прямо впереди едва свѣтитя сквозь голубую рѣющую дымку блестящая полоска Пянджа въ такомъ же голубоватомъ глубокомъ ущельѣ. Судя по картѣ, это Калаи-Баръ-Пянджъ; жители говорятъ то же. Калаи-Вамара не видно; онъ внизу и скрытъ черной громадой хребта Тангъ-Шива. Зато въ самомъ нижнемъ лѣвомъ углу, гдѣ этотъ хребетъ окончательно опрокидывается въ Пянджъ, ярко свѣтится дорога, зелень садовъ и домики Вознауда. Онъ отъ насъ всего въ четырехъ верстахъ. Ущелье Тангъ-Шива изъ-подъ самыхъ ногъ тянется въ полъ-оборота направо, вдали задернутое дымкой. Тутъ все, какъ на картѣ: по дну свѣтится голубая лента бурной пѣнящейся рѣки, видны ярко освѣщенные камни, тропы, кусты, деревья. А прямо, такъ сказать, подъ носками сапогъ, гдѣ низвергается внизъ головоломная тропа, слякоть на солнцѣ крыши хижинъ кишлака Ротау. Сюда по этой тропѣ отошелъ афганскій постъ съ занятого нами перевала. Людей не было видно. Но, внимательно присмотрѣвшись, можно было рассмотреть группы засуетившихся людей въ Ротау; тамъ долженъ быть второй афганскій постъ. Третій постъ былъ виденъ на перевалѣ Бадамбучъ, какъ разъ напротивъ насъ на противоположномъ хребтѣ.

Пока люди отдыхали послѣ утомительнаго подъема, я сѣлъ зарисовывать простыми линиями всѣ лежащія впереди хребты и ущелья, а Н. Д. наносилъ схему ихъ. Сдѣлать съемку всего этого было прямо невозможно. Да и разобраться во всей массѣ сливающихся хребтовъ и отроговъ мнѣ тоже, конечно, не удалось въ какіе нибудь полчаса стоянія на одномъ мѣстѣ, и я удовольствовался только направлениемъ главнѣйшихъ изъ нихъ.

Отдохнувши, мы принялись за изслѣдованіе тропы въ Ротау и ближайшей части ущелья Тангъ-Шива. Надо было отодвинуть афганцевъ изъ этого селенія, оставленнаго почти всѣми жителями, по словамъ старшины; иначе при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи налѣво по хребту афганскіе солдаты свободно могли снова занять перевалъ и отрѣзать насъ отъ оставленнаго лагеря. Съ этой цѣлью, чтобы обезпечить себѣ отходъ къ лагерю въ Варфѣ, мы приступили къ обычному способу, распространенному въ Дарвазѣ въ такихъ случаяхъ—стали сбрасывать съ перевала камни, дабы сдѣлать движеніе по тропѣ на это время невозможнымъ. Благодаря необычайно мягкому грунту, состоящему преимущественно изъ щебня и распавшихся въ пыль разныхъ горныхъ породъ, намъ это вполне удалось. Наши охотники съ удовольствіемъ принялись за эту работу; къ нимъ присоединились таджики, которымъ это видимо было на руку. Пять или шесть человѣкъ, сѣвши на землю, безъ особаго труда сдвигали съ мѣста полутораста-пудовыя глыбы, давно ожидавшія лишь толчка, чтобы скатиться съ кручи внизъ, и вскорѣ цѣлый каскадъ каменныхъ глыбъ, камней, щебня и пыли посыпался внизъ въ кишлакъ, гремя о скалы и увлекая съ собою

цѣлыя лавины камней и щебня. Многіе камни, налетѣвъ съ размаха на встрѣчную скалу, словно разрывались—раскалывались на болѣе мелкіе куски и, прыгая и обгоняя другъ друга, стремились на кишлакъ.

Спустивъ такимъ образомъ не одинъ десятокъ каменныхъ глыбъ на тропу и крыши Ротау, мы рѣшили двинуться дальше къ берегу Пянджа по хребту перевала. Въ этомъ направленіи мы прошли около трехъ верстъ, не встрѣтивъ никого и не видя скрывшагося за склонами хребта Калаи-Вамара. Вознаудъ былъ виденъ на половину, и въ бинокль можно было разобрать, что въ немъ происходитъ по временамъ какое-то движеніе. Тогда намъ стало ясно, что двигаться въ Калаи-Вамаръ нѣтъ возможности; никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній о нашихъ отрядахъ мы не смогли добыть. Приходилось ждать и положиться только на время, но оставаться въ Варфѣ съ половиной больныхъ людей и безъ продовольствія было совершенно уже невозможно.

Къ тому же пришедшій изъ Часноуда таджикъ подъ секретомъ сообщилъ, что сегодня ночью предполагается со стороны афганцевъ поискъ. Правильно или нѣтъ было это свѣдѣніе, но рисковать людьми безъ особенной надобности не приходилось, и мы, разочарованные, двинулись въ обратный путь къ Варфу. Мы спустились въ ущелье Оби-Зичарвъ и благополучно прибыли къ Варфу, не останавливаясь въ которомъ, собрали остававшуюся въ немъ команду и передвинулись въ Питау, т.-е. отошли на одну версту назадъ съ цѣлью имѣть внизу передъ собою дорогу по Усангъ-су.

Грустные и недовольные сегодняшнимъ днемъ сидѣли мы въ хорошенькомъ кишлакѣ Питау, окруженномъ зеленью и почти отвѣсными скалами, и пили за неимѣніемъ чая остатки какао, свареннаго на водѣ, заѣдая его вмѣсто сахара сушеными яблоками. Съ трудомъ достали себѣ барана и съ пересохшими, частью даже съ червями, галетами принялись за ужинъ. Оставаться здѣсь болѣе было невозможно, вся цѣль этого тяжелаго утомительнаго похода рухнула. Оставалась слабая надежда, что за четыре дня, потребныхъ на возвращеніе въ Калаи-Хумбъ, гдѣ мы могли бы достать хотя бы чая и сахару, могутъ прійти какія либо свѣдѣнія о нашихъ войскахъ.

Мы рѣшили какъ можно медленнѣе отходить назадъ и на завтра назначили ночлегомъ кишлакъ Нижній Гумай, гдѣ надѣялись найти лепешекъ, или, по крайней мѣрѣ, муки. Дальнѣйшее направленіе пути лежало на амлякдарскій кишлакъ Джумарчъ, возлѣ котораго имѣлась болѣе безопасная гупсарная переправа на правый берегъ Пянджа. Это направленіе было выгодно еще и тѣмъ, что, будучи наиболѣе бойкимъ путемъ, давало больше свѣдѣній о Калаи-Вамарѣ и Ташъ-Курганѣ.

Впослѣдствіи оказалось, что Калаи-Вамаръ, недѣли двѣ спустя, былъ очищенъ афганцами и занятъ нашими отрядами, двигавшимися по Гунту и Шахъ-Дарѣ ¹⁾. Такимъ образомъ, мы поторопились прибытіемъ и по недостатку припасовъ и огромному количеству больныхъ не могли дожидаться своихъ, несмотря на то, что были всего въ двадцати верстахъ отъ цѣли какъ нашей, такъ и цѣли движенія шаджанцевъ (постъ Памирскій).

Но все это мы узнали совершенно случайно лишь послѣ прибытія партіи обратно въ Самаркандъ и только тогда поняли, какъ близки были мы къ отрядамъ генерала Ионова, и почему насъ не беспокоили афганскія войска. Только тогда стало намъ ясно, что положеніе афганцевъ на линіи Калаи-Вамаръ и Баръ-Пянджъ было въ высшей степени затруднительно, такъ какъ они находились въ пунктѣ, къ которому подвигались съ сѣверо-и юго-востока отряды памирскихъ войскъ и съ сѣверо-запада напса, показавшаяся имъ лишь авангардомъ болѣе значительныхъ силъ, команда. Имъ оставалось держаться въ Калаи-Вамарѣ столько, сколько можно было, чтобы не быть отрѣзанными отъ дороги обратно въ Бадахшанъ, и потомъ уйти что они, приблизительно двѣ недѣли спустя послѣ нашего ухода, и сдѣлали.

Обидно было то, что, находясь третьяго августа всего въ какихъ нибудь 90 верстахъ отъ передовыхъ частей нашихъ восточныхъ отрядовъ, мы не имѣли сколько нибудь вѣроятныхъ свѣдѣній объ этомъ. Не знали про наше присутствіе надъ самымъ Калаи-Вамаромъ и Шахдаринскій и Гунтскій отряды, слыша лишь отъ развѣдчиковъ, что изъ Дарваза съ сѣверо-запада подвигаются русскіе. Въ результатѣ всего этого было то, что мы, приложивъ столько силъ и преодолевъ массу природныхъ препятствій, своимъ движеніемъ принесли значительно меньшую пользу, чѣмъ та, которую можно было бы ожидать. Но какъ никакъ, а появленіе хотя бы и ничтожнаго отряда совершенно почти неожиданно въ тылу афганскихъ войскъ, конечно, не могло пройти для нихъ безслѣдно; кто знаетъ, что побудило ихъ такъ быстро очистить Калаи-Вамаръ, изъ котораго, при условіи отсутствія нашей команды въ Варфѣ, дорога черезъ переваль Бадамбучъ и вверхъ по рѣкѣ Тангъ-Шива въ Калаи-Гаронъ была совершенно свободна.

Весь остатокъ теплаго яснаго дня мы провели въ отдыхѣ и разговорахъ съ оказавшимся весьма интереснымъ старшиной всей округи, молодымъ, весьма развитымъ человѣкомъ. Онъ насъ поразилъ тѣмъ, что, увидя карту и спрося три-четыре названія, быстро ориентировался въ ней и началъ рассказывать къ ней подробности.

---

¹⁾ 30 іюля передовой отрядецъ нашихъ войскъ былъ уже у Рошъ-Кала, на Шахъ-Дарѣ, т.-е. въ 90 верстахъ отъ насъ, гдѣ онъ простоялъ задержанный афганцами до 6 августа. Мы, конечно, этого не знали.

Онъ такъ хорошо зналъ западный Памиръ, что, расчистивъ на площадкѣ песокъ, палочкой нарисовалъ направленія всѣхъ ущелій и рѣкъ и, великолѣпно ориентировавъ, понаставилъ камешки, называя кишлаки и лѣтовки. Получилась цѣлая карта мѣстности, совершенно сошедшаяся съ нашей десятиверстной.

Эта способность амлякдара удивила насъ, и мы невольно спросили, гдѣ онъ учился и почему такъ хорошо знаетъ мѣстность.

— Развѣ трудно сдѣлать это, видя мѣстность и зная восходъ солнца?—отвѣтилъ бухарець.

ХІІ.

Еще полдня четвертаго августа прождали мы въ Пятау въ надеждѣ узнать что либо и наконецъ, скрѣпя сердце, какъ говорится, не солоно хлебавши, двинулись на перевалъ Акбай-Рога (12.200 футовъ) и, благополучно переваливши его, къ вечеру пришли въ Нижній Гумай, то-есть были въ четырехъ верстахъ отъ первой нашей ночевки послѣ перевала Паткъ.

Мы старались всѣми силами задерживаться, гдѣ только возможно, и собирали всѣ входящія до насъ свѣдѣнія о движеніи нашихъ отрядовъ. Но, должно быть, не было суждено намъ соединиться съ шаджанцами, и мы все уходили и уходили отъ Калаи-Вамара, тогда какъ тѣ съ каждымъ днемъ къ нему приближались.

5-го августа выступили мы изъ Гумая черезъ перевалы Гумай и Бораси (каждый около 11.000 футовъ) и въ полдень прибыли въ амлякдарскій кишлакъ Джумарчъ, расположенный какъ разъ противъ впаденія въ Пянджъ его крупнаго притока — Ванча. Здѣсь послѣ цѣлой недѣли положительнаго голоданія мы полакомились чаемъ и великолѣпными краснотѣлыми джумарскими дынями.

Въ тотъ же день переправились мы на гупсарахъ черезъ Пянджъ на Калаи-Хумбскій берегъ, а восьмого, измученные и въ конецъ оборванные и больные, прибыли въ этотъ городъ. Положеніе наше ухудшилось еще тѣмъ, что въ командѣ появились больные, страдающіе какими-то сердечными припадками. Истомившіеся и изнервничавшіеся люди необычайно чутко относились ко всякимъ новымъ непріятностямъ, а эти непонятные припадки еще болѣе угнетали бѣдныхъ охотниковъ. Старшій Осинцевъ ежедневно чувствовалъ головокруженія, балагуръ Снѣдковъ былъ очень плохъ и въ одну ночь едва не отдалъ Богу душу, а бѣдняга Ежовъ былъ болѣе похожъ на тѣнь, чѣмъ на браваго пермяка-охотника; лихорадка изнуряла почти всѣхъ. Ждать новыхъ извѣстій и терять время было рискованно, и мы рѣшили уйти назадъ, тѣмъ болѣе, что въ Калаи-Хумбѣ никакихъ новыхъ извѣстій мы не ждали.

Грустно было отказаться отъ мечты соединиться съ памирцами, но дѣлать нечего. Мы рѣшили двинуться десятаго, но не прямо въ

Гиссаръ, а попытать пройти всей границей Афганистана по Пянджу и Аму, какъ съ цѣлю дать возможность истомившейся командѣ послѣ 900 верстѣ непрерывнаго похода по горнымъ трупобамъ отдохнуть на каюкахъ и набраться новыхъ силъ для новыхъ горныхъ хребтовъ, такъ и съ цѣлю возможно болѣе использовать наше движеніе—обслѣдовать всю приграничную Бухаро-Афганскую полосу.

Ночью Снѣдкову сдѣлалось очень плохо, съ нимъ случился какой-то непонятный припадокъ, во время котораго больной похолодѣлъ, пульсъ едва прощупывался, сердца не было слышно. На всѣ вопросы Снѣдковъ просто, глядя широко открытыми глазами, отвѣчалъ: «сердце болитъ и остановилось; видно, смерть пришла, ваше благородіе». Ни стона, ни жалобы не вырвалось у него за всю ночь, которую всѣ мы провели возлѣ него, растирая его то скипидаромъ, то суконками.

Къ утру больной заснулъ, и послѣ сна хотя и былъ необычайно слабъ, но могъ при помощи товарища сѣсть въ сѣдло и двинуться вмѣстѣ съ командой обратно въ Бухару.

Мы рѣшили направиться обратно въ Сагыръ-Даштъ, Тальбаръ и далѣе внизъ по Яхъ-су къ Саяту, гдѣ надѣялись достать каюкъ, на которомъ могли бы продолжать свое путешествіе по Пянджу и Аму до Сурхана или даже Келифа. Но при этомъ мы выбрали направление изъ Сагыръ-Дашта не на Сары-Даштъ, а на переваль Рогакъ съ тою цѣлю, чтобы съ него перейти, не спускаясь, на переваль Тальбаръ. Но въ виду того, что команда нуждалась болѣе всего въ отдыхѣ, мы были принуждены двигаться небольшими переходами, почему и распредѣлили свой маршрутъ такъ: кишлакъ Рабатъ, Сагыръ-Даштъ, Калаи-Хаджа на Яхъ-су, Сары-пуль и т. д. Такимъ образомъ, переходы до Рабата и до Сагыръ-Дашта были малы и могли хоть до нѣкоторой степени служить дневкой; такъ первый переходъ былъ всего восемнадцать верстѣ, а второй—тринадцать.

Здоровье и нервы охотниковъ до того развинтились, что даже твердый и разсудительный маленькій Харитоновъ, по приходѣ нашемъ въ Рабатъ, разрыдался и просилъ, въ случаѣ его смерти, не хоронить его здѣсь въ камняхъ, а принести въ Самаркандъ.

Пришлось бѣднаго чувашина, несмотря на всю любовь къ нему, поднять на смѣхъ за его мрачныя мысли. А тутъ еще, какъ нарочно, на утро, при подъемѣ на переваль Хобу-Рабатъ, намъ встрѣчался караванъ верблюдовъ, везшихъ покойниковъ.

Придя въ полдень въ Сагыръ-Даштъ, мы прежде всего должны были позаботиться о больныхъ; устроили цѣлый лазаретъ на террасѣ мечети, предоставленной намъ по заявленію Миръ-Ахура, который тоже заболѣлъ лихорадкой. Свалился и Н. Д.

Не стану описывать нашъ путь по Яхъ-су; теченіе этой рѣки и ея долина прекрасно обрисованы А. А. Семеновымъ въ «Истори-

ческомъ Вѣстникѣ», и къ его описанію врядъ ли что можно прибавить. Скажу лишь, что путь отъ Сагыръ-Дашта до Тальбара черезъ перевалы Рогакъ и Хазретъ-и-ша (оба около 11.500 футовъ) значительно выгоднѣе направленія на Сары-Даштъ потому, что приходится преодолевать одинъ лишь подъемъ отъ Килюмба на Рогакъ, а зато далѣе тропа вьется по самой холмистой вершинѣ хребта на перевалѣ Хазретъ-и-ша, и только подъ Тальбаромъ нужно нѣсколько спуститься внизъ и снова подняться. Всѣ горы въ этомъ мѣстѣ имѣютъ (по вершинамъ) холмистый характеръ и въ лощинахъ и ущельяхъ наполнены перелѣсками, рощами и цѣлыми лѣсами прекрасной арчи, достигающей 7—8 сажень, древовиднаго боярышника, березы и другихъ. Здѣсь мы распрощались съ послѣдними залежами снѣга и съ дождевыми облаками вплоть до самага Сангъ-Гардаккаго перевала.

Двѣнадцатаго мы прибыли въ Сары-пуль и на другой день выступили на югъ, въ плодородную долину Мумынабада.

Но тутъ не могу не припомнить довольно неприятнаго случая, бывшаго со мной въ большомъ амлякдарскомъ киплакѣ Дегресѣ, гдѣ мы остановились для большого привала, свидѣтельствующаго о томъ, что отношенія къ русскимъ въ южной долинѣ Яхъ-су не такъ великолѣпны, какъ того можно было сначала ожидать.

Мы были встрѣчены съ почтительностью и вниманіемъ; выѣхаль встрѣтить самъ амлякдаръ въ синемъ, жалованномъ русскими за ревностную службу, должать, халатъ; льстивыя слова, ласковые взоры, коими встрѣтилъ насъ этотъ рябой, съ неприятной физиономіей чиновникъ, были обычны и ничего особеннаго не предвѣщали. Мы отдохнули, весело поговорили и двинулись въ путь. Но тутъ на бѣднаго Макара, какъ говорится, всѣ шишки валяются, такъ случилось и со мной, если вспомнить происшествіе въ Джаръ-кишлакѣ, возлѣ Дюшамбе. Здѣсь въ Дегресѣ я отсталъ отъ команды, чтобы осмотрѣть мѣсто привала, съ цѣлью удостовѣриться, все ли взято. И вотъ, когда я только тронулъ своего вороного въ догонку скрывшейся команды, подъ ноги лошади покатился здоровый камень, пущенный изъ-за дувала съ отборными мусульманскими ругательствами. Едва я обернулся, какъ второй попалъ по крупу лошади; его пустилъ тотъ самый амлякдаръ, который десять минутъ тому назадъ такъ униженно угощалъ насъ и только минуты двѣ тому назадъ жалъ намъ руку съ благими пожеланіями и благословеніями Аллаха.

Я оглянулся; команда уже скрылась за поворотомъ холма; въ толпѣ былъ слышенъ насмѣшливый смѣхъ; приготовлялись еще камни. Видя, что быть скандалу, я круто повернулъ лошадь на амлякдара и, что называется, не моргнувъ глазомъ, спросилъ, не видѣлъ ли онъ ножа, который я потерялъ тутъ. Хитрое лицо чиновника выразило испугъ, онъ побагровѣлъ и затѣмъ поблѣднѣлъ;

я ясно видѣлъ, какъ онъ за своей спиной выпустилъ изъ руки камень. Запинаясь, онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ ничего не видѣлъ, что все осмотрѣлъ, что пропасть ничего не можетъ и т. д. Конечно, я не искалъ никакого ножа, я нарочно еще объѣхалъ площадку, гдѣ только что стояли охотники, и нарочно вглядывался въ непредвѣщающія ничего хорошаго фizioноміи туземцевъ. У каждаго были припасены камни; я какъ будто бы не замѣчалъ. Наконецъ, повернулъ лошадь къ выходу и получилъ опять камень по крупу; послѣ этого я уже не сталъ медлить, а, обернувшись и замѣтивъ снова спрятавшася вдругъ за дуваль амлякдара, далъ лошади рыси и, догнавъ черезъ полчаса команду, подѣлился всѣмъ съ Н. Д.

Я былъ возмущенъ поступкомъ амлякдара, но еще болѣе возмущился Н. Д. Мы рѣшили потребовать отъ кулябскаго бека объясненій по этому поводу. Придя въ Мумынабадъ, въ которомъ амлякдарствовалъ сынъ бека, мы тотчасъ же потребовали Миръ-Ахура и, объяснивъ ему происшедшее, впервые высказали свое неудовольствие за его непредусмотрительность, поведшую къ явному и крупному недоразумѣнію въ Дегресѣ. Юный управитель дивной плодородной Мумынабадской долины и Миръ-Ахуръ перетрусили порядочно; тотчасъ же поскакали гонцы въ Дегресъ и Кулябъ. Оставить виновнаго безъ наказанія мы не считали возможнымъ, такъ какъ въ будущемъ повтореніе подобныхъ случаевъ могло повести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ.

Утромъ четырнадцатаго мы выступили изъ Мумынабада въ сопровожденіи самого амлякдара. Красивый юноша видимо жилъ въ свое исключительное удовольствіе; онъ, желая очевидно щегольнуть передъ нами, весь вечеръ и все утро выходилъ на террасу то въ лисьемъ, то въ барсуковомъ халатахъ, въ шелковыхъ рубашкахъ и т. п. Въмѣсто солдатъ въ караульномъ домѣ подъ входными воротами его помѣщенія сидѣло десятка два бравыхъ халатниковъ, вооруженныхъ пашками и ножами; тутъ же стояли стойки съ прекрасными соколами и кречетами, къ угламъ прислонены фитильныя, сошниковыя и кремневыя ружья въ удивительной исправности. Картинка была прямо средневѣковая Московскаго царства.

Я спросилъ, часто ли амлякдаръ охотится. Онъ съ веселой дѣтской улыбкой сталъ рассказывать, что онъ все время проводитъ въ соколиной охотѣ, что во всей Мумынабадской долинѣ охота великолѣпная, и живетъ хорошо.

И дѣйствительно, выѣхавъ изъ садовъ, мы увидѣли обширную котловину, ограниченную кругомъ желтыми холмистыми горами, пестрящую сплошной зеленью тщательно обработанныхъ полей съ расквашивающими по нимъ аистами, и тѣснящаяся другъ къ другу шапки садовъ. Это былъ положительно маленькій рай, и старый бекъ не даромъ далъ Мумынабадъ въ управленіе своему сыну.

Въ Кулябѣ мы были встрѣчены предупредительно и не безъ страха; очевидно, исторія въ Дегресѣ стала уже извѣстна беку. Размѣстившись въ большомъ домѣ въ два свѣта, расположенномъ въ дивномъ бековскомъ саду, мы оставили официальную сторону назавтра, такъ какъ рѣшили устроить дневку.

Зная со словъ чиновниковъ гиссарскаго кушъ-беги, что въ Кулябѣ бекствуетъ родственникъ эмира, мы не преминули объ этомъ упомянуть здѣсь. Но оказалось, что хитрые чиновники хотѣли чрезъ насъ только подтрунить надъ бѣднымъ старикомъ; къ счастью, ихъ замыселъ открылся, благодаря предусмотрительности Подмоковнаго, вошедшаго въ дружбу съ кулябскимъ курбаши. Оказалось слѣдующее.

Въ Кулябѣ править (я говорю про описываемый мною 1894 годъ) восьмидесятилѣтній больной чудакъ Абдуль-Керимъ-бекъ-бій-дотъ-ха. Исторія его родства съ эмиромъ весьма печальна. Онъ уже лѣтъ пять правилъ бекствомъ благополучно, когда эмиръ по установившемуся у него обычаю подарилъ беку одну изъ своихъ ставшую ненужной женъ. Официально это считается большою честью въ благородной Бухарѣ, но фактически является тяжелой обязанностью для счастливецъ, такъ какъ женъ молодыхъ и красивыхъ эмиръ обыкновенно не даритъ, это—во-первыхъ; во-вторыхъ, бекъ попросту обращаться съ новой своей подругой жизни не можетъ, ибо его за это не похвалятъ, кромѣ того, во дворѣ является лицо, могущее всегда доносить обо всемъ въ Бухару; главное же то, что счастливый молодеженъ обязанъ отдарить эмира такъ, чтобы этотъ послѣдній считалъ себя вполне вознагражденнымъ и не вспоминалъ бы о столь дорогой утратѣ. А это ложится чрезвычайнымъ бременемъ не только на населеніе, но даже и на карманъ бека. Получивъ такимъ образомъ въ подруги жизни столь высокую особу, старый бекъ былъ необычайно польщенъ и зажилъ даже счастливо, гордясь оказанной ему честью, какъ вдругъ страслась бѣда.

Черезъ Кулябъ проѣзжалъ кто-то изъ нашихъ русскихъ путешественниковъ, который не преминулъ посѣтить почтеннаго бека. Бекъ встрѣтилъ его весьма радушно и въ разговорѣ не смогъ удержать своего удовлетвореннаго честолюбія и сказалъ, что онъ родственникъ самого эмира. Путешественникъ записалъ это въ свою тетрадь и при изданіи трудовъ по путешествію помѣстилъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ и это свѣдѣніе. Эмиръ, какъ извѣстно, просматриваетъ нѣкоторые, въ особенности военные журналы (онъ хорошо грамотенъ по-русски) и или самъ наткнулся на эту замѣтку или ему доложилъ кто нибудь изъ доброжелателей бѣднаго бека, но, однимъ словомъ, узналъ и пришелъ въ гнѣвъ за оскорбленное свое достоинство. Результатомъ было то, что несчастнаго бека привезли въ Бухару и всенародно дали нѣсколько сотъ ударовъ палкой въ назиданіе всѣмъ правовѣрнымъ. «Съ тѣхъ поръ у

него умъ кончалъ, а голову онъ платкомъ сталъ повязывать», закончилъ біографію своего господина курбаши.

Другими словами, несчастнаго старика били за оскорбленіе своего сюзерена до тѣхъ поръ, пока тотъ не потерялъ разсудка. Справедливость, однако, не позволила лишить его ума и бекства, и потому послѣднее великодушно было ему оставлено.

Мы поняли, что о родствѣ бека съ эмиромъ въ Кулябѣ говорить не придется.

На другой день утромъ мы отправились къ нему съ визитомъ. Это оказался совершенно старый, дѣйствительно повязанный платкомъ, который виднѣлся изъ-подъ чалмы, человѣкъ съ добродушнымъ лицомъ, беззубымъ ртомъ и наполовину согнутой спиной. Въ его приемной комнатѣ во всѣхъ стѣнахъ были понадѣланы ниши, и въ нихъ густою толпою стояли бутылки, баночки и скляночки съ какими-то таинственными жидкостями. Мы были приняты необычайно радушно и видимо заискивающе просто. О случаѣ въ Дегресѣ старикъ говорилъ съ видимой боязнью и закончилъ свои извиненія тѣмъ, что сообщилъ, что приказъ о смѣщеніи виновнаго амлякдара уже посланъ, и сей послѣдній сегодня же будетъ привезенъ сюда.

— Я прикажу его привести къ вамъ, и вы дѣлайте съ нимъ, что хотите, онъ вашъ рабъ и слуга; хотите—убейте его, зарѣжьте, хотите—возьмите себѣ въ самыя низкія и грязныя слуги,—закончилъ бекъ.

Мы, разумѣется, стали возражать противъ этого, говоря, что, конечно, поступокъ неумнаго и неразвитаго человѣка, какимъ де является дегресскій амлякдаръ, насъ не обидѣлъ, а лишь огорчилъ; но что изъ опасенія, какъ бы подобные случаи не повели въ дальнѣйшемъ къ недоразумѣніямъ между дружественными государствами,—мы и сообщили беку объ этомъ случаѣ.

Наговоривъ другъ другу кисло-сладкихъ словъ, мы просили въ концѣ концовъ самого бека взыскать съ виновнаго амлякдара, избавивъ насъ отъ этой обязанности.

Послѣ официальной части разговора бекъ повелъ насъ по своимъ владѣніямъ, съ большимъ знаніемъ дѣла рассказывая и показывая въ его великолѣпномъ саду различныя породы плодовыхъ деревьевъ. Наконецъ, въ концѣ нашего подневольнаго болѣе чѣмъ часового визита, онъ подвелъ насъ, очевидно, къ самому любимому имъ дѣлу—баночкамъ и скляночкамъ, стоявшимъ въ нишахъ. Это оказались всевозможные экстракты различныхъ плодовъ, какимъ-то особеннымъ образомъ приготовляемые самимъ бекомъ и имѣющіе, конечно, каждый свою особую чудодѣйственную силу. То была цѣлая аптека темно-красныхъ, желтыхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ настоекъ, завязанныхъ тряпочками, съ наклеенными ярлыками съ мусульманскими надписями.

Старый бекъ съ такою любовью рассказывалъ намъ про чудодѣйственную силу каждой настойки, такъ любовно смотрѣлъ на каждую банку, что видно было, что всѣ кишлаки его бекства не стоятъ и половины содержимаго каждой банки.

Лукавый курбаши (полицеймейстеры должны непремѣнно обладать этимъ свойствомъ), сопровождавшій согбеннаго бека, что-то таинственно продѣлывалъ за его и нашими спинами, отъ чего окружавшіе чиновники едва удерживались отъ смѣха. Но какъ только добродушное старческое лицо губернатора поворачивалось въ его сторону, фізіономія этого бюрократическаго порядочнаго моментально принимала олицетвореніе подобострастія и вниманія. Лица другихъ чиновниковъ имѣли покорно снисходительный видъ; очевидно, имъ давно уже была извѣстна чудодѣйственная сила каждого изъ показываемыхъ нектаровъ.

Бѣдный бекъ, должно быть, послѣ рокового родства съ эмиромъ рѣшилъ, что лучший другъ человѣка, особенно въ его возрастѣ и положеніи, есть уничтожающія недуги зелія.

Въ общемъ же этотъ старецъ произвелъ на насъ необычайно симпатичное, хорошее впечатлѣніе человѣка, отжившаго и махнувшего рукой на все, что не касается его больной спины и головы.

Тотчасъ же послѣ того, какъ мы возвратились къ себѣ, пришелъ съ отвѣтнымъ визитомъ къ намъ бекъ со всѣмъ своимъ штатомъ, и опять началась бесѣда о наливкахъ и настойкахъ.

Узнавъ, что у насъ есть солдатъ (Ежовъ), который болѣетъ вотъ уже почти мѣсяцъ, бекъ внимательно спросилъ его черезъ Подмосковнаго и тотчасъ же послалъ одного изъ своихъ челядинцевъ; тотъ скоро вернулся съ двумя вещами: картонкой, въ которой оказалось полдюжины хорошихъ приемовъ касторки въ капсулахъ, подаренной беку какимъ-то проѣзжавшимъ въ прошломъ году генераломъ; другая же была черно-желтая айвовая настойка, по увѣренію бека долженствующая спасти Ежова отъ болѣзни (у него была одышка съ головокруженіемъ и абсолютный отказъ желудка).

Бекъ такъ убѣждалъ насъ попробовать его аптеки, что мы поддались его совѣтамъ и, къ своему удивленію и радости, вскорѣ же, черезъ нѣсколько часовъ убѣдились, что больному стало замѣтно лучше. Бекъ былъ въ восторгѣ, мы—тѣмъ болѣе. Но, цѣня свое лѣкарство, бекъ не далъ намъ всего, а отлилъ приема на четыре, т.-е. на два дня, а остальное спряталъ. Онъ увѣрялъ насъ, что болѣзнь Ежова есть часто случающееся съ равнинными жителями, попавшими въ горы, заболѣваніе.

— Только одного лѣкарства не знаю, — съ грустью сказалъ сановникъ, — это отъ боли въ спинѣ и головѣ.

При этихъ словахъ стоявшій сзади курбаши подмигнулъ своему сосѣду; тотъ лукаво ухмыльнулся въ бороду.

Мнѣ стало необычайно жалко этого бѣднаго старика, окруженнаго со всѣми своими снадобьями людьми, ежеминутно потѣшающимися надъ нимъ, благо онъ былъ незлобивъ и безобиденъ.

Два года спустя, я узналъ отъ того же Миръ-Ахура, съ которымъ случайно встрѣтился въ Керкахъ, что старикъ-бекъ умеръ въ томъ же кулябѣ. При этомъ Миръ-Ахуръ снисходительно улыбнулся, но не преминулъ добавить: «Хорошій, добрый человекъ былъ онъ, жителей не обижалъ, богатства не скопилъ—не умѣлъ. Вотъ только голова у него плохая была».

Даже и по смерти его сослуживцы его не могли оставить его въ покоѣ и простить ему самаго ужаснаго непоправимаго для бухарца грѣха — гнѣва своего повелителя.

Умеръ и многострадальный Ежовъ; настойка покойнаго бека помогла бы ему, если бы ей было болѣе, чѣмъ на два дня. Пока ей оставалось хоть нѣсколько капель, даваемыхъ больному утромъ и вечеромъ передъ ѣдой, его здоровье замѣтно поправлялось; но кончилась настойка, и снова болѣзнь стала брать перевѣсъ. Но все же мы успѣли Ежова привезти въ Самаркандъ, гдѣ онъ вскорѣ по прибытіи и скончался.

Вечеромъ къ намъ привели подъ конвоемъ трясущагося отъ страха дегресскаго амлякдара. Онъ въ ужасѣ не спускалъ съ меня глазъ. Чиновники безмолвно стояли и ждали, что будетъ. Начались увѣренія въ томъ, что ничего подобнаго, о чемъ я заявилъ, не было.

Н. Д., какъ старшій, возвысилъ голосъ и порекомендовалъ быть скромнѣе.

Тотъ смолкъ, покорно сказавъ обычное «хопъ».

— Русскіе за зло зломъ не отвѣчаютъ; они ударомъ платятъ за ударъ, когда врагъ дерется явно и мужественно, — сказалъ Н. Д.; при этомъ лицо амлякдара какъ-то сморщилось, и весь онъ съежился, словно ожидая этого удара.

— Бекъ отдалъ тебя въ наше полное распоряженіе, — продолжалъ онъ:—мой товарищъ, котораго ты такъ учтиво проводилъ, благодарить тебя за вниманіе и вѣжливость и за истинное исполненіе закона Магомета относительно путниковъ и гостей...

Непредвѣщающій ничего добраго бѣдному амлякдару ропотъ пронесся въ толпѣ бухарцевъ; тотъ еще болѣе съежился.

— Ты говоришь, что ты проводилъ учтиво и по-дружески насъ мой товарищъ и я благодаримъ тебя за то и въ знакъ того, что мы, русскіе, не помнимъ зла, не видимъ его, когда его показываютъ потихоньку... поди сюда.

Тотъ подошелъ.

— Подмосковный, держи ему полу халата... Осинцевъ, давай сюда...

Опѣшившему амлякдару дали въ руку полу его же халата, и Осинцевъ ловко всыпалъ туда нѣсколько десятковъ тенегъ (бухарская серебряная монета; тогда цѣнилась по 21 копейкѣ).

— Это тебѣ въ благодарность за услуги; надѣюсь, не мало? А теперь ступай, ты совершенно свободенъ, служи, гдѣ и какъ хочешь, мы на тебя не сердимся.

Комедія была сыграна. Но того фурора, какой она произвела, мы совершенно не ожидали.

Заволновались всѣ. Амлякдаръ сразу оказался публичнымъ неисполнителемъ закона Магомета и послушникомъ воли эмира. Бѣлыхъ преступленій въ Бухарѣ нельзя сыскать. Убить сто человѣкъ — меньшій грѣхъ, нежели показаться толпѣ несоблюдающимъ важнѣйшія сурь Корана. И амлякдаръ, и присутствующіе чиновники поняли это; Миръ-Ахуръ заволновался больше всѣхъ. Побѣждали къ беку просить его заступничества и просьбы взять назадъ деньги, данныя публично за оказанное даже не на счетъ хозяина, а на счетъ эмира, гостепріимство.

Амлякдаръ плакалъ неподдѣльными слезами и просилъ съ трясущеюся нижней губой прощенія въ своемъ безразсудномъ поступкѣ.

Миръ-Ахуръ упрашивалъ взять деньги назадъ и твердилъ, что эмиръ, если узнаетъ это, необычайно разгнѣвается на и безъ того опального бека, а амлякдара навѣрное уже прикажетъ посадить въ клоповникъ.

— Зарѣжьте лучше меня сейчасъ!—вырвалось наконецъ у дегресса.

Шуму было уже достаточно, впечатлѣнія тоже, и мы рѣшили снязойти. Вѣрно было Осинцеву всѣ эти деньги взять обратно у амлякдара и сейчасъ же раздать мальчикамъ и бѣднымъ, что и было торжественно исполнено въ присутствіи всей челяди.

Проученный амлякдаръ былъ отпущенъ на всѣ четыре стороны. Но, конечно, бекъ его задержалъ у себя и, какъ впоследствии дѣйствительно оказалось, отобралъ у него амлякдарство.

На утро же при прощаніи бекъ очень благодарилъ насъ за то, что мы такъ кончили всю эту печальную исторію, и далъ понять, что, въ случаѣ, если бы мы настояли на своемъ, то ему была бы изъ Бухары крупная неприятность. При этомъ курбаши не преминулъ шепнуть Миръ-Ахуру, что, благодаря этому, много лишнихъ тысячъ тенегъ осталось въ карманѣ у стараго бека, а не перешло въ шелковые пояса сановниковъ повелителя Бухары.

Мы дружески, какъ будто ничего не случилось, распрощались и двинулись въ далекій путь—въ Саятъ, гдѣ надѣялись достать каюкъ. Этотъ переходъ въ сорокъ верстъ по накаленной солнцемъ долинѣ Яхъ-су сдѣлали мы легко и къ вечеру были уже въ чащѣ двухсаженныхъ Саятскихъ камышей. Мѣсто сліянія Яхъ-су и Кы-

зыль-су, на которой вверху стоитъ Бальджуанъ, мы прошли незамѣченнымъ и увидѣли Кызыль-су уже только по выходѣ изъ Саята.

Такимъ образомъ, изъ царства горныхъ высей и снѣговъ мы очутились въ царствѣ воды, камышей и прирѣчныхъ тугаевъ съ безконечными солончаковыми степями и пустырями, подъ тропическимъ шестидесяти-градуснымъ зноемъ. Но втянутой, тренированной на безконечныхъ многотысячныхъ перевалахъ командѣ сорокаверстные переходы, хотя и въ душно-знойной атмосферѣ прирѣчнаго парного воздуха, по ровной плоскости степей и низинъ были равны вымаханному церемоніальному маршу. Мы въ ногу, съ веселыми лицами, гулко шагали по чистому такыру или среди камышей и богатѣйшихъ зарослей. Тучные фазаны выпархивали изъ-подъ ногъ, мелкіе туркестанскіе зайцы во всѣхъ направленіяхъ удирали, спугнутые со своихъ лежекъ, потѣшая охотниковъ прыжками и сальтами. По ночамъ завывали сотни шакаловъ, слышался ревъ барсовъ, тяжелая поступь кабаньихъ стадъ.

Въ Саятѣ мы только переночевали. Не найдя тамъ желанныхъ каюковъ, мы оставили лихорадочный, заросшій гигантскою травой, камышами и деревьями кишлакъ, на первый взглядъ скорѣе похожій на какое нибудь папуасское селеніе, чѣмъ на туркестанскій населенный пунктъ, и семнадцатаго двинулись ниже, въ Сарай; но такъ какъ до него насчитывалось 65 верстъ, то мы и рѣшили, не надрывая даромъ силъ, сдѣлать этотъ переходъ въ два дня—до родника Таллы (около 50 верстъ), и затѣмъ въ Сарай. По пути мы перешли въ бродъ красивую Кызыль-су, при чемъ вода доходила пѣшеходамъ до мышекъ; затѣмъ втянулись въ глинистый холмистый хребетъ Кара-тау, подъ переваломъ покрытый прекрасными фисташковыми рощами; взяли два его перевала—Даштъ-гузаръ (3.700 ф.) и Сангъ-туда (около 4.500 ф.), и заночевали на солоноватомъ колдцѣ Таллы. А къ полудню слѣдующаго дня спустились въ самый Сарай.

Въ Сараѣ мы встрѣтились съ первыми слѣдами цивилизаціи—намъ торжественно была поднесена амлякдаромъ бутылка совершенно испортившагося отъ времени лимонада. Вторымъ явленіемъ, поразившимъ насъ еще болѣе этой бутылки лимонада, былъ приходъ депутаціи отъ населенія Сарая, просившей принять ихъ и ихъ семейства въ подданство Бѣлаго Царя.

Большихъ трудовъ стоило намъ урезонить старшинъ и стариковъ и разъяснить имъ, что мы не можемъ помочь ихъ горю. Много слышали мы про притѣсненія и несправедливости бухарскихъ властей, про ихъ поборы и даже жестокости. На мой вопросъ, почему жители, имѣя арыки, воду и участки отличной могощей быть воздѣланной земли, запускаютъ свои поля и огороды и довольствуются крошечнымъ клочкомъ засѣянной и поднятой

подъ злаки и дыни земли, я получилъ короткій, апатичный отвѣтъ:

— Зачѣмъ намъ работать? Чтобы нашими трудами наживались чиновники? Все равно они все заберутъ себѣ подъ видомъ разныхъ податей и оставятъ только столько, сколько необходимо семейству, чтобы просуществовать кое-какъ до слѣдующаго года. Такъ лучше мы не будемъ ничего дѣлать и жить впроголодь, чѣмъ и работать и тоже ничего не получать. Хоть халаты будутъ цѣльнѣе.

Насчетъ каюковъ намъ положительно не везло; оказалось, что и въ Сараѣ ихъ нѣтъ ни одного; амлякдаръ же убѣждалъ, что достать ихъ можно лишь въ Кабадіанѣ, большомъ бекскомъ городѣ на Кафирниганъ-Дарѣѣ. Поэтому, желая дать командѣ возможно скорѣйшій отдыхъ, мы рѣшили не засиживаться долго въ Сараѣ, а лучше скорѣе передвинуться въ Кабадіанъ. Мы только не удержались, чтобы не побаловать команду охотой на кабановъ, благо къ намъ пришли хозяева бахчей съ просьбой отвести этихъ животныхъ отъ ихъ полей. При этомъ туземцы рассказали, что кабаны, собираясь въ стада цѣлыми сотнями, направляются изъ рѣчныхъ тугаевъ на бахчи во время заката и возвращаются обратно на острова къ разсвѣту; при этомъ животныя двигаются такой массой, что совершенно не боятся одиночныхъ людей и даже выстрѣловъ.

Мы собрали желающихъ охотниковъ и къ назначенному часу пошли на бахчи, вверхъ по берегу рѣки, но опоздали; солнце уже сѣло, когда пришли мы на бахчи, которыя должны были защитить отъ нашествія четвероногой арміи, которая, какъ оказалось, уже прошла въ глубь берега.

Зато глазамъ нашимъ представилась яркая картина опустошенія, произведеннаго кабанамі: пятидесятисаженной ширины полоса дынныхъ и арбузныхъ бахчей была положительно уничтожена этими животными. Не было цѣлаго кустика растенія, оставшагося непотоптаннымъ, невырваннымъ и неизмятымъ. Спѣлые и неспѣлые арбузы и дыни валялись сорванными, расколотыми и обгрызанными. За полчаса передъ тѣмъ бывшія тучными бахчи теперь были совершенно уничтожены и потоптаны тысячами двукопытныхъ ногъ. Узбеки—хозяева полей—съ грустью стояли посреди и нехотя объясняли намъ, что безпощадный непріятель уже прошелъ, и что теперь кабаны разбрелись далеко по арыкамъ, и что надо ждать ихъ возвращенія, которое навѣрное будетъ совершенно другой дорогой.

Охотники погоревали, и мы вернулись на становище, а къ вечеру слѣдующаго дня были уже въ 17 верстахъ отъ Сарая, въ урочищѣ Турпы, откуда въ ночь съ 19-го на 20-е августа конно совершили переѣздъ по нагорной безводной степи въ 65 верстъ до переправы Джиликкулъ на Вахшѣ.

Здѣсь мы снова встрѣтились съ могучей рѣкой, которую пришлось намъ переходить по плохонькому мостику у Нурека, и поразились разницей, какая оказалась между Вахшемъ у этого киплака и въ Джиликулѣ. Тамъ это былъ могучій горный потокъ, неудержимо несущійся между сдавившими его громадами и потрясающій ударами своихъ волнъ мощныя береговыя скалы; здѣсь же текла широкая островная спокойная, но еще болѣе мощная рѣка въ берегахъ, покрытыхъ непроходимыми камышами и тугаями. Туркменскія кочевки привольно вразбродъ раскидались своими кибитками и высокими четырехугольными башнями съ высокими, исполняющими обязанности крѣпостныхъ, стѣнами. Горы хотя и подступаютъ къ рѣкѣ справа, но невысоки и холмисты. Видно, что здѣсь начинается господство степной шири.

И узбеки выглядятъ болѣе свободными и довольными; въ ихъ жилахъ еще не охладѣла кровь степныхъ бродягъ, и они кажутся съ виду болѣе гордыми и увѣренными, нежели забившіеся въ горныхъ трупцобахъ таджики.

26 вечеромъ мы заночевали въ тугаяхъ Патта-Гиссара, у самого впаденія Сурхана въ Аму, а 27 утромъ были уже на развалинахъ древняго Термеза.

Не стану здѣсь описывать остатка этого вѣкового, нѣкогда едва ли не самого крупнаго въ долинѣ Оксуса, города. Желаящіе и интересующіеся стариной нашего Туркестана могутъ обратиться къ труду г. Пославскаго, къ его небольшой статьѣ «О развалинахъ Термеза», и, въ смыслѣ географіи края въ періодъ мусульманскаго господства, къ капитальному труду г. Бартольда—«Туркестанъ въ эпоху мусульманскаго владычества». Наконецъ, въ смыслѣ ознакомленія съ остатками и развалинами города и съ полной картиной всего его плана, много потрудился военный инженеръ, подполковникъ Кастальскій, къ сожалѣнію, не выпустившій въ свѣтъ своихъ трудовъ о Термезѣ¹⁾. Прилагаю здѣсь лишь схематическій планъ части развалинъ, принадлежащихъ, надо полагать, къ тому Термезу, который былъ разрушенъ Чингизомъ, такъ какъ послѣ него Термезъ былъ восстановленъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега Аму, при чемъ замѣчаніе г. Бартольда о томъ, что по Ибнъ-Хадхалу рѣка Сурханъ впадала ниже города, можно отнести къ слѣдамъ глубокаго и весьма широкаго арыка, остатки котораго и теперь видны ниже мечети Хакима Термези, и который можно принять за рукавъ рѣки.

Болѣе близко познакомился я съ развалинами этого когда-то знаменитаго города въ послѣдствіи, въ 1895—1896 гг.; въ описываемый

¹⁾ Краткая историческая справка имѣется въ «Изборникѣ Развѣдчика» за (1898 годъ, кн. IX, въ моемъ очеркѣ «Долина рѣки Сурхана», гдѣ помѣщенъ и рисунокъ главной мечети съ мраморнымъ намогильникомъ.

же мною походъ мы могли лишь бѣгло обойти наиболѣе сохранившіяся группы уцѣлѣвшихъ построекъ и нанести ихъ на планшетъ, такъ какъ стремленіе захватить незанесеннымъ снѣгомъ переваль Лянгары-Марданъ, по которому намъ предлагалось вернуться въ Самаркандъ, заставляло насъ даже на обратномъ пути изъ-подъ Калаи-Вамара дорожить каждымъ днемъ. Поэтому мы 27-го, послѣ полудня отплыли въ дальнѣйшій путь и уже не въ Чушка-Гузаръ, а ради спрямленія пути въ Кую-шуръ-объ, куда и прибыли вечеромъ того же 27 августа.

Здѣсь мы простились съ каюкомъ и, навьючивъ свои пожитки на взятыхъ отъ населенія лошадей, 28-го, рано утромъ двинулись въ путь на Ширабадъ, гдѣ рассчитывали застать вышедшими у насъ продуктами. Сдѣлавъ 38 верстъ степью, гдѣ не встрѣтили ни одного кустика, подъ жгучими лучами солнца, мы къ вечеру прибыли въ Ширабадъ и оборванные, голодные и усталые размѣстились въ прекрасномъ большомъ саду, расположенномъ на самомъ берегу солончатой Ширабадъ-Дарьи, какъ разъ противъ бековской «кады».

Мы были до того оборваны и грязны, что я, напримѣръ, не могъ поѣхать съ визитомъ къ беку, отговорившись лихорадкой, по той причинѣ, что мнѣ неловко было надѣть свое платье; до того оно было изорвано и перештопано неумѣлыми руками охотниковъ.

Сдѣлавъ дневку и запасшись всѣмъ необходимымъ, а главное отдохнувъ, мы двинулись далѣе на Сурханъ, въ Кокаиты, гдѣ ожидали наши благополучно прибывшіе туда коноводы. Пройдя еще 54 версты въ одинъ день, мы тридцатаго вечеромъ уже переправлялись въ бродъ черезъ широкіе и глубокіе рукава Сурхана подъ глинистыми обрывами берега, на которомъ расположены Кокаиты. Зеленые залитыя водой поля Ширабадскаго оазиса, прекрасные пригородные сады, голая желтая степь, наконецъ, холмы Кызыль-кумъ, пески, низина благодатнаго Сурхана—все это мелькнуло мимо насъ, какъ во снѣ; помнилось только, какъ томила всѣхъ жажда на перегонѣ до Кызыль-кума, какъ всѣ ждали ручейка Гилямъ-бага, который, какъ потомъ оказалось, былъ ничтожнымъ пересохшимъ арыкомъ съ гнилой соленой водой; наконецъ, осталось въ памяти, какъ томимые жаждой, не пивши съ самаго ранняго утра, мы, измученные и изнуренные, уже послѣ захода солнца плелись черезъ пески Патта-кумы и наконецъ какъ изъ послѣднихъ силъ прибавили шагу, завидя темнѣющую въ наступающей ночи шанку садовъ Чардынъ-багъ.

Но за ночь все недоспавшее выспалось, все жаждущее напилось, силы возстановились.

4 сентября мы уже вступали въ Денау, бывшую столицу Саганіана (ханство по теченію Сурхана), и очутились ровно почти черезъ два мѣсяца въ 30 верстахъ отъ Сары-Джуя, въ который мы

такъ стремились попасть изъ долины Зеравшана. Но на этотъ разъ мы не пошли въ этотъ городокъ, а взявъ, влѣво, втянулись въ ущелье Сангъ-Гардакъ-Дарьи, изслѣдовать которое было нашей послѣдней задачей.

Послѣ дневки мы оставили многолюдный Денау съ его громадными медресе и мечетями, весьма близко подходящими къ самаркандскимъ, и направились въ ущелье. Въ четыре дня мы прошли весь Сангъ-Гардакъ, наслаждаясь дивными картинами этого участка разбившагося Гиссарскаго кряжа, въ которомъ еще остались богатые арчевые лѣса и тучныя пастбища. Утромъ девятого мы не безъ напряженія перевалили двѣнадцати-тысячный снѣжный перевалъ Лянгары-Марданъ и спустились въ городокъ Ташъ-Курганъ Шахризязбскаго бекства. Оттуда снова потянулись по направленію къ Шаару, куда и прибыли одиннадцатаго августа. Въ древней столицѣ Тимура насъ угостили пляской бачей и великолѣпными туземными цельменями.

Утромъ слѣдующаго дня мы выступили къ перевалу Тахта-Карача въ Самаркандскомъ хребтѣ, отдѣляющемъ отъ насъ долину Самарканда.

Мы шли широкими улицами Шааршауза, его громаднымъ базаромъ, мимо крѣпости, гдѣ гордо высились обнаженные, когда-то великолѣпныя развалины медресе Тамерлана. Прелестные изразцы ярко блестѣли на солнцѣ; было чудное полуосеннее теплое утро.

Миновавъ городъ, мы вышли на большую дорогу, соединяющую Шааръ съ Китабомъ. При видѣ желтыхъ зубчатыхъ стѣнъ послѣдняго, выглядывающихъ изъ густой зелени садовъ, какъ-то невольно сжимается сердце и въ головѣ встаютъ кровавыя картины недавняго прошлаго, въ которомъ пришлось играть роль и нашимъ все переносящимъ туркестанскимъ войскамъ.

Здѣсь, на этой самой дорогѣ, гдѣ мы теперь такъ безопасно идемъ, сопровождаемые толпой разодѣтыхъ туземцевъ, двадцать четыре года тому назадъ, какъ разъ почти въ это время, кипѣлъ бой между двумя ослабленными болѣзнями линейными баталіонами и восьмитысячнымъ отчаяннымъ и храбрымъ непріателемъ. Здѣсь завершилась кровавая эпопея, произошелъ послѣдній бой нашихъ войскъ съ Бухарою, правда, помимо собственной ея воли.

Эпизодъ ваятія сильнаго Китаба у въ семь разъ сильнѣйшаго непріателя девятью ротами 3 и 9 линейныхъ баталіоновъ всемъ извѣстенъ, чтобы его повторять; извѣстно также и то, что первый штурмъ крѣпости со стороны трехъ ротъ девятого баталіона былъ отбитъ такъ же быстро и рѣшительно, какъ быстро и смѣло побѣждали роты на приступъ трехсаженной крѣпостной стѣны, усѣянной храбрыми защитниками, среди бѣла дня. Конечно, какъ ни были безумно храбры старые испытанные линейцы, привыкшіе

еще со временъ Екатерины, съ пугачевщины спокойно смотрѣть на смерть, но то, что невозможно, невозможнымъ и останется. Одна картина того, что дѣлалось во рву подъ стѣною, когда въ нѣсколько минутъ словно срѣзало 90 сильныхъ солдатъ и ранило и перебило почти всѣхъ офицеровъ, отъ начальни а отряда до самаго молодого прапорщика ¹⁾, уже говорить сама за себя, особенно если вспомнить, что вся штурмующая колонна со всѣми ея резервами едва достигла 350 человекъ.

Понятно, почему раненый въ животъ генеральъ Абрамовъ, человекъ, прошедшій самую суровую боевую школу, былъ такъ ошеломленъ этой неудачей, что впервые усомнился въ успѣхѣ предприятия, но въ слѣдующую же ночь крѣпость была уже въ нашихъ рукахъ.

Могилы, гдѣ погребены были павшіе герои послѣ жаркаго штурма, мы найти не могли, не могли указать намъ ея и сопровождавшіе насъ чиновники и туземцы.

Нѣтъ сомнѣнія, что «замиренная» теперь Бухара безъ всякаго стѣсненія предоставитъ возможность потомкамъ славнаго 9 линейнаго баталіона, особенно пострадавшаго въ этотъ штурмъ, отыскать останки беззавѣтно погибшихъ своихъ товарищей, дабы, помянувъ ихъ вѣчною памятью, воздвигнуть хотя бы скромный памятникъ на мѣстѣ ихъ послѣдняго упокоенія. Теперь времена уже мирныя, и нѣтъ основанія полагать, что приведенная въ надлежащій видъ братская могила подъ Китабомъ можетъ подвергнуться поруганію со стороны мусульманъ.

Мы миновали высокія глиняныя, до сихъ поръ грозныя стѣны Китаба, тщетно ища глазами пунктъ штурма. Только широкая, но не глубокая Кашка-Дарья, протекающая внизу подъ стѣнами, да виднѣющійся Урусъ-Кишлакъ, гдѣ стояла колонна девятаго баталіона, даютъ возможность ориентироваться и хоть приблизительно, по догадкамъ распознать окрестности, гдѣ была построена батарея Соковнина (командира 9 баталіона, умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Китабомъ въ первый день штурма).

Медленно втянулись мы въ Кайнарскій логъ, которымъ идетъ прекрасная, разработанная по распоряженію покойнаго графа Ростовцева, арбяная дорога на перевальъ Тахта-Карача и далѣе въ Самаркандъ, и расположились на предпоследній передъ городомъ ночлегъ.

А 16 сентября, въ три часа дня мы уже сидѣли въ чай-ханѣ, въ самаркандскихъ садахъ, въ ожиданіи наступленія темноты, которая скрыла бы наши лохмотья отъ взоровъ любопытныхъ. Не

---

¹⁾ Во время перваго неудачнаго штурма въ моментъ свалки ранены: генеральъ Абрамовъ, изъ отряда 4 штабъ-офицера, три оберъ-офицера и одинъ оберъ-офицеръ убитъ.

встрѣтили насъ ни войска, ни музыка, ни знакомые; мы такъ же скромно, какъ выступали, входили въ вѣчный городъ, задними улицами, тщательно закрывая шинелями падающія съ нашихъ плечъ, превратившіяся въ сплошную заплату рубахи. Меня била лихорадка, Ежовъ едва сидѣлъ на лошади. Темныя фигуры охотниковъ съ вьюками подошли къ дому командира баталіона и выстроились въ ожиданіи выхода начальника. Но его не было дома, и отрядъ поползъ въ крѣпость, чтобы скорѣе сжечь остатки своего бѣлья и броситься въ баню.

Такъ кончился нашъ нелегкій походъ на Памиры. Всѣ вернулись изъ него, по крайней мѣрѣ, живыми, кромѣ двухъ потерянныхъ лошадей и нѣсколькихъ псовъ. Ежовъ на другой же день былъ отправленъ въ лазаретъ, гдѣ вскорѣ и скончался; нѣсколько охотниковъ попали также въ госпиталь, но вышли оттуда здоровыми. За ними и я былъ отправленъ въ госпиталь съ серьезной формой какой-то замысловатой болѣзни, по словамъ докторовъ, явившейся слѣдствіемъ перенесенныхъ въ походѣ трудовъ и лишеній; пролежавъ въ госпиталѣ болѣе мѣсяца, я вышелъ оттуда больной и слабый и долго еще подлѣчивался дома. Н. Д. перебалывалъ и крѣпился на квартирѣ, пока, наконецъ, не вынужденъ былъ уѣхать въ Россію для поправленія сильно пошатнувагося здоровья.

Если ко всему этому прибавить стопы съемокъ, чертежей, описаній и рисунковъ, то это будетъ все, что вынесли мы, какъ плоды тяжелаго, изнурительнаго похода по горнымъ высямъ Туркестана и Памира и по безводнымъ солончаковымъ степямъ древняго Оксуса. Затѣмъ корпѣніе въ кабинетѣ надъ вычерчиваніемъ сотенъ верстъ съемокъ, составленіе отчета движенія и..... сдача всего этого по начальству.

Оглянувшись назадъ, невольно задаешь себѣ вопросъ: что же сдѣлалъ, въ сущности, этотъ крошечный отрядецъ, какіе результаты его экспедиціи? Коротко говоря, результаты слѣдующіе.

Открытіе перевала Сія-Кухъ и ледниковъ возлѣ него; открытіе, обследованіе и нанесеніе на карту широкой съемкой главной артеріи, дотолѣ необслѣдованной рѣчки Тупалангъ; отысканіе на ней дороги.

Затѣмъ—движеніе, частью наугадъ, по Дарвазу и Запанджскому Дарвазу съ цѣлью открытія пути на Памиры съ запада и съ цѣлью соединенія съ отрядами, тамъ расположенными. Съемка всей этой мѣстности и изслѣдованіе ея. Несомнѣнно, что появленіе такой, хотя и ничтожной части въ тылу афганскихъ отрядовъ, произвело извѣстное впечатлѣніе на нихъ, равно какъ и на всѣхъ туземцевъ восточной Бухары и западнаго Памира.

Далѣе—обслѣдованіе всего берега Аму, принадлежащаго Афганистану, отъ Айваджа до Шуръ-Оба. Съемка теченія Аму на этомъ же участкѣ. Изслѣдованіе всей восточной Бухары по двумъ направленіямъ съ нанесеніемъ подробной съемки. И наконецъ изслѣдованіе теченія рѣки Сангъ-Гардакъ-Дарьи, весьма условно положенной до того на картѣ; изслѣдованіе дорогъ и перевала изъ ущелья этой рѣки въ Шахризьбское бекство.

Такимъ образомъ, этотъ ничтожный отрядъ въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ похода (74 дня) сдѣлалъ 2.000 верстъ по самымъ неприступнымъ горнымъ краямъ, ледникамъ, ущельямъ, по голымъ степямъ и тугаямъ при тропической, иногда превосходящей 60 градусовъ по Реомюру жарѣ. Изъ всего этого времени десять дней было употреблено на дневки и отдыхъ; въ остальные же 64 дня былъ совершенъ двухтысячный переходъ, что равносильно пробѣгу по 31 верстѣ въ день. А если къ этому прибавить, что, кромѣ всего этого, въ это же время были совершаемы рискованныя переправы черезъ Пянджъ на гупсаровыхъ плотахъ, переходы въ бродъ черезъ быстрые и подчасъ глубокіе рѣки и ручьи, были совершаемы подъемы и спуски на такія точки, какъ перевалы Чарага въ 11.000 футовъ, Сія-Кухъ — около 15.000 ф., Тіанъ — 5.300 ф., Гули-Зинданъ — около 5.000 ф., Кокъ — 4.500 ф., Загара — 6.300 ф. (онъ же Тіонъ), Тальбаръ — 11.000 ф., Захъ-Бурси — 11.000 ф., Хобу-Рабатъ — 11.500 ф., Паткъ — 17.000 — 18.000 ф., Броу — 13.000 ф., Гульдзари — около 12.000 ф., Рога — 12.000 ф., Гумай — 11.000 ф., Бораси — 10.500 ф., Пишхарвъ — 8.500 ф., Курговать — 7.000 ф., Кайвакъ — 8.000 ф., снова Хобу-Рабатъ — 11.500 ф., Рогакъ — около 11.500 ф., Хазретъ-и-ша — около 11.500 ф., вновь Тальбаръ — 11.000 ф., затѣмъ рядъ мелкихъ, но тоже тяжелыхъ переваловъ, какъ Даштъ-Гузаръ — 3.700 ф., Сангъ-Туда — 4.000 ф., Таллы — 3.500 ф. (относительно долины Аму, лежащей на 1.000 футахъ, — превышеніе значительное), Джилисы-Кахъ — около 3.000 ф. и, наконецъ, снова такіе подъемы, какъ Сангъ-Гардакъ — 12.000 ф., Чакманъ-Куйды — 10.500 ф. и Тахта-Карапа — 5.500 ф., — то даже совершенно неопытному въ походахъ человѣку станетъ яснымъ, что это движеніе команды было не только выходящимъ по быстротѣ и трудности пути изъ ряда вонъ походомъ, но и дѣломъ, на которое рѣшиться второй разъ одному и тому же человѣку трудно, и которое совершается лишь, такъ сказать, съ разбѣга.

Здѣсь, въ этомъ походѣ еще разъ блестяще подтвердилась репутация русскаго солдата. Горныя выси, глубокія ущелья, снѣга и льды, пески и солончаки, накаленные полуденнымъ солнцемъ, громадныя переходы безъ воды, голодъ и жажда, лихорадка и горная болѣзнь, все это, какъ въ калейдоскопѣ, пронеслось передъ изнуренными, заброшенными въ дикую страну горъ двадцатью русскими солдатами, твердо и сознательно отмѣрившими каждый

шагъ этихъ громаднѣхъ пространствъ своими ногами съ одной лишь думкой въ головѣ: «послали—значитъ итти надо, наши старики и не такъ ходили; умирать надо—умремъ; всѣ тамъ будемъ; а къ голоду и холоду мы и съ дѣтства привыкли».

Къ одному лишь не могли привыкнуть солдатики—это къ мысли, что лежать въ родной Россіи на дѣдовскомъ погостѣ одинаково, что быть похороненнымъ въ камняхъ дикаго Запанджскаго Дарваза. Ну, да къ этому врядъ ли можно привыкнуть истинно русскому человѣку.

Б. Литвиновъ.

